

Александр Михайловский
Александр Харников

«ГРОЗА» ПРОТИВ «БАРБАРОССЫ»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

22 июня 1941 года стал черным днем нашей истории. В этот день гитлеровская Германия напала на СССР, начав Великую Отечественную войну. А что могло бы произойти, если бы Советский Союз был готов к нападению и нанес бы нацистам встречный удар? И если бы помощь СССР оказала бы нынешняя Российская Федерация? Что можно сделать, чтобы предотвратить трагедию 22 июня? Президент России и Сталин встречаются и заключают договор о взаимопомощи. Солдаты и офицеры Российской армии, в составе Экспедиционного корпуса, готовятся вместе со своими предками встретить нападение Германии и ее союзников на СССР. Маршал Шапошников в Москве возлагает цветы к Могиле Неизвестного солдата... Что же все-таки произойдет 22 июня 1941 года в новой реальности? Каким путем пойдет мировая история, и кто победит – Третий рейх и его сателлиты, или объединенные силы Страны Советов и Российской Федерации? Ответы на эти вопросы можно найти в первой книге нового цикла.

- [Александр Михайловский, Александр Харников](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть 1. Трудное решение](#)
 - [Часть 2. Разведчики времени](#)
 - [Часть 3. Союз нерушимый республик свободных](#)
 - [Часть 4. Путь к победе](#)
-

Александр Михайловский, Александр Харников «Гроза» против «Барбароссы»

© Александр Михайловский, Александр Харников, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Юрия
Жукова и Макса Д (он же Road Warrior).*

Пролог

22 июня 1941 года, 03:25. Белорусская ССР, государственная граница СССР и Третьего рейха

В час, когда зарозовевший восток уже осветил заревом полнеба, на еще темной западной стороне слышалось заунывное завывание сотен авиационных моторов. В этот предрассветный час, лежащий между самой короткой ночью и самым длинным днем, люфтваффе начало свой Великий Поход на восток за жизненным пространством и поместьями с сотнями покорных славянских рабов. Два часа назад пилотам, штурманам и стрелкам, героям воздушных налетов на Варшаву, Роттердам и Лондон, был зачитан приказ фюрера о нападении на СССР. Время, ранее называемое «мирным», стремительно уходило в далекое прошлое, а взамен мира с тяжелым лязгом, гулом и воем на Страну Советов накатывалась война.

Первыми советско-германскую границу на большой высоте пересекло несколько десятков бомбардировщиков Ю-88. Приглушив моторы, они со снижением направились в глубину советской территории, к стратегическим аэродромам, армейским складам и окружным командным пунктам РККА. А вслед за ними, завывая на все голоса ЮМОвскими и БМВшными моторами, тупо перлось дюралевое стадо из сотен «юнкерсов», «хейнкелей», «дорнье»... «Мессершмитты» из истребительных эскадр должны были взлететь несколько позже, чтобы поддержать свои бомбардировщики во время второго и последующего налетов. Так решили в штабах люфтваффе. Еще не упала ни одна бомба, не был сделан ни один выстрел, а война уже пришла в миллионы советских домов.

Внешне все походило на те бесчисленные варианты истории, в которых гитлеровская Германия летом сорок первого года в разные сроки, под разными предлогами и с разной степенью вероломства внезапно нападала на СССР. Исход же всегда был один – победа вермахта в приграничном сражении, присоединение СССР к антигитлеровскому альянсу и затяжная война разной степени продолжительности, кончавшаяся обязательным разгромом вермахта. Союзники могли провести свою историческую встречу на Висле, Одере, Эльбе, Рейне или даже Сене, но исход всегда был примерно один. Вслед за Рузвельтом в Америке к власти приходил Трумэн, вслед за Второй мировой следовала Холодная война, и все начиналось сначала.

В этот же раз все было совсем не так. Страна, лежащая на востоке,

только притворялась спящей. Вчера вечером по войскам, словно электрический эмпульс, прошел сигнал «Гроза», и советские солдаты, измученные бесконечными учениями, стрельбами и марш-бросками, чего не было в других вариантах истории, наконец отошли в пункты постоянной дислокации. Там они сходили в баню, получили чистое нательное белье и новую форму «образца сорок первого года», после чего посетили клуб, где посмотрели кино. Во всех ротах, эскадронах, батареях и эскадрильях показывали один и тот же фильм – «Обыкновенный фашизм».

В двадцать два ноль-ноль на всем протяжении приграничных округов, от Мурманска до Одессы, прозвучала команда «Боевая тревога». В течение ночи, до самого рассвета, части РККА занимали назначенные им для прикрытия участки советско-германской, советско-финской, советско-венгерской и советско-румынской границ, пополняя и усиливая заранее выдвинутые вперед специально созданные артпульбаты.

К Бресту, Августову, Граево, Гродно и Алитусу по лесным дорогам в течение ночи выдвинулись взявшие как бы из ниоткуда механизированные и мотострелковые бригады особого назначения, непривычно экипированные и до зубов вооруженные несвойственным для РККА оружием.

В штабе Западного ОВО бился в беззвучной истерике с кляпом во рту примотанный скотчем к стулу генерал армии Павлов. Люди, внезапно вломившиеся в его кабинет, не разделяли его идей и страхов, со всей серьезностью готовились к тому, чтобы «отразить» и «уничтожить» самую могущественнейшую армию в мире. В ночь с двадцать первого на двадцать второе июня в Минск прибыл представитель недавно организованной Ставки Верховного Главнокомандования генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, призванный координировать действия РККА на Западном стратегическом направлении. Действия РККА на юго-западном направлении из Киева должен был координировать еще один представитель Ставки – народный комиссар государственного контроля Лев Захарович Мехлис.

Сам Сталин в эту ночь не поехал на Ближнюю дачу, а остался в своем кремлевском кабинете. Американские телефоны ВЧ на его рабочем столе молчали, готовые обеспечить прямую связь с Мурманском, Ленинградом, Таллином, Минском, Киевом, Севастополем. Такая же напряженная тишина царила и в кремлевском кабинете Вождя.

В тот самый момент, когда утомленные ночным маршем и едва успевшие прикорнуть в окопах красноармейцы были разбужены гулом пролетающих в вышине самолетов, на столе у Верховного зазвонил

телефон, на корпусе которого прозрачной лентой была приклеена бумажка с надписью «Минск».

– Все-таки напал, мерзавец, – сказал Сталин, выслушав рапорт лучшего менеджера всех времен и народов. – Лаврентий, передай там товарищам, чтоб начинали. Пора.

Не успел положить трубку Берия, как последовал звонок из Киева, рапорт Мехлиса в точности повторял донесения из Минска. Немецкая авиация пересекла границу, вражеская артиллерия ведет огонь по погранзаствам, казармам, складам и аэродромам. Потерь нет, поскольку личный состав, техника, вооружение заблаговременно перемещены в запасные районы, а боеприпасы, ГСМ и прочее имущество розданы в войска.

Мехлис еще докладывал Сталину, а с КП в Минске вышла на связь радиостанция, работающая на еще не освоенных немцами диапазонах:

– Всем, кто меня слышит. Я – «Эльбрус». «Гроза! Гроза! Гроза!»

По этой команде на взлет пошли истребители Западного и Юго-западного стратегических направлений, а также истребители 1-й воздушной армии ОСНАЗ, дислоцированные на недавно оборудованных полевых аэродромах в районе Минск – Барановичи. Об этой воздушной армии, внезапно, как будто ниоткуда появившейся в ЗапОВО, будет отдельный разговор.

По этой команде советская артиллерия открыла шквальный ответный огонь по немецким огневым позициям, форсирующим границу войскам и забитым солдатами и техникой исходным рубежам. На не ожидающих того Теодоров, Гансов, Густавов и Михелей обрушился огневой шквал невиданной ими до того силы. Орудий калибра 76 мм и выше в Западном и Киевском ОВО было много. В нашем прошлом для захваченных в трофеи гаубиц М-30 и МЛ-20, принятых на вооружение вермахта под обозначениями 12,2cm s.F.H.396(r) и 15,2cm КН.433/1(r), немцы даже развернули собственное производство боеприпасов. Трофейная 76-мм дивизионная пушка Ф-22 для вермахта массово переделывалась в противотанковую пушку Pak-36(r), имевшую у наших танкистов прозвище «Гадюка».

В тот раз противник был в одном месте, орудия в другом, тягловая сила – лошади и трактора – в третьем, а боеприпасы в четвертом. Теперь же все сошлось в одном месте, и вермахт, уже изготовившийся к рывку на восток, в полной мере испытал на своей шкуре огненный кулак советских батарей.

В то время как передовые роты немецкой пехоты под шквальным

пулеметно-артиллерийским огнем пытались форсировать приграничные реки, на позиции их артиллерии, исходные рубежи атаки и запасные позиции обрушился огненный град. Все те снаряды, которые генерал Павлов скопил в приграничных районах для их последующей сдачи «европейским освободителям», сейчас падали на их головы, так сказать в натуральной форме.

Минут через пять непрерывным огнем кипела уже вся граница, от Лиепай до Перемышля и от Измаила до Черновцов. Приграничное сражение, ставшее началом конца Третьего рейха, набирало обороты. В Цоссене пока еще никто ничего толком не понял. Германское командование пока еще лихорадочно бросало в топку предназначенные для развития успеха резервы, стремясь сломить неожиданное сопротивление, выйти на оперативный простор и наверстать упущенные часы и минуты. Бараны радостно бодали нарисованные на каменной стене красивые ворота.

Пока немецкие сухопутные войска пытались хоть как-то привыкнуть к тому факту, что внезапного нападения не получилось, и воевать с русскими теперь придется всерьез, по-взрослому, перед асами люфтваффе в лучах восходящего солнца появились многочисленные черные точки. Небо прочертили пушистые белые следы самонаводящихся реактивных снарядов, а спустя еще несколько минут на идущие без истребительного прикрытия бомбардировщики 2-го и частично 1-го воздушного флота, действующие сейчас в интересах группы армий «Центр», внезапно обрушилось до тысячи новейших радиофицированных пушечных истребителей И-182 с опытными, облетанными экспертами в кабинах. В утреннем белорусском небе началось избиение.

В тот момент сгорающим в пламени бензина и дюралю асам люфтваффе, отчаянно сражающимся даже не за победу, а за простое выживание, было не понять – откуда у русских столько неизвестных, самых современных самолетов, откуда у них столько опытных пилотов с боевым опытом, кто надоумил их ставить на свои истребители пушки вместо пулеметов, что это за реактивные снаряды, попадающие прямо в моторы «хейнкелей» и «юнкерсов»...

Чтобы ответить на этот вопрос, нам надо отчасти вернуться на десять с половиной месяцев назад, а отчасти и перенестись в иное время и иную реальность. Эта история началась не здесь и не сейчас.

Часть 1. Трудное решение

11 января 2017 года, 10:15. Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, полигон ГНКЦ «Позитрон», бывший подземный ангар для бомбардировщиков

Мела метель. На улице еще царил тьма. В январе на этой широте светает где-то около полудня, а к трем часам дня опять начинает смеркаться. Люди, вот уже три с половиной года живущие и работающие в этом глухом уголке России, в зимнее, да и летнее время, уже привыкли не обращать внимания на восходы и закаты солнца и жить по своему рабочему календарю.

Сейчас в помещении, некогда служившим подземным ангаром для бомбардировщиков Ту-22М-2, вокруг готовой к запуску установки, собралась вся команда ее создателей. Сама темпоральная камера была смонтирована на поверхности, километрах в полтора от ангара, и была ограждена массивным кубом из толстого бронестекла двух с половиной метровой ширины, высоты и толщины. Десяток камер вел постоянную съемку всего, что происходило внутри куба, а также состояния внешнего оборудования. Кроме этого, пространство внутри камеры было напичкано десятками датчиков температуры, давления, жесткого излучения, влажности. Среди разработчиков ходило мнение, что если чуть по-другому интерпретировать первоначальные расчеты, то прокол мог быть не вневременным, а внепространственным. Это конечно же тоже интересно, но в таком случае неизвестно, куда откроется канал, которым еще не научились управлять: в межзвездный вакуум (что вероятнее всего), на дно океана или в недра звезды.

Генеральный конструктор ГНКЦ «Позитрон» Сергей Витальевич Зайцев перед запуском от волнения не мог найти себе места. Он все время протирал платком очки, мерил шагами помещение ангара, обогреваемого гудящими тепловыми пушками. Все предыдущие варианты установок были повторением пройденного еще в советское время, во времена его молодости, и могли вызвать только ослабление пространственно-временной структуры, которое, правда, уже регистрировалось приборами. Но и только. А руководство требовало конкретной отдачи от тех двух миллиардов рублей, что уже были вложены в исследования.

Присутствующий при этих испытаниях полковник ФСБ Павел

Павлович Одинцов, известный в определенных кругах просто как Пал Палыч, курировал ГНКЦ «Позитрон» от Администрации Президента и был человеком обстоятельным и по-своему дотошным. Именно его заслугой был этот научный городок, с удобством разместившийся на заброшенной дальней авиабазе, что гарантировало отсутствие поблизости «борцов с коррупцией» и «иностранных шпионов». Впрочем, зачастую борцы с коррупцией, а также за экологию, не брезговали подрабатывать шпионажем, а профессиональные шпионы яростно боролись за сохранение живой природы и чистоту рядов российского чиновничества. Главное для них было то, чтобы их деятельность шла на пользу главному заокеанскому бенефициару, а заодно и хорошо оплачивалась. Благодаря этим «борцунам» за демократию родное государство и было вынуждено загнать команду исследователей туда, куда Макар телят не гонял. Правда, при этом их хорошо обеспечили всем необходимым для проживания хоть в центре Москвы, хоть на необитаемом острове, хоть на иной планете. А наличие взлетно-посадочной полосы позволяло принимать военно-транспортные самолеты со снабжением. Поговаривали даже, что в случае успеха, как уже это было в прошлые годы, Сам может лично тайком прилететь сюда на персональном истребителе.

Но все когда-нибудь кончается, и четвертый вариант установки, наконец, был собран, испытан на холостых прогонах и, кажется, был готов выдать результат.

У компьютера, управляющего темпоральной установкой, сидит начальник испытательной службы Михеев Александр Владимирович, правая рука профессора Зайцева. В углу, в тени, неподвижной статуей застыла Ольга Александровна Кокоринцева, она же – «Большая О», она же – начальник лаборатории математических методов. Тут же худощавый, по-татарски резкий и злой, начальник группы монтажа Зиганшин Назир Турсунович. И эта установка, и три ее более ранних версии собраны его руками и руками его инженеров и техников, которые тоже должны получить свою минуту славы, и сейчас стояли, выстроившись вдоль стен.

В ангаре стоит полная тишина, слышно только натужное гудение силовых трансформаторов за перегородкой и то, как в соседнем ангаре отчаянно воют мощные дизельные генераторы, перегоняя солярку в мегаватты.

– Александр Владимирович, – сказал профессор Зайцев, нервно потирая руки, – будьте добры, дайте, пожалуйста, рабочее напряжение на эмиттеры.

– Готово, Сергей Витальевич, – отозвался тот, – потребляемая

мощность холостого хода в норме, ионизация воздуха в темпоральной камере в норме, темпоральная камера герметична.

– На какое давление вы ее испытывали? – спросил стоящий за спиной Михеева Одинцов.

– На две с половиной атмосферы, Павел Павлович, – ответил Михеев, – для попадания зоны перехода в вакуум этого вполне достаточно, ну, а в случае открытия в воде на большой глубине установка просто отключится.

Полковник Одинцов кивнул и, по-байроновски сложив руки на груди, посмотрел на профессора Зайцева:

– Начинайте, Сергей Витальевич.

Профессор Зайцев поднял голову и оставил, наконец, в покое свои очки.

– Александр Владимирович, поднимайте частоту, – сказал он своему помощнику. – И следите за потребляемой мощностью.

Гудение трансформаторов изменило свой тон, а профессор повернулся к полковнику Одинцову.

– По предварительным расчетам, – сказал он, – у нас там должно быть несколько окон, хотелось бы только знать, куда?

В левом нижнем углу дисплея замелькали сменяющие друг друга цифры, а слева направо побежала тонкая черная линия, прямая, как кардиограмма покойника. Вдруг трансформаторы за стеной на мгновение резко изменили частоту гудения, на экранах мониторов, куда подавался сигнал с камер наблюдения, промелькнула вспышка, а бегущая по дисплею линия молнией метнулась вверх и тут же упала обратно.

– Пробой, ей-богу, пробой, Александр Владимирович, – воскликнул профессор Зайцев. – Назад, давайте скорее назад. Наверное, тут нужна более тонкая настройка. Попробуйте переключиться на ручной режим...

– Минуточку! – сжав зубы, начальник испытательной службы хлопнул по клавише «пауза», потом осторожно застучал по кнопке «влево», пытаясь нащупать ускользнувшую частоту. Минуты через две его усилия увенчались успехом. Линия, указывающая на потребляемую мощность, опять поползла вверх, изменился и тон работы трансформаторов. Еще немного и телевизионные мониторы сначала посветлели, потом на них установилась четкая и ясная картинка. Место все узнали сразу, недаром почти все согласно условиям контракта торчали здесь уже больше трех лет. Но, во-первых, вместо редких огней в крошечной тьме на телевизионных экранах был яркий полдень, во-вторых, там стояло лето, в-третьих, аэродром находился на месте, но пребывал в полном запустении, как это и

было до прибытия сюда позитроновцев.

Пал Палыч хрустнул суставами пальцев.

– Поздравляю, товарищи! Полк расформировали в девяносто втором, мы с вами приехали сюда поздней весной две тысячи четырнадцатого. Ваша машина определенно работает, – кивнув, полковник Одинцов подошел поближе к дисплеям. – Давайте, профессор, запишите эту, как его, частоту, и посмотрим, что у нас дальше...

Профессор цыкнул на зашумевших было техников и склонился над дисплеем рядом с Михеевым. На этот раз на сканирование диапазона вместо пяти минут ушло примерно минут восемь. На этот раз по ту сторону временного барьера снова была зима. Но вместо ночи воздух был буквально пропитан синевой сумерек. И еще, аэродром не просто присутствовал на месте, он жил. Горели яркие посадочные огни на полосе, с диспетчерской вышки ярко светили прожектора, заливая все вокруг призрачным неживым галогеновым светом. Пал Палыч подкрутил на одном из мониторов ручку громкости, и в ангар ворвался заунывный вой прогреваемых авиационных турбин. Не успели присутствующие переглянуться, как по полосе с сотрясающим все вокруг грохотом на взлет пошел бомбардировщик Ту-22.

Одинцов кивнул.

– Картина выглядит все интереснее. Аэродром был построен в 1956-м, первоначально полк был вооружен бомбардировщиками Ту-16, в 1962-м их заменили, на Ту-22, которые и стояли на вооружении до самого расформирования.

– Значит, вторая зона у нас где-то между 62-м и 92-м? – предположил Михеев.

– Правильно, – подтвердил Одинцов, – Где-то между... Очень точный адрес. Давайте дальше...

А дальше, еще примерно через тринадцать минут сканирования, в третьей зоне был весенний лес безо всяких признаков аэродрома, потом еще через двадцать две минуты в четвертой зоне снова был точно такой же, но летний лес. Нет, не точно такой же, снимки, сделанные с одного ракурса, показывали, что лес успел значительно измениться, потом через тридцать семь минут сканирования в пятой зоне был еще один зимний лес, потом, через час с лишним, в шестой зоне снова была зима... Со времени начала эксперимента прошло уже три часа, все изрядно утомились.

– Стоп, товарищ Михеев, – остановил Одинцов инженера, когда тот собрался запустить сканер в поисках седьмой зоны. – Скажите, ваши техники с работой поиска этих временных зон самостоятельно справиться

смогут?

Вместо Михеева полковнику Одинцову ответил профессор Зайцев:

– Техникам оборудование доверить страшновато, а вот любой из инженеров испытательной службы, пожалуй, справится.

Полковник Одинцов вздохнул.

– Тогда бог с ним, товарищи, не будем спешить. Сегодня у нас и так великий день. Выключайте свою машину, профессор, и пойдем все в мою контору. Есть разговор о будущем.

11 января 2017 года, 13:35. Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, полигон ГНКЦ «Позитрон», здание бывшего штаба полка, кабинет куратора

– Товарищи и господа – кому как удобнее, – сказал Одинцов, когда его гости расселись по стульям и диванам, – все вы молодцы, так что вам моя благодарность и рукопожатие перед строем. Теперь, как в КВНе – два вопроса для умных голов. Первое – нам необходимо научиться точно определять – куда мы попали? И второй вопрос – что с этой вашей машиной делать? Кстати, о Нобелевской премии по физике пока и не мечтайте, поскольку ваша машина есть наше самое тайное и мощное оружие. Ну, кто же откажется раздавить паровоз еще тогда, когда он был чайником?

– Насчет «нобелевки» понятно, не очень-то и рассчитывали, – кивнул профессор Зайцев, протирая платком очки. – Что касается определения временного адреса, то в голову не приходит ничего, как выйти на улицу и спросить...

– Выйти и спросить это, простите, по моей части, – поправил профессора Одинцов. – А я пока считаю такой экстрим преждевременным. Так что, дорогие мои, нужен научный метод.

Начальник испытательной службы на некоторое время задумался, потом сказал:

– Тогда, Павел Павлович, мы можем попробовать воспользоваться астрономическим методом?

– Астрономическим? – переспросил профессор Зайцев.

– Вот именно, – подтвердил Михеев, – я где-то читал, что полная карта звездного неба никогда не повторяется, и, зная место и точное время снимка, вполне можно вычислить год и день.

– Значит, вам нужен астроном? – Одинцов задумался, потом кивнул. – Астронома найдем! Что еще?

– Переезжать отсюда надо, – вздохнула Ольга Кокоринцева, колыхнув необъятной грудью, – тут у нас триста двадцать дней в году пасмурные, и астроном ничего не увидит...

Глаза у Одинцова округлились.

– Куда переезжать?! Ваша машино-бандура занимает целый ангар, и секретна, как десять манхеттенских проектов! Скажите, Ольга Александровна, а без переездов нельзя?

Тут Зайцев и Михеев переглянулись.

– Видите ли, Павел Павлович, – начал профессор, – этот вариант машины такой громоздкий из-за варьiruемого кристалла, который нужен при сканировании. В полевой конструкции мы можем применить куда более простой метод со сменными картриджами, каждый из которых рассчитан на свой канал. Размеры машины при этом сильно уменьшатся, а если перейти на питание от промышленной сети, то тогда не будут нужны и генераторы.

– Понятно, – кивнул Одинцов, – это обнадеживает. Теперь три вопроса. Первый – в какой срок вы закончите этот свой полевой вариант? Второй – какие у него будут габариты? Третий – куда ехать за снимками неба?

Инженер Зиганшин прокашлялся.

– Товарищ Одинцов, по первому вопросу я думаю, что мои ребята уложатся в три-четыре, максимум в десять дней. За основу мы сможем взять уже готовый второй неудачный вариант изделия, он у нас до сих пор не разобран. Необходимо только переделать его под сменные кристаллы и откалибровать. Что касается размеров... – Назир Турсунович задумался. – Рассчитывайте на два КамАЗа. В кунге можно будет смонтировать саму машину, а в тентованном – перевозить темпоральную камеру и кабельное хозяйство. Если местность без промышленных сетей, то тогда понадобится еще две машины: одна с дизель-генератором, а другая с трансформатором...

Инженер Зиганшин посмотрел на начальника испытательной службы и провел рукой по гладко выбритому подбородку.

– Только вот, Александр Владимирович, должен заметить, что для временных зон, расположенных в двадцатом веке, астрономический метод явно избыточен. Достаточно ввести в темпоральную камеру антенну радиоприемника и прослушать местное радио... Хотя бы «Маяк», или что там в это время есть. Сигналы точного времени транслируются с самого начала регулярного радиовещания. Это я вам говорю как специалист и краевед.

– Назир прав, это я, дура, сразу не догадалась, – сказала Кокоринцева и добавила: – Астрономией лучше всего заниматься на югах, там, где триста солнечных дней в году, высокогорье, арбузы, хурма, а также попадают и наши военные базы...

– Спасибо за совет, Ольга Александровна и Назир Турсунович, – кивнул полковник Одинцов. – Итак, товарищи, цели определены, задачи ясны – за работу!

13 января 2017 года, 09:05. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации

Утро было ясное, с морозцем. Президент только что вернулся с короткой лыжной прогулки. Несмотря на то что годы брали свое, простые радости жизни по-прежнему его бодрили. Но не успел глава государства выпить утреннюю чашечку кофе, как ему доложили, что со срочным сообщением прибыл куратор ГНКЦ «Позитрон» полковник ФСБ Павел Павлович Одинцов. Об этом проекте президент каждый раз вспоминал, внутренне содрогаясь. Четыре года назад он поддался временной слабости и, в порыве надежды на достижимость результата, выделил деньги на этот проект, проведя их по статье «создание оружия на новых физических принципах».

Хорошо, что никто в Думе, или, не дай бог, в несистемной оппозиции так и не пронюхал, на что именно были выделено финансирование. А то позору не оберешься. Российская Федерация тратит бюджет на создание машины времени! Круче был бы только вечный двигатель.

Кстати, а что там такого срочного у товарища Одинцова? Этот зря не придет, скрытен и самостоятелен настолько, что и ранее, из-за наличия этих качеств, считался наказанием для любого начальства. Но умен, решителен и надежен – чего-чего, а этого у него не отнять.

«Кстати, – подумал президент, входя в кабинет, – наверное, у этого самого “Позитрона” закончились деньги, и сейчас его будут, что называется, откровенно “разводить”». Вот в таком сумрачном настроении глава государства и прошел свой кабинет, куда с минуты на минуту должны были пригласить нежданного гостя и старого боевого товарища.

Одинцов, как ни странно, находился в отличнейшем расположении духа. Крепко пожав президенту руку, он поздоровался с тем небольшим оттенком фамильярности, который допускается при прошлой службе в одной конторе.

– Доброе утро, Владимир Владимирович, – сказал Одинцов, после чего на свет божий появилась большая кожаная папка. Гипотеза о

выклянчивании дополнительного финансирования затрещала по швам. Владимир Владимирович очень хорошо знал полковника Одинцова. С таким выражением лица денег не просят. С таким выражением лица начальству готовятся предъявить отрубленную по самые уши голову злейшего врага...

Усевшись за свой знаменитый стол, заинтригованный президент побарабанил пальцами по столу, чуть наклонил вбок голову и заинтересованно спросил:

– Ну-с, Павел Павлович, чем порадуете?

В ответ Одинцов хитро улыбнулся и, раскрыв свою знаменитую папку, с небольшой хрипотцой в голосе произнес:

– Товарищ президент, группой профессора Зайцева был достигнут полный успех! Я лично был этому свидетелем. Короче, Владимир Владимирович, за наши деньги мы имеем фундаментальный прорыв в науке, минимум три «нобелевки» и большую проблему – что со всем этим делать дальше. Но давайте по порядку...

После такого заявления в кабинете наступила такая тишина, что стало слышно, как в углу жалуется на жизнь стойкая зимняя муха.

– Неудачи предыдущих экспериментов, – сказал полковник Одинцов, – объяснялись тем, что временной барьер – это монолитная стена, в которой есть как бы узкие квантованные щели, ведущие в прошлое. Это стало понятно, когда профессор Зайцев и его сотрудники по результатам предыдущих неудачных экспериментов доработали свою математическую модель. Принцип работы последнего варианта установки основан на том, что она как бы ощупывает эту стену в поисках слабых мест, через которые можно прорваться в прошлое.

Не прекращая доклада, Павел Павлович извлек на свет божий несколько отличных цветных фотографий, явно снятых с одной точки и в одном направлении, и веером разложил их перед главой государства.

– Владимир Владимирович, – сказал он, – все эти фото сделаны вчерепозавчера. – Видите разницу? ...Вот это наш аэродром сегодня. Вот он же, но 15 июня 2008 года. – При упоминании 2008 года президент поморщился, как от зубной боли, а Одинцов, выдержав паузу, продолжил: – Вот он же 2 ноября 1990 года, и он же – 25 июня 1940 года, точнее, это не сам аэродром, а то самое место, на котором он будет впоследствии построен...

Президент задумчиво перебирал фотографии, пытаясь привести в порядок свои мысли. В словах полковника Одинцова он не усомнился ни на йоту. Ложь со стороны таких людей, как он, была исключена. Он был «свой», и этим все было сказано. Теперь следовало понять, что же следует

делать дальше. Ведь на что-то именно такое, в принципе, он и рассчитывал, когда открыл этому профессору Зайцеву финансирование и приставил к нему Одинцова. На что именно? – На то, что машина профессора позволит ему задним числом исправить некоторые собственные ошибки?

Получается – нет, не позволит. В июне 2008 поздно было что-либо исправлять – поезд уже ушел.

Эх, если бы он тогда был такой умный, как сейчас. Если бы это был июнь предыдущего года, тогда он, получив подсказку, смог бы переиграть с преемником, выбрать другого человека, или, поменяв конституцию, самому пойти на третий срок. Но чего нет, того нет. И одно фото оказалось аккуратно отложенным в сторону за ненужностью. Там нечего менять, да и изменить уже ничего не возможно.

Третье фото. Поздняя осень 1990 года. Здесь все красиво, но этой красоте осталось быть всего несколько месяцев. Уже год, как выведены в чистое поле советские войска из Европы, а миллиард марок немецкой компенсации, предназначенной для строительства военных городков, растворился, словно этих денег никогда и не существовало в природе. Президент помнил, что как раз в ноябре началась павловская денежная реформа, замораживание, а по сути – конфискация вкладов населения, что стало началом конца СССР.

Выиграли тогда только те, кто держал свои средства в еще запрещенной иностранной валюте. А вот это стало началом безумных 90-х. А еще страна тогда, как ребенок свинкой, болела жаждой свободы и демократии. У него нет лекарства от этой болезни, особенно если учесть, что во главе страны в это время стояли или трусы и дураки, или же откровенные предатели, которые чуть позже и разорвали ее на множество кусков. Нет, тут тоже поздно что-то спасать. Десятью годами ранее он бы знал, что ему делать, а сейчас... И третья фотография отправилась вслед за второй.

Осталось последнее фото. Президент задумался. Май 1940 года... СССР, еще не тронутый страшной войной, и в кремлевском кабинете сидит товарищ Сталин, великий и ужасный. Страшно даже помыслить, но именно там он и его товарищи могут сделать многое, очень многое. Если, конечно, удастся договориться с самим товарищем Сталиным... Про лучшего вождя всех времен и народов пишут и говорят много разных ужасов, в которые, конечно, можно было бы поверить, если бы те же самые люди про него самого не рассказывали примерно то же самое, что и про покойного Иосифа Виссарионовича.

Насколько Владимир Владимирович знал лично себя, все рассказы

демократической прессы о «кровавой гекне» и «ужасном тиране» Владимире Путине были, есть и будут самой откровеннейшей ложью. А это значит, что единожды совравшие хранители общечеловеческих ценностей соврут еще не один раз, и нет им доверия. Доверять в таком деле он может только себе, своим суждениям и ощущениям, человека, мотающего уже семнадцатый год «срока» на самой вершине власти. Скоро будет побит рекорд незабвенного Леонида Ильича, дольше него, Путина, Россией руководили только товарищ Сталин да еще некоторые цари.

Президент вздохнул. Сказать честно, как для него самого, так и для многих и многих других Сталин был, есть и будет эталоном того, как надо управлять государством. Ликвидация неграмотности, коллективизация, индустриализация, Великая Победа, Ракетный и Атомный проекты. Это все его наследство, которое потомки прожигают и все никак не могут прожрать.

Хотя и на солнце есть пятна – свидетельством чему может служить «ежовщина», да то самое 22 июня, и «товарищ» Хрущев, которого Сталин проморгал за личиной «клоуна», чем и дал впоследствии шанс «жопе с ушами» вскарабкаться на опустевшее место великого вождя.

Президент еще раз посмотрел на лежащее перед ним фото. Нет, если он не решится, и не сделает ЭТО, то будет навеки проклят. Двадцать шесть или пятьдесят миллионов погибших, бог весть сколько нерожденных не простят ему этого. В конце концов, когда в конце 1999-го он уселся на скамью «галерного гребца», ему было куда тяжелее. Потом были победы, но были и досадные ошибки, исправлять которые приходилось позже, и которые стоили стране потерянного темпа. Не один лишь Хрущев сумел прикинуться послушным и всем удобным и нужным недоумком. Нет, решение принято, и будет выполнено, чего бы ему это ни стоило.

Только к подготовке операции надо подойти предельно серьезно. Главное – сохранить тайну этого изобретения. Если никто ничего не узнал о нем до сих пор, то такое положение вещей должно сохраняться и дальше. Ни один посторонний человек до самого последнего момента не должен даже заподозрить, что происходит нечто экстраординарное.

Поэтому круг посвященных должен быть ограничен, и включать в него можно только самых преданных соратников-единомышленников и непосредственных исполнителей. Иванов, Шойгу, Rogozin, Козак, тот же Одинцов. Войну с Германией можно возложить на плечи генерала Шаманова. Старый конь борозды не испортит и еще способен затмить славу Жукова, поставив в позу пьющего оленя самую сильную за все время существования человечества армию объединенной Европы...

Кстати, для сохранения абсолютной секретности, для всех, кроме избранного круга непосредственных помощников, необходимо организовать операцию прикрытия, способную запутать не только своих, доморощенных либерастов, но и крайне любопытные ЦРУ, Моссад, АНБ, МИ-6, Сюрте Женераль и прочие БНД. Кроме того, остро необходима отдельная операция обеспечения. Для этого тоже можно использовать установку профессора Зайцева. Можно хоть испанские золотые галеоны грабить в теплых морях или собирать открыто валяющиеся в намибийской пустыне алмазы. Финансовые ресурсы на операцию понадобятся огромные, тут миллиардом-другим нынешних российских рублей не отделаешься. Нужно понять, сколько понадобится средств, где их взять, как легализовать и как потратить, так, чтобы никто ничего не понял.

Но прямо сейчас над этим ломать голову не стоит – одна голова хорошо, а несколько – лучше. Тут надо хорошенечко обо всем подумать, стараясь не упустить ни одной мелочи, а потом посоветоваться со специалистами и еще раз все обдумать. Понятно главное, что до часа «Ч» ТАМ осталось уже меньше года. Президент посмотрел на стопку фотографий, так и оставшихся лежать перед Одинцовым, и спросил:

– А это что?

– Владимир Владимирович, – ответил Одинцов, – остальные семь временных зон датировать пока не удалось, по причине отсутствия в те времена радиовещания. Товарищи ученые предложили создать мобильный вариант установки и, выехав на одну из наших военных баз в горных районах Средней Азии, определить их датировку астрономическим методом.

– Мобильная установка – это хорошо, – задумчиво сказал президент, – и делать ее обязательно надо. Со всем прочим мы пока спешить не будем, а сосредоточимся на более насущных вопросах. Сегодня вечером, в двадцать один ноль-ноль, в этом кабинете состоится совещание Совета Безопасности в очень узком кругу. Кроме нас с вами будут вице-премьер Рогозин, министр обороны Шойгу и секретарь Совбеза Козак. Подготовьте, пожалуйста, краткую справку, которая помогла бы товарищам войти в курс событий, с учетом того, Павел Павлович, что работать мы будем с Иосифом Виссарионовичем против Адольфа Алоизовича. А также в ближайшее время вашим людям, возможно, предстоят командировки в разные интересные и экзотические места, так что вашу мобильную установку делайте как можно скорее. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ президент, – ответил Одинцов, вставая. – Все!

13 января 2017 года, 21:05. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации

Присутствуют: Президент Российской Федерации В. В. Путин, премьер-министр С. Б. Иванов, вице-премьер Д. О. Рогозин, министр обороны С. К. Шойгу, секретарь Совета Безопасности России Д. Н. Козак, представитель Администрации Президента при ГНКЦ «Позитрон» П. П. Одинцов

Президент оглядел людей, сидящих в кабинете. В большинстве своем это была его «старая гвардия», вместе с которой он, вот уже почти два десятка лет считай, что заново отстраивал страну. Исключением из этого правила в этой комнате был лишь Дмитрий Рогозин, который в самом начале находился в оппозиции, и Павел Одинцов, присоединившийся к их команде позже, а тогда тянувший лямку майора в той конторе, о которой не принято говорить вслух. Можно сказать лишь то, что его карьера в верхах началась с «дела Ходорковского».

С этими людьми он начинал свою политическую карьеру более семнадцати лет назад, они же будут с ним до конца. Ну, а «дело 1940» будет ему как «дембельский аккорд» перед уходом на заслуженный отдых в «экспертное сообщество». Возраст уже идет к семидесяти и пора уже двигать вперед молодых.

Президент внимательно осмотрел всех присутствующих, прокашлялся и негромко сказал:

— Уважаемые коллеги, я собрал вас всех по крайне важному и абсолютно секретному делу. Предупреждаю, что ничего из сказанного здесь до определенного момента никоим образом не может быть предано огласке. А потому имейте в виду, что запись отключена, и прессе уже сообщено, что сегодня мы обсуждаем вопросы текущих международных отношений. А отношения эти, сами знаете, гм... еще те. И, в первую очередь, вопрос касается наших с вами главных оппонентов...

Вы все прекрасно понимаете, что после событий трехлетней давности на Украине нам стало абсолютно ясно, что Европа – никто, ничто и звать ее никак, а ее так называемые лидеры будут плакать, давиться, но есть американский кактус. Положение в самой Америке тоже вполне определенное. Долги, стагфляция, сокращения бюджета, политическая апатия и стрельба на улицах. Не наш девяносто первый год, но что-то достаточно к нему близкое. И вот на этой оптимистической ноте мистер Обама через неделю уходит, оставляя своему преемнику, мистеру Трампу, в наследство только голый зад и пятьдесят триллионов долларов совокупного американского национального долга. Это долги домохозяйств,

муниципалитетов, штатов и самого федерального правительства. В роли кредиторов в основном выступают американские же банки. Астрономическая цена американской эпохи перемен. По расчетам привлеченных нами специалистов, когда эта пирамида начнет сыпаться, весь мир накроет идеальным финансовым штормом, по последствиям мало чем отличающимся от атомной бомбардировки. Наша с вами задача, товарищи, заблаговременно, до начала событий, ввести Россию в безопасную гавань.

Президент перевел дух.

– Не стоит забывать, что у нового президента-республиканца, мистера Трампа, в придачу к этим проблемам, имеются еще и необузданная гордыня, взрывной характер, репутация сумасшедшего и желание вернуть Америку на первые роли в мировом концерте.

– Огнеопасное сочетание, – заметил министр обороны Шойгу, – а Трамп и его компания – это еще те отморозки, хотя и среди них попадаются приличные люди.

– Вот именно, – подтвердил президент. – Как вы все уже знаете, они выиграли президентскую гонку под лозунгом «возрождения былого величия», на волне нагнетаемой их противниками антироссийской и антикитайской истерии. Конечно, хорошо то, что их внимание разделено между Россией и Китаем, но это разделение сохранится только до определенного момента. Все же мы воспринимаемся в Вашингтоне как глобальный конкурент, а Китай всего лишь как региональная держава.

Вице-премьер Rogozin кивнул.

– Для нас, как и для Китая, прямая военная угроза пока не так велика. Мы с товарищем Шойгу хорошо поработали и нас голыми руками не взять. История с Украиной это доказала. Гавкать гавкают, а укусить боятся.

Куда опасней экономическое и политическое давление, которое окажут на нас их европейские и азиатские союзники. Замораживание счетов, ограничение или полный запрет, наложенный на торговлю. Мы прекрасно знаем, как это делается, проходили три года назад. Мы, конечно, ответим им симметричными мерами, только Америке от этого будет ни холодно, ни жарко. Как это уже и было в истории с Украиной и Крымом, пострадает не американская экономика, а их европейские и азиатские сателлиты, завязанные на наши энергоресурсы и рынки сбыта. Грабить же они будут того, кто слабее их и не имеет ядерной дубины. К примеру, ту же Латинскую Америку.

Это может случиться в том случае, если новому американскому правительству удастся оттянуть дефолт еще на год-два. В случае, если этот

дефолт наступит раньше, то произойдет экономический «конец света». По расчетам специалистов РАН, экономический крах грозит нашим основным торговым партнерам. Так же пострадают связанные с Америкой экономики ЕС и Японии. Чуть позже, немного потрепыхавшись вокруг пресловутого «внутреннего спроса», рухнет Китай, крепко завязанный своим экспортом на США и на ту же Европу.

А потом придет и наша очередь. Мы, конечно, готовимся смягчить последствия. Но все равно удар по нам будет примерно такой же, как это было в начале девяностых. Падение уровня жизни ожидается в пределах тридцати-сорока процентов от нынешнего уровня. Ожидается массовое разорение предприятий, чья продукция ориентирована на экспорт. И это коснется не только «Газпрома» и «Роснефти». Сильно пострадают сталелитейная, алюминиевая, химическая и нефтехимическая промышленность. И это при острейшем дефиците всего того, что Россия импортирует: медикаментов, некоторых видов продовольствия, бытовой электроники и прочего ширпотреба. По медикаментам, например, можно создать запасы в Госрезерве, что мы и делаем. А все остальные позиции запасать просто бессмысленно.

– Понятно, – тихо сказал президент. – А что скажет секретарь Совета Безопасности России?

Голос Дмитрия Николаевича Козака был хриплым и скрипучим.

– При сохранении в России нынешней политической и экономической системы нам будет сложно удержать страну. В тот раз подобное падение после распада СССР стоило нам двух Чеченских войн и предельного ослабления государства. В этот раз, боюсь, идеологического обоснования в виде «суверенной демократии» будет недостаточно для принятия жестких и решительных мер.

– Очень хорошо, коллеги, – кивнул президент, – то есть абсолютно все хреново. Получается, что нам в немыслимо короткие сроки каким-то образом необходимо завершить реиндустриализацию, с целью окончательно возместить импортируемые сейчас товары, и в то же время найти пути сбыта для производимого у нас сырья, металла, машин и оборудования. При этом мы должны спаять народ Великой Национальной Идеей и сократить свой совершенно безобразный, просто-таки африканский разрыв между богатством и нищетой. Ведь так, коллеги?

Ответом президенту было гробовое молчание и напряженные взгляды. Президент смотрел на своих соратников, а соратники на президента. Один лишь Павел Павлович Одинцов имел спокойное, почти безмятежное выражение лица. Теперь он, кажется, понял – куда клонит президент, но по

старой гэбэшной привычке не торопился бежать впереди паровоза.

Тем временем в голосе президента зазвенела сталь:

– Коллеги, внимание! Сейчас я вам сообщу то, ради чего и собрал вас здесь. – Президент сделал паузу. – Сегодня утром присутствующий здесь Павел Павлович Одинцов принес мне одно чрезвычайно важное известие.

Президент посмотрел на Рогозина.

– Дмитрий Олегович, ГНКЦ «Позитрон», о котором вы должны помнить, и который курирует коллега Одинцов, наконец, добился полного успеха в своих исследованиях.

Вице-премьер Рогозин лишь понимающе усмехнулся, а министр обороны и генерал армии Шойгу непонимающе переспросил:

– «Позитрон»? Припоминаю. Кажется, это из серии «разработка вооружения, основанного на новых физических принципах»?

– Коллеги, – интригуяюще сказал президент, – по известным причинам об истинной сущности разработок профессора Зайцева с самого начала знали всего три человека. Изделие, над которым работали и продолжают работать в «Позитроне», это не совсем оружие, это скорее можно назвать, как говорят в РВСН, «средством доставки».

– Павел Павлович, – обратился президент к Одинцову, – пожалуйста, просветите коллег о сути вашей работы.

Полковник Одинцов встал, прокашлялся и сказал:

– Для начала, товарищи, краткая справка. ГНКЦ «Позитрон» был основан в декабре 2012 года с целью развития унаследованного от СССР научного задела в области прорыва темпорального барьера. Попросту говоря – держитесь крепче, товарищи, – наша организация занималась НИОКРом в области создания машины времени. К сожалению, базовый советский военный НИИ, с 1984 года занимавшийся этой проблемой, был сначала в 1990 году полностью лишен финансирования, а в 2009 году то, что от него осталось, было ликвидировано с приватизацией основных фондов.

Первые материалы по этому вопросу были получены нами в ходе следствия по широко известному в свое время делу «Оборонсервиса». Тогда же было решено возобновить работы в этом направлении. Как я уже говорил, ГНКЦ «Позитрон» был создан в декабре 2012 года. Научным руководителем проекта стал профессор Сергей Витальевич Зайцев, единственный человек из старой команды, которого нам удалось разыскать. Летом 2013 года для постоянного базирования ГНКЦ был восстановлен выведенный из оборота аэродром стратегической авиации в Нижней Потье, использующийся сейчас в качестве научно-производственной

базы.

Ровно два дня назад в моем присутствии был достигнут ряд документально подтвержденных темпоральных прорывов в 2008, 1990 и 1940 годы. Временные диапазоны были идентифицированы с точностью до секунды, благодаря прослушиванию местных радиопередач и получению местных сигналов точного времени. Еще несколько временных диапазонов, предшествующих по временной шкале появлению радио, пока остались неопознанными, но это уже, прошу прощения за каламбур, дело времени и специально разрабатываемых методов.

На данный момент удалось подтвердить не только возможность улавливать исходящую из прошлого информацию в виде звуковых, световых и радиоволн, но и переносить через барьер туда и обратно материальные объекты, например – прибор для забора проб воздуха. В настоящий момент идет сборка еще одного варианта машины, не способного сканировать время и рассчитанного на строго определенную временную зону, но зато этот аппарат должен уже получиться мобильным. На этом у меня пока всё, товарищи!

Кивнув присутствующим, Павел Павлович Одинцов сел на место, после чего наступила еще одна минута молчания.

Когда тишина стала уж совсем гнетущей, премьер Иванов посмотрел на президента Путина и полувопросительно-полуутвердительно сказал:

– Сороковой год, Владимир Владимирович?!
– Сороковой, – подтвердил президент, – середина июня.
– Понятно, – улыбнулся премьер своей «фирменной» улыбкой, – ровно за год до «Барбароссы».

Снова наступила тишина... Каждый думал о своем. Потом Дмитрий Козак спросил:

– Владимир Владимирович, как я понимаю, решение уже принято?
– Да, Дмитрий Николаевич, принято, – подтвердил Путин и добавил: – Для себя, коллеги, я уже все решил, теперь дело за вами.

Коллеги переглянулись, потом дружно кивнули. Решение «в узком кругу» было принято. Эти люди просто не могли поступить иначе. Будь они другими, они бы вместе с прочими хищниками рвали бы на части ослабевшую страну, вместо того чтобы с большим трудом пытаться поднять ее с колен. Труд тяжелый и неблагодарный, ибо если не сделал что-то, то это всегда плохо, а если даже и сделал, то мало. Теперь, когда некий внутренний Рубикон был уже перейден, все присутствующие взглянули на президента, ожидая конкретных указаний.

Тот тоже все понял. Президент заговорил, твердо чеканя каждое слово:

– Как только у коллеги Одинцова, – произнес он, – будет готов мобильный вариант установки, операция тут же перейдет в фазу фактического воплощения. Коллега Одинцов продолжит курировать это направление. Только вместо научных исследований теперь на первый план выходит обеспечение возможности транспортировки в прошлое и обратно грузов и живой силы.

Чем более интенсивным будет грузопоток, тем лучше. Ведь прошлое – это не только тот долг, который мы обязаны вернуть нашим предкам, но и грандиозный рынок сбыта для нашей промышленности, позволяющий нам проводить реиндустриализацию, невзирая на ожидаемые экономистами финансовые катаклизмы. Кроме этого, в случае, если угроза ядерной войны опять станет реальной, мы можем попробовать эвакуировать в прошлое значительную часть нашего населения. Лучшую часть. Не менеджеров по продажам, юристов и прочих болтунов, а еще оставшихся у нас инженеров, рабочих и ученых.

– Тогда, Владимир Владимирович, – кивнул вице-премьер Рогозин, – нам в первую очередь нужно «завербовать» товарища Сталина...

– Пока еще рано, – покачал головой Путин, – за последние восемьдесят лет было слишком много вранья о событиях того времени. Прежде чем вступить в переговоры со Сталиным, нужно досконально во всем разобраться, но использовать при этом надо не только труды историков и воспоминания очевидцев. На многое придется взглянуть своими глазами.

Мы должны со стопроцентной достоверностью установить виновников катастрофы 22 июня и помешать им совершить свои преступления. За это направление, сбор данных в архивах и разведку на местности будет отвечать Дмитрий Николаевич Козак. Собрать специалистов, проверить, замотивировать, посвятить в тайну... Ну, не мне тебя учить, коллега. Также за тобой осуществление режима секретности по обе стороны временного барьера. Срок для начала – три месяца.

То же самое, но относительно чисто военных вопросов срыва «Барбароссы», поручается коллеге Шойгу. Необходимо определить: можно ли обойтись только материально-информационной поддержкой СССР? А если невозможно, то какими силами должен обладать осуществляющий вмешательство экспедиционный корпус, чтобы нацистский блицкриг провалился, и через шесть недель Красная Армия вышла к Ла-Маншу. Срок готовности плана – до начала апреля. Вице-премьер Рогозин отвечает за материально-техническое и финансовое обеспечение основной операции, а также за проведение операции прикрытия... Кроме того, коллега Рогозин,

имейте в виду, что в случае доступа в соответствующие временные периоды, возможны дополнительные операции обеспечения... Не мне вас учить.

– Хорошо. – Рогозин на секунду задумался. – Что касается материального и финансового обеспечения, то в трехдневный срок мне нужны сметы по каждому направлению на месяц вперед, или, скажем, до первого марта. А уже к первому марта уже будет необходимо окончательно определиться с объемами и источниками финансирования.

– Очень хорошо, – кивнул президент. – Коллеги, в следующий раз мы соберемся в том же составе после того, как коллега Одинцов доложит о готовности мобильного варианта установки. И еще раз предупреждаю: все доклады по этой теме делать только лично, с глазу на глаз. Помните, лучше уж перебдеть, чем недобдеть!

Сергей Борисович Иванов задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Товарищ президент, – вздохнул он, – для работы с товарищем Сталиным мы очень многое должны поменять в нашей «консерватории».

– Поменяем, – кивнул президент, – не прямо сейчас, но поменяем. Чем ближе кризис, тем легче будет избавиться от последних пережитков девяностых годов. На этом все, товарищи!

14 января 2017 года, 12:15. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации

Полковник сил СПН ГРУ ГШ

Омелин Вячеслав Сергеевич

Вышло так, что из последней командировки в не такую уж и далекую южную страну я вернулся на носилках. Бывает. Это не первое мое ранение, не второе и даже не третье, как и не первая командировка в эти некогда прекрасные места. Война там, как застарелый геморрой, длится уже много лет. Официально там нет ни наших «советников» в правительственных войсках, ни «инструкторов» наших вечных оппонентов в бандформированиях оппозиции. Но, как говорил Абрам Саре в известном анекдоте: «Бьют по морде, а не по паспорту». Вот и у нас время от времени происходят очные встречи с иностранными «специалистами», в основном французами.

Вот и в этот раз, пока местные изничтожали саму банду сторонников «исламской демократии», наша группа перехватила и помножила на ноль собиравшуюся скрыться бандитскую «головку», состоявшую в основном из катарских «вождей» и их французских «наставников». Бой был скоротечным и жестоким. Их было вдвое больше, но за нами был опыт двух

Чеченских войн, длившихся почти четверть века. Потеряв двух человек убитыми и четырех ранеными, мы вынесли их всех под корень, до белых костей. А вот в числе тяжелораненых оказался и ваш покорный слуга.

Тогда я думал, что всё – в этот раз уже не выкарабкаюсь. Но русские своих не бросают, и прилетевший самолет МЧС доставил всех нас, «двухсотых» и «трехсотых» прямо в Москву, в Раменское «двухсотых», в Челобитьево, на наш «российский Арлингтон», – «пал смертью храбрых при выполнении боевого задания». Ну, а «трехсотых» в Бурденко, где я и валялся последние два месяца. Эвакуировали и тех двух ребят, что в том деле обошлись без царапины, тем более что с тем же рейсом прибыли наши «сменщики» из резервной группы, готовые продолжить нашу работу.

Короче, товарищи, кажется, это была моя последняя такая командировка. «Таможня», в роли которой выступила военно-врачебная комиссия, не дала добро на продолжение активной службы. Примерно так же ссаживают на землю летчиков, когда по состоянию здоровья они способны угробить в полете и себя и машину. Направление в военный санаторий служило весьма слабым утешением после этой весьма неприятной новости. Сколько моих коллег после такого известия спивались или пускали себе пулю в висок. Но мы не такие, еще не знаю как, но мы прорвемся.

От тяжких раздумий о том, что же делать дальше, сегодня утром меня отвлек вызов к начальству. Сначала я думал, что речь пойдет о моей последней командировке, и был в некотором недоумении, поскольку мой рапорт об этом деле, написанный в госпитале, не должен был вызывать никаких вопросов. Чуть позже выяснилось, что он ничего и не вызвал, а дело было совсем в другом.

Генерал встретил меня в своем кабинете немного смущенной и виноватой улыбкой.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – сказал я ему и, козырнув, замолчал, ожидая, что начальство само объяснит причины столь неурочного вызова сотрудника, формально находящегося в отпуске по состоянию здоровья.

– Здравствуй, Слава, и извини, что так вышло, – невпопад ответил он на мой вопрошающий взгляд, – сам же знаешь, что с медициной не спорят.

– Да я и не спорю, товарищ генерал, – ответил я, вспомнив, что с десяток лет назад генерал и сам находился в такой же ситуации, когда ему вот так же, по завершении августовской кампании по борьбе с грызунами, медики закрыли выход в поле.

– Ладно, – махнул рукой генерал. – Теперь слушай. Тут мне позвонили

с самого верха, – легким кивком головы мой начальник отпасовал невысказанный вопрос к висящему на стене портрету. – Для какого-то очень важного и секретного дела им нужен офицер с большим жизненным опытом и развитой «чуйкой». А я-то знаю, что у тебя этого добра навалом.

Тут душа моя... нет, не ушла в пятки и не воспарила к небесам, а просто смутилась. Всю жизнь я исповедовал извечную солдатскую мудрость – быть в поле, подальше от начальства, и докладывать только о конечном результате своей работы. И вот, судя по всему, мне предлагается работать под непосредственным руководством человека, изображенного на портрете. Это и вставляет, и доставляет, причем одновременно.

– Ну как, Слава, ты согласен? – спросил генерал, видимо выждав положенное в таких случаях время. – Мне сказали, что ТАМ нужны исключительно добровольцы.

– Что за служба? – поинтересовался я.

– Подробности, извини, сообщить не могу, – ответил генерал, – ибо сам их не знаю. Скажу только то, что погоны тебе снимать не придется. Речь идет не о твоём переводе, а лишь о прикомандировании...

«Ну, как всегда, – подумал я. – Поди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что...»

Впрочем, думал я недолго. Бросив ещё один взгляд на портрет, я вздохнул и сказал:

– Согласен, товарищ генерал. Я записался добровольцем ещё тогда, когда надел на плечи лейтенантские погоны. Куда и когда я должен явиться?

– Командировочное на тебя уже оформлено, – сказал генерал, – сейчас я его подпишу, и с этой минуты ты мне больше не подчиняешься. Спускайся вниз, мой Федя в курсе, он тебя отвезет.

– Слава, не спорь! – сказал генерал, увидев мой возмущенный взгляд. – Сам ты туда быстро не доберешься, а дело срочное.

Забрав командировочное предписание и обнявшись на прощание со своим, уже бывшим, начальником, я спустился вниз, во двор, и нашел генеральскую машину. Федя – здоровенный, немногословный сержант-контрактник из Якутии, действительно ждал меня. До места мы долетели молнией, наверное, вдвое быстрее, чем вез бы обычный московский таксист. Федя вел машину мастерски, придерживаясь скоростного режима на грани фолла. С первых же минут я понял, что путь наш лежит не в Кремль, а, скажем прямо, в противоположную сторону.

Дальше все просто, Федя доставил меня на КПП одной подмосковной госдачи. Причем не на парадную сторону, а туда, где обычно проезжают

машины с продуктами и мусоровозы. И правильно, по сути, такие как я и есть чернорабочие государства Российского в его борьбе за выживание.

Еще четверть часа спустя я сидел в маленькой комнате без окон в компании трех человек: самого президента, секретаря Совбеза Дмитрия Козака, который теперь и становился моим непосредственным начальником, и еще одного моего коллеги «в штатском» – Александра Павловича Князева, которому теперь предстояло стать моим напарником. Сначала я не очень понимал – ради чего такая эклектика, но последовавший чуть позже разговор расставил все на свои места.

– Здравствуйте, товарищ Омелин, – приветствовал меня президент, бегло скользнув взглядом по моей орденской колодке, – проходите, садитесь. Мне рекомендовали вас как опытного бойца и грамотного командира, умеющего правильно трактовать неполные разведданные и способного в острой боевой обстановке принять неожиданное для противника нестандартное решение. Это так?

– Да, товарищ президент, – ответил я.

– Тогда вы именно тот, кто нам нужен, – сказал президент. – Работать вы будете под руководством коллеги Козака. Поскольку ваша работа будет касаться не только и не столько военных аспектов, то представляю вам ваше альтер-эго – Александра Павловича Князева, из смежной вам «конторы»...

Сказав это, президент сделал хорошую выдержанную паузу, потом продолжил:

– А теперь я задам вам вопрос. Возможно, он покажется вам не имеющим отношения к нашим текущим делам, но вы не удивляйтесь – так надо.

– Скажите, что вы думаете о такой дате, как 22 июня 1941 года? – склонив чуть набок голову, президент внимательно посмотрел на меня своим пронизывающим взглядом.

Мне вдруг стало не по себе. По выражению лица главы государства я вдруг понял, что этот вроде бы академический вопрос имеет для него очень-очень важное значение.

– Это величайшая трагедия в нашей истории, – осторожно начал я, – и наглядный урок, подтверждающий, что за беспечность и разгильдяйство приходится очень дорого платить. – Потом я вспомнил еще кое-что о начале войны и добавил: – В измышления Резуна, товарищ президент, о том, что Сталин собирался первым напасть на Гитлера, я тоже не верю. Слишком уж неподходящая для этого была конфигурация войск в приграничных округах, слишком мало сил в первых эшелонах, даже с учетом даты

нападения шестого июля.

Пристально глядя на меня, президент чуть сжал губы, а потом вдруг спросил:

– Скажите, товарищ полковник, а что вы думаете о гитлеровском плане «Барбаросса»?

– Это явная авантюра, товарищ президент, – решительно ответил я. – Насколько я помню, их графики продвижения по советской территории полетели к черту уже на первой же неделе войны. А через месяц им пришлось импровизировать, на ходу внося изменения в прежние планы. Конечно, им помогла и внезапность нападения, и завоевание господства в воздухе, и чрезвычайно сухое и жаркое лето, сделавшее танкоопасными обычно заболоченные лесные дороги. Но прошло время, авансы закончились, и осталась лишь голая стратегия, которая, как у Кутузова, говорила о том, что даже с потерей Москвы сама война еще не проиграна. А если она не проиграна нами по-быстрому, то в ходе долгой кампании на Востоке их ресурсы закончатся раньше наших.

– Эка вас понесло, – поморщился президент. – Вот вы сказали, что план «Барбаросса» был авантурой. Это утверждение стало уже общим местом по причине своей, скажем так, бесспорности. Так вот, товарищ полковник, я в свое время имел возможность познакомиться с немцами и разобраться в их, как сейчас модно говорить, менталитете. И могу вас заверить, что немцы, особенно немецкие генералы, и само понятие авантюра – это вещи абсолютно несовместимые. И это, кстати, тоже секрет Полишинеля, на который мало кто обращал внимание.

– Значит, товарищ президент, – ответил я после некоторых раздумий, – у немецких генералов были веские основания считать план «Барбаросса» вполне выполнимым. Возможно, это были какие-то разведданные, неправильная трактовка которых позволяла считать Красную Армию «колоссом на глиняных ногах».

– Хорошо, товарищ полковник, – президент решительно хлопнул ладонью по столу, – вижу, что вы исключаете из своих расчетов так называемый человеческий фактор...

– Товарищ президент, – неожиданно подал голос Александр Павлович Князев, – наверное, не стоит мучить полковника Омелина. Возможный заговор генералов и все связанные с ним подробности проходят как раз по нашему, а не по его ведомству. Его дело обнаружить нестыковки и неувязки в расположении войск перед 22 июня, а уж если придется решать, что это – глупость и некомпетентность, или прямое предательство, то ему и карты в руки. А ведь в тот раз многие из командования РККА избежали

пристального внимания органов госбезопасности.

При этом у Александра Павловича был такой вид, будто он прямо сейчас собрался вести в сорок первом году следствие, карать и миловать генералов и приводить в исполнение расстрельные приговоры. У меня невольно по спине пробежали мурашки. Конечно, если катастрофа начала Великой Отечественной войны была следствием предательства «группы лиц высшего начальствующего состава», то эти лица заслужили смертную казнь. Предательство командира – это самое страшное, что может случиться на войне. Но черт возьми! Я не понимаю, какой же все-таки у этого исторического разговора может быть практический результат?

Наверное, этот последний вопрос крупными буквами нарисовался на моей физиономии, или же товарищ Князев умеет читать в душах, как в открытой книге. Гэбист, он и в Африке гэбист. Александр Павлович посмотрел на меня и вдруг произнес:

– Товарищ президент, не будем ходить вокруг да около. В конце концов, КОЛЛЕГА Омелин расписку о неразглашении уже написал и имеет все положенные допуски к секретной информации соответствующего уровня. Сообщите ему ГЛАВНОЕ, и мы с ним, что называется, наконец, удалимся «под сень деревьев» для дальнейших задушевных бесед. Вам-то он поверит сразу и без лишних разговоров.

Президент кивнул, чуть улыбнувшись краешком губ, и снова пристально посмотрел на меня. Я опять почувствовал себя неудобно. Но президент одобрительно и едва заметно кивнул мне.

– Коллега Омелин, официально должен вас проинформировать, что в ходе работ над программой создания оружия на новых физических принципах, в Российской Федерации был разработан действующий образец машины времени, позволяющий получить прямой доступ в некоторые точки нашего исторического прошлого. Сам этот факт в настоящий момент является абсолютной государственной тайной, и, кроме непосредственных разработчиков машины времени, о нем знают лишь пять высших должностных лиц Российской Федерации. Вы с коллегой Князевым, соответственно шестой и седьмой члены этого «элитного клуба». Вместе с Александром Павловичем Князевым вы являетесь ядром аналитической группы, которая должна будет обеспечить руководство Российской Федерации наиболее точной и достоверной информацией, что называется, из первых рук, о периоде, непосредственно предшествовавшем началу Великой Отечественной войны. Так вам все понятно?

В порядке общего обалдения я кивнул головой.

– Так точно, товарищ президент. – И, встав из-за стола, направился

вслед за Князевым, дабы усладить свой слух вещами, которые я посчитал бы самой что ни на есть фантастикой, если бы сам лично не услышал о них от первого лица государства.

14 января 2017 года, 15:25. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента Российской Федерации

Полковник сил СПН ГРУ ГШ

Омелин Вячеслав Сергеевич

– Что, и в самом деле машина времени существует? – спросил я у Александра Павловича, когда мы удалились в небольшую комнатку в подвальных помещениях дачи. Большую часть комнаты занимал большой стол и два стула.

– В самом деле, в самом деле, – проворчал Князев, доставая початую бутылку коньяка из встроенного в стену шкафчика. – Давайте примем с вами по писят грамм, не пьянства ради, а токмо для снятия стресса.

– А то ведь, Вячеслав Сергеевич, – сказал он, разбулькивая янтарный напиток по маленьким стаканчикам, – я вижу, как вы напряжены. Да и мне тоже не помешает, такое дело начинаем, что даже мандраж бьет. За победу, товарищ полковник!

– За победу, товарищ капитан! – я опрокинул коньяк в рот, и по телу прошла волна живительного тепла.

Капитан Князев повторил мое движение, потом достал из-под стола массивную сумку, из недр которой на свет божий появились ноутбук и папка с бумагами.

– Ну-с, товарищ полковник, почнем, помолясь?

– Почнем, – согласно кивнул я, – почему бы и нет, Александр Павлович. Только вот с чего?

– Как и положено, с самого начала, – капитан Князев поднял крышку ноутбука. – Мы с вами, Вячеслав Сергеевич, должны будем забыть все уже написанное на эту тему разными историками и исследователями и составить о той трагедии и ее причинах собственное заключение, основанное исключительно на фактах, а не на эмоциях. Ведь именно по нашим следам, в конце концов, пойдут оперативники нашей конторы для того, чтобы найти и обезвредить участников заговора, а также ваши коллеги из Генштаба, готовящие гитлеровцам ответ на их «Барбароссу».

– Подход понятен, – кивнул я, – не верить ничему, кроме собственных глаз и ушей. Только вот, Александр Павлович, позвольте задать один, может быть, не совсем приятный для вас вопрос. Почему при таком почтенном возрасте, – я кивнул в сторону седой бородки моего нового напарника, – вы

все еще капитан?

– Ах, вы об этом?! – усмехнулся Александр Павлович. – Что же, вопрос вполне закономерный. Я, знаете ли, еще четверть века тому назад был уволен в запас, когда демократы сокращали нашу контору. Занялся журналистикой, ездил по горячим точкам. Бывшее начальство меня тоже не забывало, подкидывая время от времени работу на стыке жанров, так что за это время сумел себе сделать определенное имя как военный корреспондент.

Занимался историческим исследованием разных загадок, под псевдонимом издал несколько книг. Сюда попал как раз потому, что темой моей очередной книги должна была стать главная боль всей моей жизни – катастрофа Красной Армии в начале войны. Вчера вечером меня неожиданно отозвали из запаса, вызвали к начальству, вручили предписание и из Питера направили напрямик сюда. Вот и все. О поставленной задаче я узнал за пару часов до вас. Еще вопросы будут, товарищ полковник?

– Да нет уж, Александр Павлович, – покачал головой я, а сам подумал: «Гэбист, журналист и историк – любопытное сочетание. Хотя, возможно, для такого дела нужен именно такой человек “широкого профиля”, вращающийся во всех слоях общества, лишенный определенных предрассудков и в то же время, оставшийся патриотом своей страны».

Александр Павлович тем временем включил свой ноутбук и, разложив по столу бумаги, голосом заштатного лектора из общества «Знание» произнес:

– Ну-с, молодой человек, поскольку вермахт образца июня сорок первого года явно не входил в число ваших вероятных противников, то позвольте провести с вами своего рода вступительную лекцию...

В этот момент он напомнил мне седых консультантов из нашего ведомства, хорошо помнящих горы Афганистана и джунгли Анголы.

– Итак, – начал Александр Павлович, – на 22 июня 1941 года фашистская Германия сосредоточила на направлении главных ударов до восьмидесяти пяти процентов всей своей живой силы, девяносто процентов авиации, сто процентов танков и самоходных орудий. Основной удар наносился в полосе от побережья Балтийского моря до Львовского выступа. Отдельно от основных сил действовали лишь горные егеря генерала Эдуарда Дитля против Мурманска и 11-я армия генерала Шуберта на севере Румынии.

Вопреки широко распространенному заблуждению, 22 июня ни Венгрия, ни Финляндия в войну официально не вступили, на это решилась

только обиженная годом ранее Румыния. Венгрия должна была вступить в войну 1 июля, а Финляндия после форсирования немцами Даугавы и взятия Риги... Хотя еще за день до начала войны, а именно 21 июня, финские войска вторглись на демилитаризованные Аландские острова и захватили там в плен персонал советского консульства. В тот же день финские подводные лодки и немецкие минные заградители, базировавшиеся в финских портах, начали ставить минные банки в территориальных водах СССР. Подводным лодкам разрешалось атаковать советские корабли еще до начала войны, но лишь в том случае, «если цель будет достойной торпеды».

Я почесал в затылке.

– Александр Павлович, выходит, что если нам в первые же дни удастся дать отпор фрицам, то эти ребята сделают вид, что они вовсе ни при чем, и что они – белые и пушистые и совсем не собирались с нами воевать.

– Венгры, возможно, и отскочат, – ответил мне напарник, – на их территории даже немецких войск не было, а вот финнам, приютившим у себя гитлеровские бомбардировочные эскадры, корабли и сухопутные войска, будет куда тяжелее слезать с этой елки, не оцарапавшись. Как ты думаешь, откуда взлетели самолеты, бомбившие Ленинград в июне-июле-августе сорок первого года? Ну, а про то, что финны начали войну даже раньше, чем немцы, я уже сказал. Хотя этот вопрос будем решать не мы с тобой, и даже не Владимир Владимирович, но лично я считаю, что с господином Маннергеймом лучше разобраться по полной программе, сразу и до конца.

Я кивнул.

– Думаю, что так и будет, тем более что товарищ Сталин никогда не отличался ненужным либерализмом и гуманностью. Что же касается румын, то и сейчас, не представляя собой в военном плане ничего серьезного, они готовы бежать на восток впереди американского паровоза.

– Ну, к румынам мы вернемся чуть попозже, – заметил Александр Павлович, – если у немцев не сложится на направлении главного удара, то румын Красная Армия и без нашей помощи схарчит без соли, даже вместе с немецкой 11-й армией. Сейчас давайте вернемся к месту главной трагедии – в Белоруссию.

– Может, лучше начнем с Украины? – спросил я. – Так сказать, пойдём с юга на север.

– Можно и так, – согласился капитан Князев, – только удар группы армий «Юг» на первом этапе в любом случае был вспомогательным и преследовал лишь цель прикрытия правого фланга группы армий «Центр». Вы можете понять это, сравнив плотность войск, особенно число

моторизованных соединений противника. Фронт, на котором должна была действовать группа армий «Юг», лишь незначительно уступает фронту действий группы армий «Центр», но в то же время в ее состав входили две полевые армии – 6-я и 17-я, а также 1-я танковая группа (в октябре 1941 года ее, как и прочие танковые группы, переименовывают в танковую армию) в качестве бронированного кулака, в то время как группа армий «Центр» имела разделенные на две ударные группировки две полевые: 4-ю и 9-ю армии, и две танковые: 2-ю и 3-ю группы в своем составе.

Перед группой армий «Юг» не ставилась задача на немедленное окружение советских войск, из-за невозможности организовать второй полноценный фланговый удар со стороны Румынии. Для этого у Гитлера не хватало как минимум тысячи более-менее современных танков, для формирования еще одной танковой группы, предназначенной действовать совместно с 11-й полевой армией на румынском фронте.

– Понятно, – сказал я, и подтянул к себе расстеленную на столе большую карту-схему формата А3 с отображением расстановки сил на момент начала войны. Бросалась в глаза растянутость частей Красной Армии вглубь советской территории и в то же время то, что вермахт буквально притиснулся к советской границе, выстроившись в один стратегический эшелон.

Конечно, против разреженного построения советских войск – это то, что доктор прописал. На второстепенных направлениях превосходство в силах получается двукратным, а на основных направлениях превосходство в силах доходило до десяти раз. Кроме того, немецкие генералы, пользуясь повышенной подвижностью своих механизированных частей, получали возможность последовательно громить части Красной Армии, постепенно выдвигавшиеся из глубины советской территории.

Так, например, на направлении основного удара группы армий «Юг» по линии: Госграница – Ровно – Житомир – Киев, 6-й полевой армии и 1-й танковой группой вермахта противостояла 5-я армия генерала Потапова. Наносящей южнее вспомогательный удар 17-й полевой армии противостояла 6-я армия генерала Музыченко.

В то же время два мощных советских соединения – 26-я армия генерала Костенко и 12-я армия генерала Понеделина – остались совершенно без внимания противника. При этом тем не менее они не нанесли по нему флангового удара общим направлением на Люблин, а быстро отступили: 26-я армия отошла к Киеву, а 12-я армия напрямик к Умани, где она все же попала в окружение вместе с 6-й армией. Какого черта 6-я армия, дислоцированная между 5-й и 26-й, оказалась так далеко

на юге? Неладно что-то в датском королевстве... Интересно, куда смотрел впоследствии героически погибший товарищ Кирпонос?

В Львовском выступе в его распоряжении было целых два мехкорпуса, 8-й и 4-й, и на кратчайшем расстоянии от них практически открытый фланг немецкой группировки. Авиация Юго-западного фронта вне полосы главного удара не подверглась тотальному уничтожению, как это было в Белоруссии, так что люфтваффе в первые дни войны еще не имело подавляющего преимущества. В таких условиях удар под основание немецкого клина выглядит вполне естественным, что даже удивительно, как Клейст решился наступать вглубь, оставив позади себя и на фланге такое мощное ударное соединение.

Тут поневоле поверишь в то, что ему было заранее хорошо известно, что ничего ему эти мехкорпуса не сделают. А ведь фланговый удар смог бы задержать немецкое наступление у самой границы на срок от двух недель до месяца, что позволило бы Красной Армии подтянуть резервы и закрепиться по линии старой границы. Вместо этого, пока одни части безоглядно отступали, другие россыпью выдвигались навстречу врагу, давая разгромить себя поодиночке. Полный бардак! И, пожалуй, я соглашусь с Александром Павловичем – пособничество врагу. Чтобы навести порядок в этом хаосе, не нужен даже офицер, закончивший военную академию, достаточно обычного лейтенанта, выпускника общевоинского училища.

А раз порядок так и не был наведен, и дело дошло до полного разгрома Юго-западного фронта, значит, кроме Гитлера это еще кому-то было нужно. Снимаем шляпу и передаем дело из оперативного отдела в особый. Под подозрением командование Юго-западного фронта, не сделавшее того, что оно обязано было сделать, зато совершавшее вполне дурацкие и способствующие успеху врага телодвижения.

Потом, вместе с Александром Павловичем, надо будет проработать этот вопрос более детально. Ясно одно, при замене командования, на того же Жукова, и некоторой предварительной перегруппировке, Юго-западный фронт вполне способен самостоятельно устроить Клейсту и его коллегам кровавую мясорубку по типу Вердена вместо легкой прогулки.

Картину разгрома Западного фронта я помню лучше. С юга, в районе Бреста, по 4-й армии генерала Коробкова наносит удар 2-я танковая группа Гудериана. Немецкий удар застал спящие войска в казармах, практически вся авиация Западного фронта уничтожена на аэродромах. При этом какая-то начальственная сволочь, для того чтобы «не поддаваться на провокации», распорядилась снять с большей части самолетов вооружение.

Сволочь и ее начальника, конечно, потом расстреляли, но дела это поправить уже не могло. В результате эффект внезапности был достигнут немцами в полном объеме. Огрызающуюся и обескровленную армию немцы отбросили сначала к Кобрину, потом к Барановичам, потом и к Минску. 14-й мехкорпус, вооруженный в основном устаревшими танками Т-26, 23 июня без остатка сгорел во встречном сражении под Кобрином.

Я полистал приготовленный Александром Павловичем и лежащий тут же справочник советской и немецкой бронетехники. Советским танкистам было трудно противостоять немецким панцерам. Броня Т-26 даже последних модификаций была лишь 15 мм толщиной, и ее можно было пробить из противотанкового ружья. А немецкие 37-мм орудия РАК-35/36, прозванные «дверными колотушками», свободно пробивали броню советских танков. К тому же Т-26 старых модификаций со своими до предела изношенными двигателями часто выходили из строя. Они едва могли справиться даже с такими «тонкокожими» немецкими танками, как Pz.II, Pz.35(t) и Pz.38(t), потому что часть бронебойных снарядов к 45-мм танковой пушке Т-26 оказалась с дефектом, и при попадании в броню немецких танков они просто раскалывались на части.

На северном фасе фронта обстановка еще хуже. Хуже в том смысле, что 3-я танковая группа Гота, вместе с 16-й полевой армией и 4-й танковой группой Гепнера, наносят удар в Прибалтике через позиции 11-й армии РККА. Превосходство сил вермахта в полосе главного удара получилось многократным, и 11-ю армию РККА просто снесло с позиций.

При этом надо учесть, что так называемый 29-й стрелковый корпус в ее составе – это переобмундированная в советскую форму армия буржуазной Литвы. Сразу после нападения фашистской Германии на территории Литовской ССР вспыхивает националистический мятеж (тут неплохо поработали ребята из ведомства адмирала Канариса), и военнослужащие литовской национальности 29-го стрелкового корпуса немедленно к нему присоединяются.

Правда, не все – более двух тысяч литовцев, выйдя из окружения, снова влились в ряды Красной Армии. Но 11-я армия, а с ней и Северо-западный фронт оказались разгромлены, вследствие чего 25 июня немцами был захвачен Вильнюс. А уже 27 июня, на пятый день войны, танковые клинья 2-й и 3-й германских танковых групп сомкнулись за Минском, отрезая в глубоком немецком тылу 10-ю, 3-ю и часть 13-й армий РККА, что означало фактический разгром Западного фронта.

Что там еще... Да, к 29 июня передовые части 18-й полевой армии вермахта вышли к Риге, а первого июля вошли в город. Повоевали, мать

вашу, товарищи генералы!

Отодвинув схему в сторону, я достал из кармана пачку сигарет. От бушующих внутри эмоций отчаянно хотелось курить. А ведь это всего лишь сухой анализ нанесенной на карту информации, и за этими стрелками и цифрами стоят судьбы сотен тысяч и миллионов советских людей, которым суждено погибнуть в первые дни, недели, месяцы войны, то ли из-за чьего-то разгильдяйства, то ли из-за прямого предательства.

Дрожащими, как с похмелья, пальцами я с хрустом вскрыл пачку и тут же встретил умоляющий взгляд Александра Павловича.

– А может, не надо, Вячеслав Сергеевич? – спросил он меня. – Вентиляция тут очень хорошая, но табачный дым мне крайне неприятен. Тоже курил как паровоз, но бросил, и давненько. Если вы хотите снять стресс, то может быть лучше коньячком?

– Хорошо! – сказал я, и Александр Павлович снова разбулькал «по писят».

Я опрокинул в себя еще один стопарик, тем более что предыдущий уже успел полностью выветриться.

Немного отпустило. Я посмотрел на своего визави и кивнул.

– Значит так, Александр Павлович, – произнес я, – понятно, что для дальнейшей разработки от меня вам нужны сведения о том, кто, когда и как, скажем так, играл с немцами в поддавки или просто делал не укладывающиеся в голове глупости?

Мой напарник кивнул.

– Вячеслав Сергеевич, вы удивительно точно сформулировали поставленную перед вами задачу. Именно это нам от вас и требуется.

– Отлично! – Я ненадолго задумался. – Мне понадобится помещение для работы, компьютер, содержащий исходные материалы во всех необходимых подробностях. Положение войск, ТТХ техники, персональные дела на всех старших командиров от комкора и выше.

На первый этап работы, включающий анализ обстановки на предвоенный период и первые две недели войны, мне понадобится от четырех дней до недели. При этом в разработку попадут командиры РККА уровнем от корпуса и старше. Для того чтобы спуститься на бригадно-дивизионный уровень, или, не дай бог, полковой, потребуется резко увеличить штат, один я с этим не справлюсь.

Внимательно слушающий меня капитан Князев только одобрительно кивнул.

– Не беспокойтесь, Вячеслав Сергеевич, – сказал он, – корпусного уровня на первом этапе нам вполне достаточно. Время уже позднее. – Я

посмотрел на часы – а ведь и вправду без пяти шесть. – Так что пойдёмте, покажу, где тут кормят прикомандированных вроде нас. А потом пойдём организовывать вам рабочее место.

На предложение поест мой желудок тут же высказал свое горячее одобрение, предательски заурчав, а Александр Павлович, выходя в коридор, продолжил:

– Кстати, у вас семья есть, кого-нибудь о вашей внезапной командировке предупредить надо?

Я мотнул головой, показывая, что нет, один-одинешенек. Александр Павлович глубоко вздохнул и повел меня к месту приема пищи.

17 января 2017 года, 12:25. Российская Федерация, Республика Коми, бывший аэродром стратегической авиации Нижняя Потьма, полигон ГНКЦ «Позитрон», административный корпус «Башня»

Снаружи за окнами, несмотря на то что по здешнему времени был уже полдень, едва-едва занимался седой зимний рассвет. Прилетевший вчера вечером Ил-76МФ выгрузил из своего чрева три новеньких КамАЗа: один простой, тентованный -4310, два кунга -43118 с отоплением и кондиционером, и один кунг-прицеп, внутри которого был смонтирован 500-киловаттный дизель-генератор. Все тютелька в тютельку под габариты грузового отсека удлиненного Ил-76МФ.

Вместе с машинами прибыли и водители-контрактники, подписавшие все положенные документы о неразглашении. Вообще людей для участия в проекте на стадии расширения работ старались подбирать среди ранее принимавших участие добровольцами в боевых действиях на Донбассе или работавших волонтерами в МЧС. Стоило только задать соответствующие вопросы соответствующим людям, коих полковник Одинцов знал по долгу прошлой службы, и небольшой пока штат проекта был полностью укомплектован соответствующим персоналом. Даже с наличием некоторого резерва. При этом Пал Палыч избегал связываться с разного рода наемниками, с теми, кто отбывал свой номер только за деньги. Предательство проще всего предотвратить таким способом, чем потом пытаться пресечь утечки информации.

Пока технические нукеры инженера Зиганшина были заняты монтажом оборудования в одном из кунгов, а также обрезкой кабелей и распайкой разъемов, в башне у Пал Палыча Одинцова снова собралось полуофициальное совещание, целью которого был мозговой штурм – куда со всем этим богатством лететь. Ибо первоначальная идея с мобильной астрономией и южной авиабазой Кант накрывалась медным тазом под

барабанный бой. Астрономические методы оказались делом не дешевым, в смысле необходимого оборудования, и к тому же для определения даты с точностью до года, требующими от недели до месяца работы на одной площадке. Опять же, на проектирование и создание экспериментального образца мобильной обсерватории, являющейся гибридом военных и гражданских технологий, требовалось дополнительное время от месяца до трех. И это при условии, что за основу концерном «Алмаз-Антей» будет взят мобильный пункт боевого управления от системы ПВО-ПРО С-500.

Выслушав это сообщение, Ольга Кокоринцева сказала, что после точного анализа записей сканирования трех уже идентифицированных временных площадок она и без всяких астрономов, с точностью три-пять процентов, может рассчитать глубину погружения в прошлое.

– Пока вас не было, Павел Павлович, – добавил доктор Михеев, – мы прошли двенадцатую по счету площадку и продолжаем погружение. Поскольку испытательная платформа оказалась при этом накрыта массой ледника, что означает глубину не менее десяти-двенадцати тысяч лет назад, то, в общем и целом, эмпирические методы уважаемой Ольги Александровны можно считать заслуживающими доверия.

– Так, что, – спросил Одинцов, – мобильная астрономическая установка не нужна?

– Ну почему же, – вздохнула математик, – на небольших глубинах в пределах исторического периода ее использование действительно избыточно. Но чем глубже мы будем погружаться, тем надежнее должны быть определяемые координаты. Кроме того, за одну лишь возможность картографировать доисторическое небо товарищи астрономы будут носить вас на руках. Сейчас мне даже трудно сказать, что они могут узнать, получив возможность наблюдать звездное небо, так сказать, из прошлого. Согласно законам человеческого развития, прорыв в одной области знания не может не распространиться на смежные с ним научные дисциплины.

– Ольга Александровна права, – сказал доктор Михеев, – жаль, что сейчас здесь нет нашего дорогого профессора Зайцева. Он бы прочел вам лекцию о том, как нам важно уточнить нашу теорию и какие фундаментальные результаты это может иметь. Мы ведь можем достигнуть цели, поставленной еще Эйнштейном, и вывести единое уравнение поля, дающее возможность непосредственного перемещения в пространстве...

– А разве вы его еще не?.. – заинтересованно спросил полковник Одинцов.

– Не до конца, Павел Павлович, – вздохнул доктор Михеев, – во-первых, с пространством у нас пока так ничего и не получилось, а, во-

вторых, и Ольга Александровна вам это подтвердит, мы пока еще чего-то недопонимаем в самой теории, и точки ложатся не на саму кривую, а рядом. То есть имеются какие-то нерегулярные воздействия на процесс, которые мы пока описать не можем... Вот как только мы поймем причины отклонений и научимся их заранее рассчитывать, так возможно, тогда... – доктор технических наук вздохнул и замолчал, прекратив дозволенные речи.

– Очень хорошо, Александр Владимирович, – внешне безразлично произнес полковник Одинцов, в мозгу которого в этот момент поселилась историческая мысль, пробужденная к жизни последними словами доктора Михеева. Своего рода мимолетное озарение, возгоревшееся от случайно уроненной спички. Он понял, как будет можно обвести вокруг пальца наших вечных оппонентов и организовать ту самую операцию прикрытия, о которой говорил президент.

«Да, – подумал Одинцов, – именно так и никак иначе! Подбросить оппонентам и коллегам из Лэнгли информацию об осуществленном пространственном прорыве на землеподобную планету. Нашей суеты по подготовке исследования прошлого не заметить они никак не смогут. Скрыть весь процесс подготовки целиком и полностью просто никак невозможно – слишком велик сам масштаб операции. Зато возможно увести их в сторону от цели и значительно уменьшить противодействие. Ведь сопротивление нашему союзу со Сталиным с их стороны будет бешеным до истерики. Прорыв на другие планеты таких эмоций вызывать не должен. В этом случае скорее начнется дипломатическая торговля с целью заставить нас поделиться секретом. Ведь известно, что сама суть американской экономики, поставившей мир на грань катастрофы, требует непрерывного расширения объемов единого рынка. Поскольку в масштабах планеты Земля единый рынок больше расширяться не может, то и американской экономике, как раз и основанной на этом расширении, грозит обвал. Если мы напомним оппонентам, что знаем способ расширить рынок до масштабов Вселенной, то они сделают все, чтобы раздобыть этот секрет. Именно раздобыть, а не уничтожить... Ай да Одинцов, ай да сукин сын. Если все сделать правильно, то это будет величайшее в истории по масштабам кидалово бывшего мирового гегемона. Ничего, пусть побегают, им полезно».

Обдумав свою мысль, Павел Павлович поднял голову и утвердительно кивнул, мол, хрен с вами, будет вам астрономия, если вы так уже ее хотите. Мы государство богатое, на хорошее дело нам денег никогда не жалко.

– Хорошо, – сказал Павел Павлович, обводя суровым взором своих

подопечных, – последний и самый важный вопрос. Где будем проводить рекогносцировку на местности? Желательно так, чтобы при перемещении между разными временными зонами нам не пришлось переезжать с места на место.

– А что тут думать, Павел Павлович, – в тон Одинцову ответил доктор Михеев, – ведь Крым – наш! Самая подходящая точка – это авиабаза в Каче. Во-первых, охраняемый военный объект. Во-вторых, есть возможность прямого прибытия-убытия. В-третьих, имеется промышленная электросеть, и дизель-генератор будет нужен только для подстраховки. В-четвертых, какая-никакая цивилизация имелась в Крыму на всем протяжении истории от наших дней до четвертого века до нашей эры. Единственное, между прочим, подобное место на территории современной России. В-пятых, нет риска, что точка выхода окажется под толщей ледника или под слоем воды так называемого Евразийского океана. В-шестых...

– Я вас понял, Александр Владимирович, – прервал Михеева Одинцов, – а, в-шестых, скажем так, что Крым это территория России, и мы ни перед кем не обязаны отчитываться за то, что мы там делаем. И на этом закончим наш разговор. За вами техническое обеспечение процесса. Ну, а группу контакта и прочие меры безопасности позвольте мне взять на себя. Ибо меня тому специально учили, между прочим, вполне профессионально. Хотя, непосредственно по ходу процесса, я никогда не откажусь выслушать ваше мнение, хотя и следовать ему не обязуюсь. Вот такой он из себя – военный демократический централизм. Все, товарищи, совещание окончено, до свидания.

20 января 2017 года, 09:15. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Присутствуют: Президент Российской Федерации В. В. Путин, вице-премьер Д. О. Рогозин, министр обороны С. К. Шойгу, главком ВДВ генерал-полковник В. А. Шаманов, секретарь Совета Безопасности России Д. Н. Козак, представитель Администрации Президента при ГНКЦ «Позитрон» П. П. Одинцов

Аналитическая группа: капитан СВР А. П. Князев и полковник ГРУ В. С. Омелин

Люди, собравшиеся вокруг огромного круглого стола, кто в большей, кто в меньшей степени почти физически ощущали, как ответственность за судьбу России давит на них свинцовым грузом. Предстояло совершить почти невероятное – дать старт операции, в которой должны были принять участие десятки тысяч людей. И в то же время сохранить режим

абсолютной секретности. И это при том, что по стране подобно помойным крысам шныряют тысячи представителей самых разномастных НКО, которые в любой момент готовы и мать родную продать за пачку зеленоватой бумаги с портретами заокеанских президентов.

А еще перед собравшимися в этой комнате в полный рост стоял вопрос финансирования планируемой операции. Сумма, требуемая для ее проведения, была огромной. Только что на свое место сел президент России, который в кратком вступительном слове заявил, что операции под шифром «Гроза плюс» быть. Решение принято, и обратной дороги нет. Какой будет эта операция – чисто политической или с участием военного контингента – это еще предстоит решить. Но в новой версии 1941 года вермахт, в идеале, не должен пересечь линию старой границы.

Главным вопросом, обсуждавшимся на совещании, было использование в операции «Гроза плюс» частей постоянной готовности Российской армии и Военно-Морского флота. С одной стороны, использование уже боеготовых частей и соединений сократит сроки подготовки операции, и после ее завершения добавит вооруженным силам боевой мощи за счет получения опыта реальной войны. Сами немцы в свое время перед «Барбароссой» тоже «тренировались на кошках»: сначала на поляках, потом на датчанах, норвежцах, французах и англичанах, греках и югославах.

После этих слов президента министр обороны Шойгу посмотрел на него поверх очков и сказал, что на время проведения операции «Гроза плюс» совершенно нежелательно ослаблять обороноспособность России в частности и ОДКБ и ШОС в целом.

– В современном нам временном потоке, когда станет известно о том, что русские «вступили в союз с дьяволом», то есть со Сталиным, у многих зарубежных политиков вполне может натурально снести крышу. До ракетно-ядерной войны, скорее всего, не дойдет – не тот повод, но многочисленные локальные пограничные конфликты вокруг Армении с Карабахом, Южной Осетии и Абхазии, Крыма, Новороссии, Приднестровья, Белоруссии и в Прибалтике вполне могут возникнуть.

Надо не забывать и о привычке главного оппонента воевать на чужой территории, чужими руками и за чужие деньги, при этом сам дядя Сэм тут будет вроде бы и ни при чем. Белый дом заявит, что, дескать, это азербайджанские, турецкие, грузинские, румынские, польские, прибалтийские и прочие «борцы за демократию» пошли крестовым походом на исчадие ада, вызванное из жуткого прошлого «Империей зла». Для их вразумления как раз и понадобятся части постоянной готовности,

которые в это время будут вразумлять вермахт, и Адольфа Гитлера персонально. Кроме того, самое современное вооружение выпуска 2012–2017 годов, которым оснащены эти части и соединения постоянной готовности, против вермахта образца 1941 года просто избыточны.

В то же время на складах и полях мобхранения находится огромное количество техники и вооружений, уже устаревших для XXI века и не использующихся Российской армией, Но вполне пригодных для того, чтобы раскатать гитлеровскую Германию в тончайший блин.

Шойгу взял со стола лист бумаги, надвинул очки на нос и начал читать:

– «На настоящий момент на полях мобхранения находится: танков Т-55 – 2800 единиц, Т-64 – 2000 единиц, Т-72 – 7500 единиц, Т-80 – 4000 единиц. Боевых машин пехоты и бронетранспортеров: БТР-80 – 4000 единиц, БРДМ-2 – 2000 единиц, БМП-1 – 6000 единиц, БМП-2 – 1500 единиц.

Артиллерии: калибра 203 мм, самоходных установок «Пион» – 300 единиц, буксируемых установок Б-4М с тягачами МТ-Т – 40 единиц. Калибра 152 мм, самоходных установок 2С3 «Акация» – 1000 единиц, буксируемых пушек-гаубиц Д-20 с тягачами МТ-ЛБ – 1155 единиц. Калибра 122 мм: самоходных установок 2С1 «Гвоздика» – 1800 единиц, буксируемых установок Д-30 с автомашинами «Урал» – 4200 единиц. Противотанковая артиллерия представлена имеющимися в наличии 100 мм пушками МТ-12Р «Рапира», укомплектованными тягачами МТ-ЛБ в количестве 468 единиц.

Минометы: самоходный 240 мм 2С4 «Тюльпан» – 410 единиц и буксируемый полковой 120 мм – 900 единиц.

Реактивные системы залпового огня: 122 мм РСЗО «Град» – 1700 единиц, 220 мм РСЗО «Ураган» – 900 единиц, 300 мм РСЗО «Смерч» – 106 единиц.

Средства ПВО. Зенитная артиллерия представлена снятыми с вооружения зенитными самоходными установками «Шилка» в количестве около 500 единиц и «Тунгуска» в количестве 250 единиц. Кроме того, имеется некоторое количество – данные уточняются – зенитных орудий, использовавшихся как средство поддержки пехоты: самоходных установок ЗСУ-57-2, калибра 57 мм и ее буксируемого варианта С-60, а также стационарной установки СУ-23-2, переделка которой в легкую ЗСУ возможна даже в кустарных условиях.

Зенитные ракетные комплексы: ЗРК «Круг» – 220 единиц, ЗРК «Куб» – 400 единиц, ЗРК «Оса» – 400 единиц, кроме того, в резерве имеется 256

установок типа С-300ПТ/ПС/ПМУ, снятых с вооружения по причине их замены в войсках ПВО комплексом С-400 «Триумф». Вместе с зенитной самоходной артиллерией, для сопровождения войск на марше и защиты пунктов постоянной дислокации можно использовать мобильные ЗРК «Стрела-1» на базе БРДМ-2 в количестве 200 единиц и ЗРК «Стрела-10» на базе МТЛБ в количестве 400 единиц.

Подсчет стрелкового вооружения еще ведется, но уже сейчас ясно, что накопленных за много лет запасов ручных противотанковых гранатометов, станковых и ручных пулеметов, автоматов и снайперских винтовок хватит не только для того, чтобы оснастить нашу ударную группировку, которую я предлагаю назвать Экспедиционным корпусом, но и на то, чтобы два раза перевооружить всю РККА.

– Солидно, – подвел итог генерал Шаманов. – В конце концов, именно для чего-то подобного все это и хранилось. Нам осталось только набрать личный состав, желательно из уволившихся в запас в течение последних пяти лет, провести боевое слаживание сформированных частей, и пусть тогда фрицы лучше сразу вешаются или сдаются. Других вариантов у них уже не будет.

После этих слов известного генерала в помещении наступила гробовая тишина.

– Владимир Анатольевич, – спросил президент России, чуть приподняв брови, – у вас есть конкретные предложения?

– Так точно, Владимир Владимирович, конкретные соображения имеются, – кивнул Шаманов, – предлагаю для этой операции сформировать отдельное соединение армейского уровня, именуемое, как и предложил генерал армии Шойгу – Экспедиционным корпусом. При формировании дивизий, полков, бригад и отдельных батальонов использовать наименования частей и соединений, расформированных во время предыдущих сокращений Вооруженных сил, а также хранящиеся в Главном Архиве Российской армии их боевые знамена советского образца.

Если мы обратим на вооружение Экспедиционного корпуса хоть десять-пятнадцать процентов накопленного запаса вооружений, то долго там воевать будет некому. Насколько я помню, в начальной фазе плана «Барбаросса» участвовал практически весь боеспособный вермахт, оставив в тылу лишь новобранцев и полицейские части. Имеется реальный шанс разбить все эти силы в приграничном сражении, окружить их остатки и выйти на оперативный простор, учитывая, что на территории Европы до самой Атлантики никаких боеспособных контингентов не будет и в помине.

– Владимир Анатольевич, вы хотите повторить пятидневную войну? –

заинтересованно спросил Путин.

– Нет, товарищ Верховный Главнокомандующий, – ответил Шаманов, – к сожалению, немцы не грузины, и даже отставая от нас в технике почти на восемьдесят лет, драться за фюрера и Фатерлянд они будут яростно. Скорее я бы повторил Курскую операцию, с обороной на заранее подготовленных рубежах, и после исчерпания наступательного порыва противника, имея в виду дальнейший переход в контрнаступление, итогом которого может стать окружение и уничтожение вражеских ударных группировок. Ну, а дальше должно последовать то, что по плану «Барбаросса» должно происходить в реальной истории – безостановочное наступление до конечного рубежа, которым для нас может стать побережье Атлантического океана.

– Интересно, – кивнул Путин, – и какова, по-вашему, должна быть численность этого Экспедиционного корпуса?

– От пятидесяти до ста тысяч рядовых, сержантов и офицеров, – ответил генерал, – все зависит от плана операции и соотношения в группировке танковых, мотострелковых и специальных частей. Поскольку такая операция в принципе немыслима без заключения с Советским правительством определенных соглашений, то стрелковая составляющая корпуса может поступить и из состава РККА.

– Про соглашение с Советским правительством вы, Владимир Анатольевич, правильно заметили, – сказал Путин, – но этот вопрос пока стоит отдельно. А в общих чертах я с вами согласен, да, действительно, для операций в прошлом нам необходимо сформировать отдельный Экспедиционный корпус. Тем более что у товарища Одинцова по поводу операций прикрытия и обеспечения есть свои, дополнительные, соображения, которые он и доложит нам чуть позже.

Откашлявшись, полковник Одинцов сказал:

– Перед нами сейчас наиболее остро стоят два основных вопроса. Первый – это сохранение режима секретности при тренировках и боевом слаживании столь необычного соединения, и второй – вопрос имени коллеги Кудрина, будь он неладен: Кто за все это будет платить? Эти два вопроса требуют от нас проведения еще двух операций: операции прикрытия и операции обеспечения.

В ходе операции прикрытия мы должны создать у коллег-оппонентов полную уверенность в том, что нами достигнут успех не по временному, а по пространственному перемещению, и сейчас мы готовимся колонизовать некую землеподобную планету. Это должно заставить нашего противника сосредоточить свои усилия в области разведки, а не в нанесении нам

немедленного и невосполнимого ущерба. Как только будет установлено, что мы действительно что-то такое землеподобное колонизуем, то нам тут же будет предложено поделиться конечным результатом. В конце концов, их западная система основана как раз на бесконечном расширении рынков, что при ограниченных размерах Земли физически невозможно.

Как непосредственный куратор проекта, я посоветовался с товарищем президентом, и мы решили сделать базой полевых исследований аэродром Кача под Севастополем. Очень удобное место, как для практической работы по исследованию прошлого, так и для разного рода мистификаций. Там наши оппоненты смогут видеть, что мы реально что-то делаем, но не смогут понять, что именно.

Тем временем люди товарища Бортникова должны будут капля по капле вливать им в уши дезу. До тех пор, пока у них окончательно не поедет крыша. А там помрут: или Насреддин, или ишак, или падишах... Мои специалисты полагают, что секрет пространственного перемещения прячется где то рядом с некоторой нерегулярностью квантования временных зон.

– Павел Павлович, – взгляд министра обороны поверх очков был почти ласковым, – как вы намерены скрыть от нашей так называемой прогрессивной общественности – сто камней ей в печенку – сам факт тренировок и боевого слаживания боевых подразделений Экспедиционного корпуса. Ведь по самому составу техники будет понятно, что это не силы по освоению Дикого Запада, а вполне боевые подразделения с тяжелой техникой и средствами ПВО. Будем запускать в оборот легенду о драконах?

Генерал Шаманов скептически хмыкнул и вопросительно посмотрел на полковника Одинцова. То же самое сделали и все остальные.

– Режим абсолютной секретности, – сказал Одинцов, – можно установить, организовав учебно-тренировочную базу в глубоком доисторическом прошлом. Два дня назад наша сканирующая установка вышла на площадку, отделенную от нас примерно на сто тысяч лет. В это время человека разумного в Европе еще нет и в помине. Другая, более близкая к нам временная площадка отстоит от нас примерно на шестьдесят-семьдесят тысяч лет, когда немногочисленные группы хомо сапиенс, еще не разделенные на расы, вышли из Африки и постепенно расселялись вдоль побережья Средиземного моря и Индийского океана. На горных территориях юга современной России в это время возможны контакты с отдельными группами неандертальцев. Эти два варианта можно оставить на тот случай, если мы решим вообще никак не воздействовать на прошлое человечества.

– Конечно, – кивнул головой генерал Шаманов, – вести боевую учебу всегда проще, не боясь при этом повредить ничего народнохозяйственного. А то ошибется командир, перепутает в расчетах плюс с минусом, и на тебе, пожалуйста – залп гаубичной батареи по мирной деревушке...

– Ну, у вас и примерчики, Владимир Анатольевич, – хмыкнул президент и кивнул полковнику Одинцову. – Продолжайте, Павел Павлович.

– Хорошо, Владимир Владимирович, – ответил Одинцов и открыл свою папку. – Всего на данный момент обнаружено шестнадцать временных площадок, причем на каждой последующей площадке время сканирования и потребная энергия для переноса материальных объектов всегда возрастают по экспоненте.

Три ближайшие временные площадки локализованы нами путем прослушивания местных радиопередач. Еще пять площадок лежат в пределах предположительно исторического периода. Заинтересовать они нас могут в смысле проведения различного рода операций обеспечения. Во многих империях древности власть имущие веками копили сокровища, и было бы весьма опрометчиво пройти мимо и не заметить этих богатств. Ибо эксплуататоры, чего их жалеть.

Еще две площадки мы можем назвать условно-историческими, и находятся они примерно в тысячном и трехтысячном годах до нашей эры. С моей точки зрения, пользы от них никакой, хотя, конечно, ученым-историкам все это будет безумно интересно. Первые государства: бронзовый век, Ассирия, Урарту, Шумеры, Египет. Все это было, но не у нас.

Доисторические площадки лежат на глубинах примерно в: шесть – семь, одиннадцать – тринадцать, двадцать – двадцать пять и тридцать пять – сорок тысяч лет до нашей эры. На этих временных площадках есть риск случайно встретить наших вероятных предков, и тем самым соорудить какую-нибудь побочную историческую линию. Интерес, который мы можем там иметь, лежит скорее в философско-антропологической плоскости. Чем эти люди, тысячелетиями ходившие по кругу, отличаются от нас, покоривших пространство и готовых покорить время? Мне тут уже высказали частное мнение, что современный либерализм есть атавистический пережиток периода собирательства, выражающий потребительское паразитическое отношение к окружающему миру. Если ученые ответят, что это действительно так, то нам никак не избежать задачи по борьбе с двуногими паразитами, вплоть до их полного физического уничтожения. А анализ жизни и действий реальных охотников и

собирателей, не искаженный цивилизацией, поможет нам в этом вопросе. Военные учения и подготовку техники к боям, я все же думаю, нам лучше проводить совсем уже в глубокой глуши, как я уже говорил, за сто или шестьдесят-семьдесят тысяч лет назад.

– Интересное решение, – сказал президент Путин, – и в чем-то даже изящное. Наверное, Павел Павлович прав и это действительно наилучший выход. – Президент посмотрел на генерала Шаманова. – Не так ли, Владимир Анатольевич?

– Так точно, товарищ президент, – кивнул тот, – это лучший вариант. – А сам подумал: «Никаких шпионов, правозащитников и прочих экологов, а также никаких сел, полей, дач и огородов. Стреляй, бомби, дави гусеницами в свое удовольствие. А косоруких наводчиков и тупорылых командиров расчетов, путающих плюс с минусом, в нашей армии всегда хватало, и изжить это явление в ближайшее время до конца вряд ли удастся».

– Если будущий командующий Экспедиционным корпусом согласен, – сделал пометку в своем блокноте президент России, – тогда товарищу Одинцову на следующем этапе поручается физическая разведка прошлого в пределах территории Российской Федерации и выбор площадки для размещения Тренировочного центра. Последнее совместно с коллегами Шойгу и Шамановым. Если уж мы действительно так углубляемся в прошлое, то подключите соответствующих ученых, и тогда, скорее всего, ваша разведывательная операция даст огромный толчок исторической науке. Это как огромная куча песка, которую требуется тщательнейшим образом просеять, чтобы не упустить ни одной жемчужины, ни одного алмаза или крупы золота.

Конечно, люди в Академии Наук, с которыми вы будете разговаривать, должны понимать, что опубликовать результаты своих работ они смогут не раньше, чем с темы перемещений во времени будет снят гриф секретности. Кстати, вместе с коллегой Козаком посмотрите, какие еще наши тайны мы сможем спрятать подальше от не в меру любопытных глаз и ушей. В глубоком прошлом можно размещать не только военные полигоны, но и научные институты, и секретные заводы. С тех пор как РосАтом довел до ума свои мобильные плавучие атомные электростанции, проблем со снабжением энергией удаленных объектов у нас быть не должно.

Президент внимательно взглянул на присутствующих:

– Итак, коллеги, остался последний и самый неприятный вопрос: кто за все это будет платить? Я об операции обеспечения. Деньги нам понадобятся быстро и сразу. И, самое главное: сколько будет стоить вся

операция в целом или хотя бы отдельные ее части? Как бы нам не надорваться. Дмитрий Олегович, что вы на это скажете?

– Владимир Владимирович, минимальная сумма, в которую обойдется подготовка операции «Гроза плюс» – это два триллиона рублей, из которых пятьсот миллиардов пойдут на зарплату офицеров, контрактников и привлеченных специалистов, а остальные средства будут потрачены на расконсервацию и перевозку техники и обустройство тренировочного центра.

Более точно я вам скажу, когда товарищ Шаманов определится с численностью своего корпуса, а товарищ Одинцов с месторасположением и комплектацией базового лагеря. Но могу сказать сразу: не привлекая особого внимания, нам не удастся собрать больше чем десять-пятнадцать процентов от этой суммы. Всякого рода резервные фонды правительства и нераспределенные остатки тоже имеют свой предел. Еще столько же можно взять у госкорпораций, разместив у них наши заказы с рассрочкой оплаты в один год. Но и это тоже не выход...

– Товарищ президент, – поднял руку капитан Князев, – можно один вопрос?

– Пожалуйста... – Путин сделал паузу, вспоминая имя-отчество собеседника, – Александр Павлович.

– Владимир Владимирович, вы раньше говорили о потребностях советской экономики того периода в машинах и оборудовании. Почему бы нам не форсировать установление экономических связей с СССР, а часть вырученной от торговли с СССР прибыли не обернуть на подготовку операции по отражению плана «Барбаросса». Загрузив отечественные заводы заказами, можно будет заодно улучшить и так называемый инвестиционный климат.

Путин бросил вопросительный взгляд на своего вице-премьера по промышленности, явно что-то высчитывающего в уме. Потом Рогозин опустил глаза на президента и кивнул.

– Может получится, Владимир Владимирович. Только вот переговоры с товарищем Сталиным, вы меня извините – это уже ваша прерогатива. Без достижения хотя бы предварительных договоренностей с руководством СССР все наши сегодняшние разговоры – это бесполезная трата времени.

– Товарищ президент, – добавил капитан Князев, – результаты наших с товарищем Омелиным исследований говорят о том, что круг посвященных с советской стороны должен быть предельно узким. Сейчас там изменник на изменнике сидит и изменником погоняет. Агенты британской, германской, французской, японской разведок – просто в глазах рябит. Есть

троцкисты и близкое к ним мощное еврейское лобби, как ни странно, поддерживающее англичан. А кроме этих, «вполне достойных» категорий граждан, есть еще коммунисты-фундаменталисты, вроде Хрущева (впрочем, многие считают его троцкистом), да и просто больные на всю голову. Поэтому на контакт надо выходить лично вам и сразу на высшем уровне.

– Спасибо за доверие, коллега Князев, – с легкой иронией сказал Путин, обведя взглядом собравшихся. – Кто-нибудь что-нибудь хочет возразить? Молчите?! Ну что ж, молчание – знак согласия. А посему, коллега Одинцов, вам в свою очередь еще одно поручение – собрать еще один экземпляр вашей машины, так сказать, в кремлевском исполнении, для ведения дипломатических переговоров. И, естественно, подобрать и подготовить необходимый для этого персонал. В какой срок вы сможете это сделать?

– На базе уже начали сборку второй мобильной установки в резерв, – ответил Одинцов, – но наши запасы комплектующих на исходе, для закупок необходимо дополнительное финансирование. Если необходимые запчасти поступят в течение двух-трех суток, то в десятидневный срок еще одна установка будет готова.

– Решите вопрос с коллегой Рогозиным, – кивнул президент. – Все остальные, как я понимаю, уже поняли, чем им предстоит заняться в ближайшее время. Возражения есть? Нет. Ну, раз так, коллеги, тогда все свободны!

23 января 2017 года, 17:45. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Ил-76МФ с опознавательными знаками МЧС Российской Федерации тяжело приземлился на ВВП военного аэродрома в Каче. Командир корабля подполковник Коровин включил реверс, и в облаке мелкой снежной пыли тяжелая машина начала замедлять свой стремительный бег.

Супостаты на радиолокационных станциях НАТО, расположенных на территории Румынии и Турции, несомненно, зафиксировали и вылет борта МЧС из Москвы, и его прибытие на военный аэродром в Крыму. Но в этом не было ничего необычного. Иногда такие самолеты с гуманитарными и промышленными грузами приземлялись на гражданских аэропортах, иногда на военных. Мост через Керченский пролив еще не был достроен, и ценные и негабаритные грузы перевозились либо морем, либо по воздуху. Вот и сейчас, согласно данным радиоперехвата и агентурной разведки, транспортный самолет перевозил некое геофизическое оборудование...

Пожав плечами, дежурный оператор занес факт прибытия самолета в журнал, находясь в полной уверенности, что никто из начальства не обратит на эту запись никакого внимания. А зря – операция прикрытия, организованная для этого рейса чекистами и органами военной контрразведки, прошла вполне успешно.

Самолет встречали на самом высоком уровне, хотя со стороны этого и не было заметно. У самолетных стоянок скромно остановились несколько джипов полувоенного вида и большой междугородний автобус «мерседес». Сторонний наблюдатель мог лишь удивиться тому, как вытягивались в струнку часовые на аэродромном КПП перед вроде бы гражданскими пассажирами этой небольшой автоколонны. Еще бы – прямо к ВПП инкогнито подъехал командующий Черноморским флотом.

Закончив пробег по ВПП, Ил-76МФ отключил реверс, прокатился по рулежной дорожке и остановился напротив выстроившихся в ряд новеньких истребителей МиГ-35 российских ВВС. Двигатели замолкли, открылась дверь и опустился встроенный трап. Почти тут же к борту подкатили два джипа из встречающего кортежа. Из первой машины густо, как муравьи, полезли мрачные ребята в штатском, а из второй вышли официальные лица и быстрым шагом направились в сторону спускающегося по трапу Владимира Владимировича Путина. Низкая плотная облачность, изрядно заряженная снежными массами, скрыла сцену начала этого тайного визита от американских спутников-шпионов.

– Здравия желаю, Владимир Владимирович, – негромко сказал командующий Черноморским флотом и пожал Путину руку. Он встречал Путина вместо президента Республики Крым, поскольку аэродром Кача был расположен на территории Севастополя, являющегося самостоятельным субъектом Федерации. А Севастополь – это Черноморский флот, и Черноморский флот – это Севастополь. Два этих понятия неразделимы отныне и присно и во веки веков.

– Здравствуйте, товарищ вице-адмирал, – негромко ответил российский президент, ответив на рукопожатие.

– Владимир Владимирович, – сказал командующий флотом, бросив скользкий взгляд в сторону построенной чуть в стороне роты морских пехотинцев из состава разведывательного батальона Черноморского флота, – мы все сделали согласно вашему приказанию. Люди готовы к делу и проинструктированы.

– Благодарю вас, товарищ вице-адмирал, – быстро ответил российский президент, отводя командующего чуть в сторону. – Поскольку вы и так имеете один из самых высших уровней допуска в стране, а все дальнейшие

действия по проекту будут проходить на подведомственной вам территории и при участии ваших подчиненных, то я должен проинформировать вас, что наши ученые и инженеры добились фундаментального прорыва в физике. Открытие было сделано в ходе работ по созданию оружия на новых физических принципах, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Обещаю, что это не оставит вас равнодушным. Демонстрация не займет много времени.

– Я весь внимание, Владимир Владимирович – сказал командующий Черноморским флотом, наблюдая, как по откинутой грузовой аппарели из недр Ил-76МФ один за другим выезжают три огромных автомобиля КамАЗ, два с кузовами-кунгами и один тентованный.

– Владимир Владимирович, – сказал комфлота, с интересом глядя на то, как около десятка человек, одетых в зимнюю рабочую униформу с надписью на спине ГНКЦ «Позитрон», выбежали из самолета вслед за машинами, подумав про себя: «Все чудесатее и чудесатее...» – Что это они делают?

– Развертывают установку, – коротко ответил Путин, наблюдая, как одна из машин отъезжает подальше, разматывая за собой толстый силовой кабель.

– Что за установка – спрашивать пока бесполезно? – немного саркастично поинтересовался адмирал, с любопытством наблюдая, как двое рабочих относят за край летного поля круглый, очевидно полый внутри, металлический блин, метра полтора в диаметре, за которым кольцами вьется пятнадцатимиллиметровый бронированный кабель. А чего ему бояться, кто вблизи видел стрельбы главным калибром РК «Москва», того даже ядерным взрывом не напугать.

– Сами сейчас все увидите, – сухо ответил президент России, глядя на спешащего к нему человека лет сорока, в спецовке несколько иного цвета и покроя, чем у остальных рабочих.

– Товарищ президент, – отрапортовал тот Путину, – у нас все готово. Начинать сейчас или подождать?

– Уже достаточно темно, – коротко ответил Путин, – начинайте, товарищ Михеев.

Инженер махнул рукой, и в отдалении взвыл мощный дизель-генератор, установленный на отъехавшей в сторону машине. Путин повернулся к комфлота:

– Пойдемте, товарищ адмирал, посмотрим товар лицом. Кстати, – он кивнул в сторону людей, сопровождавших командующего, – вы абсолютно уверены в ваших людях?

– Абсолютно, Владимир Владимирович, – ответил комфлота, – я верю им, как себе!

– Даже если они сейчас узнают, что через год наступит конец света? – хитро усмехнулся Путин.

– Даже так, Владимир Владимирович, – подтвердил вице-адмирал.

– Что ж, если вы так считаете... – загадочно сказал президент, останавливаясь метрах в двадцати от лежащего на земле диска. – Смотрите, товарищ адмирал...

Воздух над диском подернулся голубоватым сиянием, потом над его центром, метрах в полутора над землей появилась добела раскаленная точка, постепенно превратившаяся в сияющий шар, размером чуть крупнее теннисного мяча.

Хлоп! – И перед президентами и их спутниками распахнулось нечто вроде круглого окна-иллюминатора метров двух в диаметре, ограниченного тонкой светящейся окантовкой. Несмотря на царящую вокруг зиму, за окном был тот же Качинский аэродром, в общих чертах пейзаж совпадал, как внутри окна, так и за его пределами. Только там вместо холодной зимы было жаркое лето, горы, степь и клубились в небе высокие кучевые облака. Но не это было самым поразительным. Там за окном не было бетонных взлетно-посадочных полос, куда-то исчезли бетонные капониры и стоящие в них МиГ-35. Вместо этого на зеленой траве грунтового аэродрома рядами выстроились краснозвездные курносые бипланы с характерным изломом верхней пары крыльев. С треском, напоминающим шум работающей швейной машинки-переростка, один из них шел на взлет.

– Что это, Владимир Владимирович? – вполголоса спросил командующий Черноморским флотом, у которого неожиданно перехватило горло.

– Это, товарищ вице-адмирал, аэродром в Каче, – ответил президент. – Да-да, тот самый, на котором мы сейчас с вами находимся. Только там, за темпоральным барьером, 5 июля 1940 года. Мы видим самолеты типа И-153 «Чайка», базирующегося на этом аэродроме 62-й истребительной авиабригады ВВС Черноморского флота.

– Это что, голограмма? – цепляясь за осколки рушащегося мира, с оттенком надежды в голосе спросил адмирал, уже понимая, что мир вокруг него безвозвратно изменился.

– Почему голограмма? – деланно удивился Путин, всем видом показывая, что ради такой ерунды, как обычная голограмма, он не стал бы беспокоить весьма занятого командующего флотом. – Это дверь в самое настоящее лето сорокового года.

В подтверждение своих слов российский президент набрал на обочине взлетной полосы немного снега, скатал его в снежок и с силой запустил им в самую середину межвременного окна. Комок снега из 2017 года пересек невидимую границу, разделяющую два времени, и упал метрах в пяти по ту сторону, при этом по «зеркалу времени» пробежала легкая рябь, и раздался чуть слышный звон.

Откуда-то сбоку, из-за края окна, вышел боец в форме образца тридцать шестого года с трехлинейкой на плече, подобрал с травы снежок и уставился на него, как питекантроп на айфон. В 2017 году все затаили дыхание, когда, лизнув снежок и болезненно при этом сморщившись, боец начал стягивать с плеча винтовку, оглядываясь в поисках шутника, кидающегося снежками в июле. Президент Путин махнул рукой и с легким щелчком светящийся круг погас. Теперь на его месте был все тот же зимний аэродром.

– И что же теперь будет, товарищ президент? – по-военному лаконично спросил адмирал. – С Гитлером воевать будем?

– Там поглядим, но скорее всего – да. Сперва, как говорят у вас на флоте, нужно осмотреться в отсеках. – Путин оглянулся на Ил-76. – Товарищ вице-адмирал, поскольку полевая база проекта будет на вашей территории, то давайте сейчас обо всем переговорим у меня в самолете. Ведь вы наверняка захотите задать несколько вопросов людям, разработавшим установку?

– Разумеется, Владимир Владимирович, – кивнул комфлота.

– Тогда пойдёмте, – сказал Путин и сделал знак рукой, приглашая вернуться к самолету и подняться по трапу в салон. – Разговор будет сугубо конфиденциальным. Ни полслова не должно просочиться наружу. А то наши западные соседи такой вой поднимут – хлопот не оберешься. Нам-то на их крики уже давно плевать, но сейчас это ни к чему. Вот сделаем дело, и пусть вопят в защиту Гитлера сколько влезет. Хотел бы я посмотреть на их рожи.

– Согласен! – сказал адмирал, поднимаясь по трапу вслед за Путиным. – Мне их вопли тоже во как надоели.

– Ну, вот и хорошо, – сказал Путин, входя в любезно открытую стюардессой дверь в небольшой салон для сопровождающих груз на самом верху самолета. – Знакомьтесь, товарищ вице-адмирал: Зайцев Сергей Витальевич – генеральный конструктор установки, Одинцов Павел Павлович – куратор проекта со стороны моей администрации, капитан госбезопасности Князев Александр Павлович и полковник ГРУ Омелин Вячеслав Сергеевич, руководители группы по разбору причин катастрофы

РККА в 1941–1942 годах.

– Солидно! – сказал адмирал и сел в предложенное ему кресло. – Владимир Владимирович, я весь во внимании...

Там же, пассажирский салон Ил-76МФ, несколько минут спустя

Выдержав некоторую паузу, Путин заговорил. Слова произносил он очень тихо, но с той самой интонацией, от которой у некоторых людей порой идет мороз по коже.

– Товарищ вице-адмирал, – сказал президент, – как вы понимаете, в этом деле, кроме чисто научного аспекта, есть еще две составляющих: моральная и материальная.

Моральная составляющая заключается в том, что перед нами находится мир, в котором игроки уже сделали все ставки, но по большому счету еще ничего не предрешено. Франция уже захвачена, «Битва за Англию» только-только началась, плана «Барбаросса» как такового тоже еще нет. Есть только намерение Гитлера в том, что после захвата Англии следует повернуть вермахт на Восток.

Таким образом, вмешавшись в события в тот или иной момент, тем или иным способом, мы вполне способны избавить нашу общую Родину СССР от кошмара немецкого вторжения. Я говорю вам это как ленинградец. Ведь кто иной, как не я и не мои близкие, может понять всю важность этого вопроса. Насколько я помню, в вашей семье тоже были потери, один дед погиб, другой был ранен, брат и сестра вашего отца умерли во время оккупации.

– Да, Владимир Владимирович, – ответил комфлота, – я вас прекрасно понимаю. И вы считаете, что если мы ТАМ что-то сделаем, для нас ЗДЕСЬ что-нибудь изменится?

– Боюсь, что нет, – ответил Путин, – наше собственное прошлое останется неизменным. Сергей Витальевич, – обратился российский президент к профессору Зайцеву, – объясните Александру Николаевичу, что случится, если мы попробуем изменить прошлое?

– Для нас лично – ничего, – ответил профессор. – Владимир Владимирович, я же вам уже рассказывал, что мы уже ставили эксперимент на наличие «эффекта бабочки» – и получили совершенно отрицательный результат.

– Товарищ профессор, а можно поподробнее? – спросил командующий флотом. – Так, чтобы мог понять любой, не кончавший академиев офицер, у которого, как известно, одна извилина, и та – вмятина от фуражки.

– Все очень просто, товарищ адмирал. Недалеко от нашей базы есть

такой приметный ледниковый валун, скорее даже небольшая скала. Чтобы попробовать что-то изменить в прошлом, но при этом не наломать дров, мы решили выбрать этот ничего не значащий камень в качестве «подопытного кролика». Пал Палыч привез специалистов, как раз в 1940 году они просверлили в валуне дырку и заложили взрывчатку. Бух-бабах! И из одного валуна стало два, только поменьше.

Результат эксперимента таков: в наше время этот валун целый, в 2008 году – целый, в 1990 году – целый, в 1940 году – взорванный. Так что все изменения, произведенные нами в 1940 году, там и остаются, не распространяясь на будущее.

– Вы хотите сказать, что создали эту, как ее, независимую временную линию... – задумчиво пробормотал вице-адмирал, в свободное от службы время почитывающий не Момзена с Тацитом, а Конюшевского, Дойникова-Чернова с Савиным.

Немного помолчав, командующий Черноморским флотом спросил:

– Владимир Владимирович, мне очень интересно, а какой смысл нам во все это вмешиваться, если это не наше прошлое, а лишь что-то очень на него похожее? Ведь если ко мне в постель ляжет женщина, как две капли воды похожая на мою жену, но ею не являющаяся, то это будет супружеской изменой. Не совершим ли мы и в этом случае чего-то подобного, или я чего-то не понимаю?

– Прошлое оно, может быть, и не наше, – ответил ему Путин, – зато люди все наши, самые настоящие. И фашисты вместе с Гитлером самые настоящие, и Черчилль с Рузвельтом и Трумэн тоже... Но это все лирика, а вот я, товарищ вице-адмирал, как Президент Российской Федерации наперед должен думать, что из всего этого получит наша страна. Так что давайте немного поговорим о материальном. Итак, какова ваша оценка нашей нынешней международной обстановки? – Он уловил непонимание в глазах комфлота и быстро добавил: – Не в их 1940 году, а в нашем, 2017-м.

– Хреновая оценка, – угрюмо сказал адмирал. – НАТО как взбеленилось. Немцев действительно пора проучить так, чтобы еще лет пятьдесят они умели говорить только «данке шеен». А тут еще кризис! Еще этот самый, как его, американский дефолт на носу. Самое время для чего-нибудь эпохального, вроде великого похода Чингисхана для завоевания Парижа.

– Все это у нас с две тысячи четырнадцатого на носу, – сухо заметил Путин, – но в одном вы правы, коллега, чем дальше мы, то есть весь мир, влезает в это болото, тем сильнее грохнет. Сейчас же перед нами целый мир, в котором Россия сможет продать любую свою продукцию, все что

угодно: трактора, комбайны, грузовики, самолеты, компьютеры, удобрения, тепловозы... С таким рынком у вас тут же исчезнут проблемы со сбытом. И санкции там на нас накладывать некому, у накладывателей женилка еще не выросла. Мы там с товарищем Сталиным сами что хошь на кого хошь наложим, если надо, то целый вагон.

– Скажите, Владимир Владимирович, а товарищ Сталин будет с нами торговать и вообще иметь дело? – спросил адмирал. – По этому поводу у некоторых наших политологов на этот счет есть совершенно разные мнения.

– А ну их, этих политологов, знаете куда, – насмешливо прищурился Путин. – Я сам себе политолог, а эти понимают в политике не больше, чем Чирикова в экологии или детки Гайдара в экономике.

Президент посмотрел на одного из своих спутников.

– Вот, коллега Князев проинформирует всех нас о тогдашней политической и экономической обстановке. Александр Павлович, начинайте.

– Итак, – академическим тоном начал капитан Князев, – после советско-финской войны 1939–1940 годов СССР оказался в полной политической изоляции, поскольку Англия и США объявили ему так называемое «моральное эмбарго». В результате вся внешняя торговля СССР свелась в основном к бартерному обмену с фашистской Германией продовольствия, металлургического сырья и нефтепродуктов на станки, оборудование и образцы вооружения.

Основной целью, с немецкой стороны, было до начала войны выдоить из СССР как можно больше сырья, создав при этом стратегический резерв на время ведения войны против того же самого СССР, и отдать взамен как можно меньше оборудования в как можно худшей комплектации. СССР же выполнял все условия торгового соглашения с Германией пунктуально. Так что если предложить товарищу Сталину некоторую альтернативу, то думаю, мы вполне договоримся. Правда, Российской Федерации не нужны ни минеральное сырье, ни нефтепродукты, а лишь некоторые виды продовольствия и золото. Но и товарищу Сталину технику и оборудование, даже близко похожую по качеству и производительности на нашу, тоже взять просто негде. Так что я думаю, мы с ним вполне сможем договориться.

– Конечно, договоримся, – усмехнулся Путин, – не так страшен товарищ Сталин, как его малюет наша демократическая пресса. Нам ли с вами об этом не знать, товарищи офицеры.

Вице-адмирал только сухо кивнул, он-то старался сводить свое

общение с прессой к минимуму, переложив этот тяжкий труд на своего зама по связям с общественностью.

– Да, товарищ президент, и последний вопрос, – спросил адмирал. – А что в таком разрезе вопроса мы будем делать с Украиной?

– А что с ней можно сделать? – вздохнул Путин. – Я понимаю, что это ваша любовь и ваша боль, но любое наше вмешательство может только навредить. Банальный случай самого массового психического заболевания во всей истории человечества. Они четверть века сами с собой ничего толком сделать не могут, а мы с вами чем им поможем? Вот если после начала боевых действий против Гитлера эта кодла возьмет и заявит, о своем союзе с фашистской Германией, тогда да, войдем и все зачистим до белых костей...

– Владимир Владимирович, – кивнул адмирал, – я думаю, что все так и будет. Как только станет известно, что мы воюем против Гитлера, то может начаться такое... Нынешние «гетманы» просто свихнулись на «десоветизации». И не забывайте про Польшу, паны тоже совсем дурные стали... Несут какую-то хрень про «Кресы всходни»...

– Про Польшу мы не забываем, – быстро ответил Путин, – только теперь давайте поговорим по существу. Этот самолет сейчас улетит обратно в Москву, а вот команда полковника Одинцова остается здесь. Распорядитесь выделить для их работ стоящие отдельно жилые помещения и ангар, обеспечив его промышленным электропитанием на пятьсот киловатт. Все необходимое для налаживания быта в полуполевых условиях команда привезла с собой. Там же разместите ваших прикомандированных разведчиков из морской пехоты. Особистам скажите, что общение между людьми, задействованными в проекте, может быть свободным, ибо каждый солдат должен знать свой маневр. Но за пределы этой группы должна просачиваться только та информация, которую сочтут необходимой специально прикомандированные товарищи.

Непосредственно с постоянным составом и прикомандированными сотрудниками будет работать служба безопасности проекта, на аэродроме Кача и за периметром – особый отдел Черноморского флота и УФСБ по Севастополю. Соответствующие инструкции по своей линии они уже получили, но и вы должны знать, что каждый, кто без особых оснований поинтересуется происходящим в особом ангаре, должен быть немедленно взят на карандаш, даже если это та самая ваша жена, у которой есть двойник. Пути шпионов неисповедимы, и болтуны еще никому, кроме супостата, не делали добра. Начинается большая игра, и призом в ней будет выживание всего нашего народа, а может, и всего человечества. Кто их

знает, этих американцев. Короче, товарищ вице-адмирал, надеюсь, что вы все хорошо поняли?

– Да, Владимир Владимирович, я все понял, – сказал комфлота и встал. – Как я понимаю, нам пора? – В этот момент одна за другой завыли запускаемые командиром корабля турбины.

– Да, товарищ вице-адмирал, пора, – Путин пожал командующему Черноморским флотом руку. – Приятно было встретиться и поговорить с правильным человеком. Нам с вами еще предстоят совместные очень интересные и весьма славные дела. До скорой встречи.

Когда комфлота вышел в сопровождении стюардессы, российский президент вытер взмокший лоб и устало опустился в кресло. Впереди еще было очень много дел.

23 января 2017 года, поздний вечер. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Майор морской пехоты Сергей Слонов

Еще сегодня утром я жил по распорядку дня обычного армейского офицера. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, обед, занятия, ужин, личное время, поверка, отбой.

Конечно, подразделение у нас не совсем обычное, и нагрузки на занятиях в два-три раза превышают армейские. Но это не меняет главного, размеренного ритма воинской жизни в мирное время. Наверное, такой режим установился в армии еще со времен римских легионов. Ведь создав регулярную армию, римляне просто не могли изобрести распорядок дня – это просто альфа и омега всей армейской жизни. Война – единственное, что способно поломать такой режим. И, как говорится, пусть всегда над нашей головой будет мирное небо. Хотя я и думал раньше, и думаю сейчас, что если нас пошлют в командировку в какой-нибудь Вашингтон, и я и ребята поедем без колебаний. Что поделать, если Родина даст приказ, то...

Но вот Родина приказала. Звонок с утра пораньше из штаба флота.

– Кто там у вас самый ушлый? ...Слонов? – После обеда следовать на аэродром Кача в распоряжение комфлота, с вещами, ротой и техникой. С утра занятия отменить, с родными попрощаться, сухпай на три дня, полная выкладка, снаряжение и заправка машин, сто процентов боекомплект. – Спасибо что еще после обеда, а не до. А то было бы совсем весело.

А техника у нас в боксах стоит уже заправленная и снаряженная. Да и как же можно иначе, ведь в любой момент киевские бандерлоги или их кураторы «из-за лужи» готовы устроить нам какую-нибудь кровавую провокацию.

Так вот, в этот раз, когда прозвучало «с вещами на выход», я тут же подумал о чем-то подобном. Но случилось нечто иное и совсем удивительное. Когда наши БТР-90М заруливали на аэродром, то как раз все начиналось. На посадку заходил МЧСовский Ил-76, удлиненная модель. Почти одновременно с «Илом» прибыл командующий флотом, скромно, по-домашнему, только с ближайшими помощниками и людьми в штатском.

И тут меня ошарашило, причем три раза подряд. Первый раз, когда я, даже не успев доложить своему командующему, увидел, как на нашу грешную землю по трапу из Ил-76 спустился Он: Темнейший, Старик, ВВП, Президент... Не зря говорили, что он может внезапно оказаться в любом месте России, и вид транспорта при этом не имеет никакого значения.

В этот момент мне, чисто профессионально, захотелось заныкаться в такое место, откуда бы я мог видеть всех, а меня не мог бы видеть никто. Но нет, похоже, не судьба – наши БТРы торчали на неиспользуемой рулежной дорожке, как шиш на блюде, видные всем и отовсюду. Я приказал своим людям покинуть машины и построиться. Но главными действующими лицами оказались совсем не мы.

Пока командующий здоровался с президентом и обсуждал с ним какие-то свои вопросы, мы клацали зубами на холодном степном ветру и наблюдали за развертыванием какой-то неизвестной мне установки, своим внешним видом напоминающей системы РЭБ, с помощью которых мы в свое время отлавливали штатовские беспилотники. Затем мы обалдели во второй раз, когда увидели, как с помощью «установки РЭБ» открывается дырка явно в довоенное прошлое... Лето, самолеты-бипланы И-153 и монопланы И-16... Словом, мирная идиллия тех страшных лет. Страшных неизбежностью и неотвратимостью немецкого вторжения, и летней катастрофы сорок первого года.

Начальство поднялось в самолет, еще немного посовещалось, мы тем временем еще немного померзли. «Ил» вместе с президентом улетел восвояси, оставив, впрочем, здесь, на полосе, как саму установку, так и еще кучу всякой всячины, которой штатские обычно обставляют свой быт в необжитых местах. Тут командующий, наконец, вспомнил и о нас, бедолагах. Как всегда – в последнюю очередь.

Тут меня торкнуло в третий раз. Вместе с командующим к нам подошел коренастый бульдогообразный коротко стриженный мужик в возрасте «выше среднего», который был представлен как полковник Одинцов, Павел Павлович. Товарищ не наш, чисто «конторский». Но видно, что не кабинетный червь, а всю жизнь провел в поле. Когда

командующий заявил, что отныне и присно, и во веки веков, я вместе со своей ротой поступаю в распоряжение полковника Одинцова, и обратного пути уже нет, я понял, что без меня меня женили. Мы теперь первая отдельная рота специального назначения вневременной разведки, и именно в этом качестве будем существовать и дальше. В «контору» нас не передают, а только прикомандировывают. И вообще, сам адмирал выглядел как отоваренный пустым мешком по голове. Видно, наслушался меняющих мир откровений, а такое даром не проходит – все-таки возраст.

Когда я говорю, что «меня ошарашило», то это похоже на попадание пули в бронежилет. Удар – боль – и все. Встряхнувшись, идем дальше, хотя синяк потом, конечно, останется. Вот так меня сегодня три раза. Первое – президент, второе – дырка в прошлое, третье – то, что я теперь во всем этом по самые уши.

Увидев казарму, в которой нас собрались разместить, я уже привычно вздрогнул. Голое помещение со свежепобеленными стенами и вставленными в окна стеклопакетами, бетонный пол, куча складных железных двухъярусных кроватей в углу и больше ничего...

Но тут полковник Одинцов начал командовать, и я понял, что о таком командире я мечтал всю свою службу. Большая часть той кучи барахла, что была свалена на полосе, предназначалась именно для нас, любимых. Пропановые воздушные нагреватели, настенные светодиодные светильники, пенные коврики, надувные матрасы и подушки, солдатские одеяла. И что самое интересное – со штампом «1968 год». Кто-то капитально почистил склады мобрезерва, безжалостно выгребая оттуда все, до чего можно было дотянуться, забивая самолет до максимальной грузоподъемности.

Воодушевившись при виде такого богатства, мои ребята засучили рукава, и, при технической поддержке позитроновских техников, начали устраивать свой быт. Часа через два казарму было не узнать. Надрывно были подвешенные на цепях к потолочным балками газовые нагреватели, распространяя волны расслабляющего тепла. Кровати были собраны, аккуратно расставлены, застелены, а проходы между ними были устланы пенкой. Лепота!

Пока мы трудились в казарме, прилетел еще один «Ил», на этот раз обычный, и выгрузил из своего чрева секционный надувной ангар, полевую кухню и еще кучу всякой хренотени. Мне, как командиру, пришлось кроме дневального на тумбочке и четырех постов караула выделять еще и наряд на кухню. Зато утром у нас будет настоящий горячий завтрак, который уже не сравнить с пусть даже с самым дорогим и калорийным сухим пайком.

Прилетевшие на «Иле» хмурые парни в спецовках, на которых отсутствовали какие-либо «опознавательные знаки», без лишних слов развернули ангар, подключили компрессор и, накачав резинотехническое изделие воздухом, отправились в обратный путь. Хотя какое оно резиновое, внешние оболочки не иначе как кевларовые – простым ножом не прорежешь.

Последнее, что мы сделали перед отбоем, это загнали всю технику, включая «машину времени», в ангар и погасили освещение. Часовым на постах были выданы ноктовизоры, им освещение было без разницы.

Когда ребята уgomонились и, нервно ворочаясь на новом месте, уснули под убаюкивающий вой обогревателей, полковник позвал меня к себе в закуток в дальнем углу казармы. Ничего особенного, две ширмы, пластиковый стол, ноутбук, светодиодный светильник, раскладные стулья с надувными подушками и походная кровать-раскладушка, застеленная таким же, как у всех, солдатским одеялом. Суровая простота. Настоящий полковник – «слуга царю, отец солдатам».

– Значит так, майор, – он внимательно посмотрел на меня, – садись и слушай. Поздравляю тебя с прибытием на борт. Отсюда у нас с тобой два пути – или на трибуну Мавзолея, парады принимать, или безвестно сгинуть где-нибудь там «за речкой».

– Не совсем понимаю, – ответил я, – хотя и догадываюсь.

– Правильно, майор, – сказал полковник, доставая из-под стола бутылку массандровского вина, а из выдвижного ящика тумбочки – два маленьких серебряных стаканчика, – давай выпьем за знакомство, за новоселье и вообще – за удачу. Эта ветреная девка тебе там понадобится.

Выпили, помолчали. Вино действительно было хорошим. Такое запивать или закусывать – просто варварство.

Дав мне насладиться теплом, прокатившимся по телу от желудка к голове, полковник продолжил разговор.

– Вот что, майор, – сказал он, – завтра у тебя первый поиск, а потому времени на раскачку нет. В первую очередь необходимо выяснить точную дату – это надо нашим технарям для каких-то там расчетов. После этого будем решать, продолжать ли работать на этой площадке, или надо идти дальше. Но точную дату надо определить обязательно...

– А для чего все это, товарищ полковник? – под влиянием выпитого на голодный желудок вина я немного расхрабрился. Ведь обещал же себе воздерживаться от всяческого любопытства.

– Хороший вопрос, – сказал полковник Одинцов, разливая еще по одной, – за него, майор, вы получаете приз и переходите на следующий

уровень. Но сперва еще раз выпьем. Такие новости насухую обычно заканчиваются когнитивным диссонансом.

– Чем-чем? – непонимающе спросил я, отхлебнув вина.

Нет, слово такое я раньше слышал, приходилось. Только вот о смысле их я догадывался весьма приблизительно. Помню только, что этой болезнью болеют преимущественно офисные либералы и прочий протестный электорат. Не представляю себе, как этакую гадость может подхватить целый майор морской пехоты.

– Когнитивный диссонанс, – сказал полковник, ставя свой стаканчик на стол, – это такое состояние сознания, при котором наступает разрыв мозга по причине катастрофического несовпадения жизненного опыта субъекта с наблюдаемой картиной мира. Доступно?

– Кхм, – я почесал затылок, – вполне. Никогда не был склонен рвать свой мозг, всегда старался действовать по обстоятельствам, а итоги подбивал только после того, как падал последний враг.

– Вот это-то в тебе и ценно, майор, – кивнул Одинцов. – Ты никогда не удивляешься, по крайней мере, никогда не показываешь этого внешне. Такого, как ты, мы искали по всем округам и флотам. Было еще три кандидата, но ты оказался почти на месте, что и решило дело. Наша операция – и так дело недешевое.

– Понимаю, – сказал я.

– Ничего ты не понимаешь, – махнул рукой полковник, – то, что ты сегодня видел – это было окно в июль сорокового. До начала войны еще одиннадцать месяцев. Мы не имеем права оставить все так, как оно было. Но все, черт возьми, имеет свою цену, которую лучше оплачивать деньгами, чем человеческими жизнями. Средства понадобятся огромные, в нашем бюджете столько просто нет. Задача твоя и твоих людей пройти все временные площадки насквозь и четко их картографировать.

Нам нужно выяснить – есть ли где-нибудь или, точнее, когда-нибудь, такое место, где материальные ценности, собранные в кучу, находились бы в руках нехороших людей. Экспроприация экспроприаторов – дело достойное, а со стороны государства еще и законное.

Как я уже говорил, первый выход у тебя завтра. Задача почти учебная: интервал вероятностей лежит между тысяча восемьсот десятым и тысяча восемьсот пятьдесят пятым. Себя не обнаруживать. Если вдруг выяснится, что Наполеон идет к Москве, или англо-французская армия штурмует Севастополь, то твое дело лишь доложить, а конечное решение будут принимать совсем другие люди. Если тебе все понятно, давай еще по одной и спать – завтра будет трудный день.

Часть 2. Разведчики времени

24 января 2017 года, утро. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Майор морской пехоты Сергей Слонов

С утра они позавтракали, тщательно побрились и отправились совершать свои подвиги во имя Родины. Раз-два. Попрыгали, ребята, попрыгали...

Для первого выхода «за речку» я взял самый опытный первый взвод. Его командир старший лейтенант Астафьев начинал еще в 2008-м сержантом. Знаменитый рывок 58-й армии от Рокского туннеля к Цхинвалу. Был ранен, награжден, после излечения поступил в училище, которое закончил в 2013-м. В марте 2014-го, в составе «вежливых людей», принимал участие в поддержании порядка в Крыму, во время его воссоединения с Российской Федерацией. Говорят, что уже хоть раз раненный тигр стократ опаснее того, который не испытал еще чувства боли. Стас добрейший человек, но никому не советую ему угрожать.

Перед выходом я просмотрел сводку погоды «с той стороны» – технари каким-то образом могут частично открывать проход, не подвергая себя риску. Температура +25, облачность легкая, влажность воздуха около 50 %, ветер 2–3 метра в секунду, западный, то есть с моря... Экипировка по фактической погоде – не хватало еще париться в зимних бушлатах на летней жаре. Да и снежно-серый камуфляж будет смешно смотреться в зеленом летнем кустарнике. Поэтому формой одежды для нас будут лохматки «кикимора» и разрисованные темно-зеленым гримом лица.

После того, как мы попрыгали, проверяя – хорошо ли прилажено снаряжение, перед нами тут же распахнулась дверь в знойное лето. Ребята попарно метнулись в проем и тут же рассыпались по кустам, слились с местностью и затихарились, «осматриваясь в отсеках». Проход за нашей спиной закрылся с негромким хлопком, отрезая нас от теперь далекого будущего.

Я взял бинокль и внимательно осмотрел окрестности. Лето-то оно лето, только непонятно какого года. Ясно только, что мы попали куда-то до 1912 года, потому что следов качинского аэродрома еще не видать. На месте поселка Кача лежит маленький хутор из двух домов, а дорога, проходящая параллельно берегу, из обычного для нашего времени сельского асфальта превратилась в узкий пыльный проселок, на котором

едва могли разъехаться две телеги. На месте пгт Андреевка, примерно в четырех с половиной километрах от нас, виднеется какое-то небольшое, явно татарское, селение, украшенное мечетью с небольшим минаретом. Примерно такой же аул находится на месте пгт Угловое. Поселка Солнечный на своем месте вообще нет. Нет и распаханых полей. Склоны гор, поросшие неровным кустарником и отдельно стоящими деревьями, речка Кача лениво блестит на солнце внизу на дне долины. И больше ничего.

И самое главное – ни одного столба с проводами, ни телеграфно-телефонного, ни электрического, никакого. Лепота. Точно XIX век, или даже раньше. Пока мы еще даже менее точны, чем теоретики, пора разбираться в вопросе предметно.

От взятия «языка» мы пока воздержимся, сказано же нам было – себя не проявлять. В здешней мирной идиллии каждый пропавший человек – это повод для расследования. И что они знают, эти пейзане... Хотя нет, мусульмане в этом смысле более грамотные. Какой год идет с момента бегства пророка из Мекки в Медину – знают все. Спроси, разбудив ночью – от зубов отскочит. Надо только помнить, что лунный мусульманский год примерно на 12 дней короче солнечного христианского, и поэтому простым сложением-вычитанием не обойтись, тут знаток нужен. Знатоки у нас есть, но мы все равно пока от такого экстремизма воздержимся, а вот беспилотник запустить вполне можно, не зря же мы его сюда тащили.

Беспилотник у нас шикарный, электрический, бесшумный, как привидение, модель «Инспектор-401». Я такой только тут впервые-то и увидел. Идею взять наш штатный ротный «Орлан-20М» полковник Одинцов зарезал на корню. Его двухтактный движок тарахтит в полете, как трактор «Беларусь», и в скрытый поиск его можно посылать только в страну глухих. Что и подтвердилось во время конфликта на Донбассе. Украинской армии тогда удалось сбить не меньше пяти беспилотников ополчения. А может, и не ополчения, может, своих собственных, опознавательные знаки на такой технике не рисуют. Зато на «Инспекторе» один только сверхлегкий аккумулятор стоит, наверное, как десяток «Орланов». Эта модель, в отличие от своего предшественника, 301-го «Инспектора», по верхней поверхности крыла и фюзеляжа дополнительно обтянута еще и фотоэлементной пленкой, так что в солнечный полдень, какой был сейчас, увеличивает дальность полета как минимум вдвое. Узнаю суровый «конторский» почерк. Не абы что, но настоящее бесшумное привидение без мотора, пусть и по цене фешенебельной «Ауди».

Полчаса возни со сборкой и настройкой, и вот уже «Инспектор»,

тихонько жужжа, уходит в небо. Полет по маршруту Кача – Севастополь – Бахчисарай – Кача, протяженность около 90 километров, с учетом пролета от начала и до конца вдоль Северной бухты, скорость на маршруте около 120 километров в час, время в пути 45 минут, максимальное удаление от точки старта – 25 километров.

Стараясь не отвечивать, мы, прикинувшись ветошью, стали вести наблюдение за окрестностями. Вот по дороге от Севастополя в нашу сторону медленно бредет парочка замороженных лошадей, запряженных в бричку. На козлах сидит старенький кучер, ну прямо вылитый чеховский Иона. Он уныло смотрит на тощие лошадиные зады. На сиденье брички едет барин в позе Стеньки Разина с картины Сурикова. Он одет в потертый форменный сюртук без погон. Похоже, что господин отставной военный – усы и отсутствие бороды подтверждают это. Видно, бывший служивый крепко подгулял этой ночью. Надо бы тормознуть его и попытаться выяснить с помощью наших спецсредств число, месяц и год, в котором мы очутились. А потом – у нас в аптечке есть средство, вызывающее полную амнезию. Проснется он и запоем: «Что-то с памятью моей стало...»

Пока бричка со скоростью умирающей от старости черепахи ползла в нашу сторону, поступили первые изображения от беспилотника. Сержант Птицын, наш «пилот», попросил меня глянуть на них. На мониторе ноутбука, используемого для «Инспектора» в качестве управляющей станции, перед нами лежал Севастополь. Причем не тот город, который мы знали в своем прошлом, а совершенно другой, какой-то маленький и уютный... По всему Севастополю шло строительство. Построены были Константиновская и Александровская батареи. И самое главное, флот у причалов. Парусный флот... Хотя нет, есть и несколько колесных пароходов с парусным вооружением, кажется, их называли пароходо-фрегатами.

– Костик, – обращаюсь я к сержанту-контракtnику по прозвищу «Студент», он действительно студент, учится заочно на историка, – слушай, ты случайно не помнишь, в каком году на Черноморском флоте появились первые пароходы?

– Кажется, после тысяча восемьсот сорокового, товарищ майор, – отвечает тот, – вернемся на базу, надо будет пошариться в Интернете.

– Я тебе пошарюсь, – погрозил я ему кулаком, – не забыл, что все запросы отслеживаются? Мы – тихие и мирные овечки и нас совсем не должна интересовать история. И без тебя найдется, кому шариться, если будет так надо...

– Товарищ майор, – сказал Костик, – а вы посмотрите, ведь Крымской войны тут еще не было...

– Сам вижу, – ответил я. – И какие выводы, сержант?

– Мы где-то между сороковым и пятьдесят третьим, тысяча восемьсот, разумеется. Сказать точнее не хватает данных.

– Молодец, студент, – саркастически заметил я, – нас просили узнать, сколько вешать в граммах, а ты даешь вилку плюс-минус километр. Ты это, последи за картинкой, может, еще что увидишь знакомое, а мы с ребятами пока будем тихонько брать «языка»...

«Языка» взяли лучше не придумаешь. Когда из кустов прямо перед бричкой, словно черти из табакерки, выскочили двое «леших», с размалеванными боевым камуфляжем лицами, то лошади замерли как вкопанные, а кучер с перепугу сомлел и без чувств сполз со своего места. Я даже испугался, не помер ли ненароком бедолага от сильного испуга. Но нет, дыхание, пульс и все прочие признаки жизнедеятельности были в наличии.

А его седок даже и не пошевелился. Похоже, что он до сих пор не мог выбраться из липкого, как клейстер, и черного, как вакса, алкогольного полусна-полубреда. Ребята быстренько вывернули карманы спящего гуляки и извлекли из них несколько мятых кредитных билетов и монет разного достоинства с датами чеканки между 1825 и 1843 годами. Также была обнаружена помятая пригласительную карточка, в которой Иван Власьевич Кузюпкин, отставной ротмистр, приглашался июля месяца девятого числа одна тысяча восемьсот сорок четвертого года на именины к лейтенанту флота Головнину Петру Александровичу. Последняя бумага была самой ценной, и по ней можно было предположить, что девятое июля было вчера, и господа офицеры, как отставные, так и состоящие на службе, всю ночь ударно квасили за здоровье именинника. Ну и флаг им в руки. Нашу задачу можно считать выполненной, развал-схождение установлено, свести время с точностью до миллисекунд, пронаблюдав прохождение солнца через меридиан, можно и позже.

Отставному ротмистру вложили в карманы все его имущество. Он на мгновение приоткрыл один глаз, увидел склонившиеся над ним размалеванные рожи моих бойцов, хрипло пробормотал: «Ну, я же говорил поручику, что не надо цимлянское с ромом мешать...», после чего снова смежил очи и захрапел. Мы еще раз удостоверились, что кучер жив и здоров, и просто на время выпал из реальности, после чего водрузили его обратно на козлы и, шлепнув лошадей по задку, аккуратно отошли на исходную позицию. Лошадки опытные, умные, домой сами дорогу найдут. Кучер им нужен, как рыбе зонтик. А нам осталось только дожидаться возвращения беспилотника, все упаковать, не забыв ни одной бумажки, и

тихо и незаметно покинуть год 1844-й...

24 января 2017 года, полдень. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Павел Павлович Одинцов

Орлы майора Слонова запросили обратную амбаркацию уже через час после первого оговоренного контакта. Вылазка получилась стремительной и результативной. Материальные доказательства не оставляли никаких сомнений: на площадке № 4 в настоящий момент 10 июля 1844 года по юлианскому или 22 июля по григорианскому календарю. Высказав майору и его людям благодарность перед строем за удачно проведенную операцию, я напомнил, что следующие выходы такими простыми, скорее всего, не будут, и им не стоит терять бдительность и расслабляться. А сейчас всех участников выхода ждет винная порция для снятия стресса и отдых. Завтра все начнется сначала.

Отпустив людей принимать пищу и предаваться расслабону и нирване, я стал размышлять над добытой ими информацией. Тихое и мирное – если не считать не прекращающейся который уже год Кавказской войны – правление императора Николая I. Ловить тут нечего, проведение сколь-нибудь масштабной операции обеспечения просто невозможно. Элементарно нет точки концентрации богатств, которые можно взять быстро и относительно бескровно. Для того чтобы собрать золото, которым владеет Европа, потребуется обшарить подвалы сотен европейских и американских банков. Европа сейчас просто отдыхает после шока наполеоновских войн. Правда, этот отдых близится уже к концу, через четыре года по Старому Свету прокатится череда революций, которые будут подавлены.

Тут можно забрасывать агентов, которые будут плести интриги и заниматься множеством достойнейших и полезнейших дел. Но надо понимать, что ранее чем через десять лет никакой полезной отдачи от этого проекта ждать не придется. Уж слишком узок и беден рынок, даже европейский, не чета современному, или даже тому, который существует в 1940 году. Нет, эту площадку лучше оставить в резерве.

Обо всех этих соображениях посредством правительственной связи и специально зашифрованного сообщения было доложено президенту. Ответ был коротким – добро. Сие означало, что середина XIX века откладывается на потом, и займемся мы ей года через два, когда минут все остальные кризисы. Никуда от нас эта площадка не убежит.

Теперь надо настраивать аппаратуру на следующий поиск. И идти в

XVII век. Какой бы его год для нас ни выпал, скучно нам не будет. Это век великих страстей, начавшийся Смутой, воцарением Михаила Романова и закончившийся не менее ужасно и кроваво началом царствования Петра Алексеевича, поднявшего железной рукой на дыбы матушку-Россию. Насколько я понимаю, Наш, в отличие от прочих, от деятельности Петра явно не в восторге. Хотя и держит его бюст в своем кабинете. Полагаю, что это из-за того, что принимая в целом политику Петра, он считает, что то же самое можно было бы проделать, имея в разы меньшие людские потери. Но это все лирика. Необходимо точно установить хотя бы год новой временной площадки.

Что же касается богатств, то абсолютно точная дата тут без разницы. Весь век сохранялась концентрация несметных богатств в Стамбуле и Мадриде, небольшой золотой запас на первое время есть под боком в Бахчисарае. Крымские Гирей в свое время неплохо пограбили Русь и Польшу, и кое-что у них тоже должно еще остаться. Весь век из Америки в Кадис плыли пузатые галеоны испанского Серебряного флота, и весь век Османская Порта продолжала высасывать богатства из своих владений, концентрируя их в Стамбуле. Два великих хищника Европы находятся на вершине своего могущества и богатства, и тот, кто их сокрушит, несметно обогатится, поболее, чем Писарро или Кортес. К тому же режимы и в Мадриде и в Стамбуле для нас не вызывают сочувствия, и никаких внутренних протестов по поводу их ликвидации у нас быть не должно.

Конечно, все будет ясно завтра, когда с первыми данными с той стороны вернется майор Слонов. Но уже сейчас я чувствую, что площадкой в XVII веке мы займемся куда более предметно, чем предыдущей. Если все мои рассуждения верны, то именно в XVII веке должен находиться главный источник материальных средств для операции «Гроза плюс», хотя возможны и другие варианты. Вот вернется завтра с той стороны майор Слонов, и все станет более-менее ясно.

25 января 2017 года, утро. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Майор морской пехоты Сергей Слонов

На этот раз, ради пущего разнообразия, на «той стороне» была зима и раннее утро. Солнце только-только начало подниматься над горизонтом. А значит, местные правоверные уже отстояли первый из пяти положенных намазов и сейчас завтракают, если, конечно, здесь и сейчас не месяц уразы.

Снега на земле почти не было, несмотря на то что речка Кача замерзла, а море внизу шумело на прибое ледяной крошкой. Местность вокруг имела

практически тот же рельеф, что и в XXI и XIX веках, только дорога стала еще уже, и, судя по следам ее, скорее использовалась как тропа для пешеходов и вьючного транспорта. Хотя следы колес, скорее всего от повозок, тоже имели место быть. Зато татарский аул в пределах видимости на месте пгт Андреевка имел вид большого, зажиточного селения. Я даже узнал, как это место называлось при татарах – Ак-Лейз. Глиняные дувалы, ограждавшие селение, а вокруг него стаи собак. Вокруг селения видны садовые деревья, сейчас опавшие и выглядевшие жалко и неприглядно.

Если мы сейчас действительно в XVII веке, как на инструктаже предупреждал полковник Одинцов, то необходимо считать, что мы находимся на территории, где каждый встречный может быть врагом. Вряд ли все обойдется так же просто, как и в прошлый раз.

Первым делом следует оборудовать лежки и приступить к наблюдению. А там видно будет. Однозначно, что придется брать «языка», только вот потрошить его придется уже на базе. Неуютно тут как-то.

А вообще этот аул в качестве возможной опорной базы мне нравится. Если захватить неповрежденным, то, с учетом местных реалий, воевать тут можно будет долго и со вкусом. Если уж пошла такая пьянка, то и Крым тут не всесоюзная здравница, а тюрьма народов. Но сначала нужно взять «языка», расспросить как следует, а потом уже и решать.

Вот поэтому мы и засели поблизости от дороги. Рано или поздно по ней кто-нибудь обязательно пойдет. Невредно также запустить и беспилотник. Правда, в холод и при низком солнце лучше с ним быть поосторожней. Емкость батареи падает, да и солнечные панели дают совсем чуть-чуть мощности. Так что по прямой – до Бахчисарая и обратно. По нынешней обстановке вижу, что Севастополя здесь еще нет и быть не может.

Железная птица с жужжанием ушла в белесое зимнее небо, а вокруг все оставалось тихо, никто и ничего не заметил. Но вот прошло еще примерно полчаса, как в татарском селении что-то зашевелилось. В глинобитном дувале приоткрылись деревянные ворота, и мы увидели процессию. В двадцатикратный бинокль с просветленной оптикой все отлично было видно. Двое, нет, трое верховых. За ними нагруженная до верха каким-то барахлом арба, запряженная парой серых лохматых ишаков. За арбой плетутся четверо пеших. А замыкает всю эту процессию еще один верховой. Если передние конные – это типичные татары, такие, какими их рисуют на картинках, то замыкающий тип – это явный сердюк – пеший казак, служащий по найму у другого богатого казака или гетмана. Он был одет в серый суконный кафтан, баранью шапку и сапоги. Сзади за ними

бежала пара тощих и лохматых собак.

Вывод однозначный: татарское семейство везет на базар в Бахчисарай награбленное добро и гонит оказавшийся лишним в хозяйстве полон. Прямая тропа через верховья Качи непроходима, поэтому идут через Бальбек, откуда есть приличная дорога. А может, им вообще надо в Инкерман, потому-то они и идут этой дорогой?

В общем, это неважно. Какой бы ни была причина, в любом случае они наши. Есть только одна сложность: и захват, и отход придется производить непосредственно в виду селения. А это значит, что возможны попытки вызволить полон. И тихий поиск может превратиться в шумное боестолкновение. Собаки поднимут лай, из селения выглянут любопытные... Дальше объяснять не надо.

Один лишь плюс ко всему вышесказанному – спешить здесь не надо. До места засады километров шесть, и идти они будут полтора часа. Есть время, как на подготовку, так и на совет с начальством. Да и помощь на таком расстоянии татары своим быстро оказать не смогут. Людей надо собрать, коней, оседлать, на что уйдет примерно полчаса, ну, а потом уже кидаться на выручку. К тому же слово «кидаться» для такого варианта совершенно не подходит. Галопом, во весь опор лошадь способна пройти не более одного-двух километров, а потом она встанет или умрет под всадником. К тому же зимой у татар кони сидят на голодной пайке, и в них уже нет той резвости, которую они показывают в летнее время.

Значит, пройти рысью или хлынцой шесть километров займет еще полчаса. Итого час. За это время даже черепаха Тортилла успеет спрятаться на дно своего пруда и надежно заныкать свой золотой ключик.

Когда истек час с момента нашей высадки, и позади меня открылось контрольное окно в будущее, путешественники были еще примерно в трех километрах, или сорока минутах пешего хода от нас. Оставив старшим старлея Астафьева, я пулей метнулся к порталу для доклада начальству.

Что удивительно, но то самое начальство уже ждало меня сразу у входа в прошлое, одетое в полный зимний боевой прикид бойца спецназначения, который сидел на нем как влитой. В этот момент Павел Павлович весьма сильно походил на сосредоточенного для охоты белого медведя, прямо под носом у которого всплыла в полынье вкусная и жирная нерпа. Чуть поодаль урчали дизелями на холостом ходу все десять БТР-90М нашей роты. Жирный соляровый чад вытягивало через распахнутые ворота, бойцы резервного и отдыхающего взводов в полной экипировке были выстроены вдоль стен. Сделав непроницаемый вид, я подошел к полковнику и вполголоса начал свой доклад...

25 января 2017 года, 10:00. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Павел Павлович Одинцов

В нескольких коротких и емких фразах майор обрисовал мне «картину маслом», которую он наблюдал на той стороне.

– Ты уж извини, майор, – сказал я, когда он закончил, – но твоих людей я своей властью в ружье поднял. Ты на ту сторону пошел, а меня чуйка беспокоить начала. То ли вас выручать придется, то ли развитие успеха организовывать. Ведь не зря же говорят, что ковать железо надо, пока оно горячо, а считать деньги до того, как отошел от кассы. Если они не понадобятся, то дать команду «отбой тревоги» – это дело пяти секунд.

Майор покачал головой и еще раз повторил свои выкладки про то, с какой скоростью и откуда могут прийти неприятности к нему и его людям.

– Что же касается развития успеха, – добавил он, – то одной ротой воевать Крым идея сомнительная, какой бы крутой эта рота ни была. Тут не одна бригада нужна, чтобы перекрыть перешейки. Ну, а зачистка территории, особенно южного берега, где в крепостях вроде бы даже не татарские, а турецкие гарнизоны, что уже рангом повыше, требует участия гаубичной артиллерии, саперов и ударных вертолетов. Полноценная войсковая операция получается. А если вдруг выяснится, что у здешней России с Турцией и Крымом сейчас мир, дружба и жвачка – бывали в истории такие моменты, – то может выйти и совсем нехорошо.

Остудил майор меня своими словами, остудил. Действительно, кидаться сгоряча и на шашку голыми пятками – это весьма неосторожно. Неизвестно, что нас там ждет. Сначала проведем «проверку на дорогах», разберемся в обстановке, а там уже и видно будет, что доложить наверх, и какие силы необходимо привлечь к операции. И сколько времени все это займет. Ну, и вообще, стоит ли эта овчинка выделки.

– Значит так, майор, – сказал я, – резерв и броня пусть постоят в готовности, лишним не будет. А я вместе с тобой пойду на ту сторону и приму решение прямо на месте.

Заметив, что майор Слонов хочет что-то сказать, я добавил:

– Это приказ, майор, а приказы, как известно, не обсуждаются.

XVII век, зима, утро. Крымское ханство, окрестности селения Ак-Леиз

Павел Павлович Одинцов

Попав на ту сторону, я убедился, что все обстоит так, как и доложил

мне майор. Правда, за то время, пока мы с ним обсуждали международное положение, татары приблизились уже настолько, что был слышен отчаянный скрип несмазанных осей арбы. Я поднял к глазам бинокль и начал внимательно рассматривать приближающихся вояжеров.

Первое, что бросилось мне в глаза, было то, что первый татарин оказался довольно пожилым, о чем говорили его реденькая седая борода и морщинистое, как печеное яблоко, лицо. Двое же других, следовавших верхами за ним, были, наоборот, очень молоды. И хоть татарские мальчики начинают учиться ездить верхом чуть ли не раньше, чем ходить, но в руках этих юнцов еще нет той настоящей силы, необходимой, чтобы рубить саблей. Но луки у них были – у каждого за плечами висел саадак. Правда, перевозились луки со спущенной тетивой, и, чтобы привести его в готовность, требовалось время. За кушаком одного из юнцов торчал длинный кавалерийский пистолет. Татары, в отличие от других кочевников, широко использовали огнестрельное оружие, причем очень умело. В основном оно было трофейным: венгерским, австрийским, польским и русским.

Молодость юных джигитов совсем не означала, что они были совершенно безопасны. Скорее, наоборот. В случае угрозы именно от них стоит ждать самого яростного сопротивления. Горячность юности заставит кусаться, царапаться, плевать, но не покориться победителю.

У каждого, помимо луков и пистолета, как минимум еще есть сабля и нож, которыми они владеют для своего возраста вполне сносно. Кстати, и старичок-аксакал едет не с пустыми руками. На его кисти висит камча – любимое оружие татарских пастухов – плеть с зашитым в конец ремня свинцовым шариком. Страшное оружие. Пастухи ударом такой плети проламывают голову волку, а если надо, то и человеку. Ребята должны быть с ними поосторожнее. Если не получится взять их живьем сразу, то лучше пристрелить и не рисковать.

Высказав все эти соображения майору Слонову для передачи по команде, я обратил внимание на сердюка. Он тоже молод, лет двадцать, не больше. Лицо бритое, с висячими усами, копия этого, как его, майданного «сотника Парасюка». Похоже, что не очень-то ему здесь доверяют. Из оружия при нем только плетка треххвостка, которой он вполне мастерски хлещет отстающих пленников. Вполне паскудный, хотя и нетипичный для татарской компании персонаж. Но кто его знает, ведь, судя по сильной тюркизации украинского общества, их связи с крымчаками и турками были развиты куда сильнее, чем принято считать в наше время. Ведь во времена Хмельницкого Украина колебалась не между Россией и Польшей, а между

Россией, Польшей и Турцией. В Стамбуле всегда есть наготове своя кандидатура в гетманы, и извечное кровавое веселье на Украине продолжалось до времен императрицы Екатерины.

Но вряд ли этот сердюк – «заготовка в гетманы», слишком уж просто выглядит. Ничего, возьмем этого кадра живьем, тогда и расспросим по полной программе. Надо иметь в виду, что в связи со склонностью этих байстрюков ко всяким подленьким импровизациям, доверять ему нельзя ни в коем случае. Договор с татаринном и то более надежен, чем с этим предком майданных гамадрилов.

Майор, который непосредственно имел дело с хохлами, в то время, пока мы почти безвылазно сидели в таежной глуши, тут же подтвердил мои соображения и сказал, что он скорее будет спокоен рядом с ядовитой змеей, чем рядом с этим предком бандеровцев. И ребята у него тоже ученые – есть у него несколько бойцов-контрактников, которые добровольцами окончили на Донбассе свои военные университеты. Вот им-то он и поручит заботу об этом предшественнике «правосеков» и «айдаровцев».

Запряженная парой ишаков арба не привлекла моего особого внимания: какая-то увязанная в узлы одежда, по большей части зимняя, шубы, армяки и эти, как его, зипуны увязаны так плотно, что правящему ишаками «бачонку» на арбе совершенно не осталось места, и он идет по дороге рядом, свесив на сторону поводья. Ишаки-то хоть они и ишаки, но дорогу на базар, очевидно, знают сами не хуже хозяев. Идиллия, в общем.

А вот татарский полон меня заинтересовал. Первым за арбой шел весьма представительный мужчина с широкой и окладистой бородой, но в шмотках явно с чужого плеча. Похоже, что он из купеческого сословия, хоть и не очень высокого достатка – так подсказывает мне мое унаследованное от предков чутье.

Следом за ним бредет молодая женщина с младенцем, закутанным в старые и рваные тряпки. Странно, вроде я читал, что обычно татары еще при захвате сразу же убивали детей, не способных идти сами. И еще – женщин сразу же отделяли от мужчин. Очевидно, тут какой-то особенный, частный случай. Она явно приходится бородачу родственницей – время от времени он на нее оглядывается. При этом сердюк грозил ему кнутом, а один раз даже вытянул поперек спины. То ли это дочь с внуком, то ли молодая жена с сыном. Следом за женщиной шли двое мужичков попроще. И бороденки у них пожиже, и одежонка поплоще. Явно то ли приказчики, то ли просто работники.

Если это действительно купеческая семья, захваченная татарами во время очередного набега, то их освобождение для нас станет удачей. Ведь

купцы – ребята ушлые, они знают не только, какой сейчас год, но и все политические расклады. А также где, что и в каком количестве ценного лежит. То же, что попал с семьей в плен татарам, так такое случается. Если набег начался внезапно, то тут и на старуху может быть проруха. Впрочем, сначала с купчиной стоит не спеша побеседовать, а потом уже и решать, что с ним да как. Но в любом случае товар брать стоит.

– Работаем, всех брать живьем по возможности, и тут же отход, – сказал я майору Слонову. А сам погрузился в размышления о превратностях судьбы и о нашей семье, родословная которой теряется в далеком прошлом.

Если верить бабушке по отцу, то род наш берет начало от Андрея Ивановича Одинца, боярина Дмитрия Донского, стоявшего вместе с ним на Куликовом поле. А вообще Одинцовы фамилия известная. Одинцовы были воинами, адмиралами, губернаторами, славно служили России во всех ее ипостасях: Рюриковской, Романовской, Советской и Постсоветской. И не суть важно, к какой именно ветви какого именно рода отношусь я. Революция и последовавшие за ней двадцатые и тридцатые годы изрядно все перемешали и перепутали. Но верность присяге и преданность долгу и своей стране в нашей семье остались навсегда.

Захват произошел, когда татары втянулись в заросли невысокого кустарника, почти точно напротив нашей основной позиции. Вот только что они тихо и мирно ехали, и тут взметнувшиеся из кустов белые тени вышибли всадников из седел, пшикнули им в рожи из баллончиков, обезоружили, скрутили и упаковали в лучшем виде. Два негромких хлопка и предсмертное повизгивание указало на то, что с собаками тоже покончено. Захват прошел чисто.

Мы с майором быстро поднялись с земли и поспешили к нашим парням. В ауле, кажется, никто и не заметил случившегося. Что это – беспечность или банальное безразличие к судьбе ближнего своего, присущее некоторым народам?

Впрочем, никаких улик на месте происшествия мы оставлять не собирались. На нашу сторону были затащены не только туго связанные по рукам и ногам, отчаянно брыкающиеся татары и сердюк, «обалдевшие сего числа» от счастливой перемены в своей судьбе русские пленники, но и арба с ишаками, все четыре лошади и даже трупы собак. Что смогли, мы убрали, а из-за отсутствия снега следов на промерзшей земле почти не осталось.

Последним из XVII века уходил майор Слонов. Вот он еще раз осмотрелся по сторонам, пропустил последних бойцов и шагнул в наше время, подняв над головой руки, сделав известный в армейской среде жест,

означающий: «Глуши!» Портал за ним закрылся, и мы остались в нашем родном XXI веке.

– Ну что, Павел Павлович, – спросил меня майор Слонов, – теперь-то можно давать моим парням отбой?

Купчина, с рук которого разведчики сняли веревки, услышав слова майора, вдруг бухнулся передо мной на колени и взмолился:

– Батюшка-боярин, – запричитал он, – помилосердствуй, не губи! Отпусти мя с жинкой и работниками домой! А уж я тебе заплачу, хоть деньгами, хоть службой верной.

Я вздохнул и сверху вниз посмотрел на купца.

– Да, майор, теперь можно и отбой скомандовать. Пусть твои ребята поднимут этого кадра на ноги, и давай пойдем, будем вместе разбираться, что за улов Господь привел сегодня в наши сети.

25 января 2017 года, 11:35. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Сержант контрактной службы Барабин Константин Михайлович, он же «Студент»

Это был наш второй поход в прошлое, и на этот раз все прошло куда веселее и динамичнее, в стиле «проверок на дорогах». Как нас ни стращали на инструктаже крымскими татарами, но против хорошей засады и тренированных спецназовцев они оказались слабоваты. Внезапно налететь, застать врасплох, пограбить то, что плохо лежит – вот их стиль ведения войны и образ жизни. Насколько я помню, серьезного сопротивления они никогда не могли преодолеть и отступали восвояси, надеясь найти легкую добычу в другом месте. Потому и доставалось от них большей частью вечно страдающим от политических неурядиц хохлам, а не огороженным засечными чертами южным окраинам Московского царства.

Так случилось и в этот раз. Как только в наушниках прозвучала команда «вперед», прикинувшиеся сугробиками бойцы с обеих сторон дороги молнией метнулись к верховым татарам. Цели у нас были распределены заранее, так что все прошло в лучшем виде. Тут главное было не замандражировать. Один хватает татарина за сапог и толкает вверх, выбрасывая из седла, двое других на противоположной стороне дороги ловят, скручивают и упаковывают. Тут весь цимес в силе толчка – любой из нас на учениях способен таким образом перебросить своего товарища через средней высоты забор, а вдвоем с напарником закинуть третьего в окно второго этажа. Да и эффект внезапности рулит – никто из наших оппонентов так и не успел предпринять ничего адекватного.

На всякий случай впереди поперек дороги было натянуто несколько крепких нейлоновых веревок, так называемых «спотыкачей». Если бы кто-то из татар пришпорил бы свою лошадь и галопом пошел на прорыв, то там на этом «спотыкаче» он бы и остался. Причем вместе со своим конем. Сальто-мортале гарантировано. Рвануть назад они тоже не могли, дорогу перекрывала арба. Да и на то, чтобы развернуть на месте коня, тоже надо было время. Открытым оставался только путь вперед.

По счастью, все прошло как по нотам. Ничего не мог сделать и казачок, отчаянно размахивающий вокруг себя нагайкой. Самого его выкинули из седла, нагайку отобрали, а руку, державшую этот символ власти, слегка покалечили. Ибо нефиг бить беззащитных людей.

Все случилось так быстро, что полоняникам осталось только нервно лупать глазами. Все, проехали. Уже потом, когда, заметя следы и забрав все материальные ценности, взвод отступил на исходные позиции, меня вызвал к себе ротный.

– Значит так, Студент, – сказал майор, – настало твое время. Ты нам сейчас понадобишься как исторический консультант. Потом, конечно, полковник Одинцов привезет из столицы других специалистов, более серьезных, чем ты. Но сегодня твой выход. Вперед!

Все так просто, хочешь не хочешь, а иди вперед – армия. Но мне и самому было интересно – о чем они там будут говорить. Все бойцы моей роты понимали, что мы ввязались в спецоперацию, которую начали на самом верху, и завизированную САМИМ... Но настроение у ребят боевое, – или грудь в крестах, или голова в кустах. Слухи о конечной цели всей этой акции ходят разные. Но большинство склоняется к тому, что основной ее целью является разведка местности, в которую мы заглянули, для того, чтобы показать ее президенту. Говорят, что-то довоенное, до той еще войны, до Отечественной. Если это так, то Алоизычу лучше заранее застрелиться.

В импровизированном кабинете полковника я оказался впервые. Да и какой это кабинет, просто отделенный ширмой угол казармы, а поди ж ты. Стол, на нем ноутбук, несколько стульев, сейф, а со стены внимательно и строго взирает на входящих портрет Темнейшего. Тот самый, где он в прикиде подводника.

И вот в это маленькое помещение набилось народу... Тут и наши: полковник, майор, старлей... Ну и полоняники: представительный мужик с бородой и баба с дитем. Хотя какая она баба, девчонка совсем молоденькая, лет семнадцати. Если это действительно XVII век, то все правильно – тут так принято, женщин рано замуж выдают. Двадцать лет – уже считается

переростком, старой девой. Двоих мужичков попроще сразу же вывели вон, приказав накормить и лишнего в их присутствии не болтать. Потом ушел старлей Астафьев, и мы остались в полковничьем закутке впятером.

Мужик – скорее всего, купец, причем не из богатых, похоже, из суконной сотни. Члены суконной сотни не имели права свободного выезда за границу и приобретения вотчин. В общем, тогдашний «средний класс».

На крестьянина или посадского он, несмотря на поношенное шмотье с чужого плеча, не похож. Есть у меня также ощущение, что совесть его нечиста, и что в плен к татарам он влип по собственной жадности и глупости, и теперь будет врать и выкручиваться, пытаясь оправдаться незнамо перед кем, незнамо за что. А вот его спутница занята дитем, и, как это принято в те времена, в дела мужские не суется.

Кстати, внешне она так себе, ничего особенного. Волос под платочком русый, глаза серые, носик остренький. Зубки мелкие беленькие, и это безо всяких патентованных зубных паст и эликсиров. Бутерброд с колбасой жует, куда там твоему мышонку... Аккуратно точит, с достоинством. Мужик ее, так тот умял свой бутерброд в четыре укуса.

Тут сверток на ее руках заворочался, запищал и громко, во всю мощь своих маленьких легких потребовал и свою долю на этом празднике жизни. Пусть и не хлебом с колбасой, а пока лишь материнским молоком. Поскольку, я точно помню, что татары убивали младенцев у угоняемых полонянок, то, значит, малой родился уже здесь в Крыму совсем недавно. Маленькое существо пока не знает, что только что его жизнь еще раз круто изменилась. И не быть ему уже турецким янычаром или евнухом в гареме. Вернётся ли он с матерью в XVII век или останется у нас, но рабом турок или татар он не будет точно.

А полковник, похоже, расчувствовался. Негромко сказал, вроде в никуда:

– Эй, бойцы, кто меня слышит, позовите-ка старшего лейтенанта Астафьева сюда!

Старлей появился на пороге почти сразу и немедленно, словно джинн из лампы Аладдина. Наверняка он был где-то поблизости, делая вид, что занимается обычными делами. Да и слышимость тут в казарме, как в концертном зале. Ширмы дают лишь иллюзию уединения. Интрига дня – какой на той площадке нынче год, должна разрешиться с минуты на минуту, и наверняка вся рота, развесив уши, ждет этого момента.

– Виктор, – негромко сказал полковник, – устрой нашу гостью получше. Занавеску в углу организуй, чаю горячего, – полковник положил на стол пару хрустящих бумажек, – за молоком кого-нибудь в гарнизонный

магазин зашли. Короче, поухаживай за дамой.

Услышав такие речи, купчина опять бухнулся на колени, а его половина степенно встала и с достоинством отвесила полковнику поясной поклон.

– Благодарствую, боярин, – сказала она. – Храни тебя Господь за твою доброту.

– Господа и благодари, голубушка, – в тон ей ответил полковник. – Добр он к вам был сегодня, а я и мои люди лишь исполнили свой воинский долг. Всё. Ступай за старшим лейтенантом, он проследит, чтобы позаботились о тебе и о чаде твоём.

Женщина вышла, а у меня в голове крутилась мысль, что как-то она не совсем подходит своему спутнику, хотя супружество их явное и безусловное. Ну, слишком из разного теста они люди, будто бы случайно, волей обстоятельств соединенные в одной семье.

– Ну что, Студент, – сказал вдруг полковник, обращаясь ко мне, – что скажешь про нашего гостя?

– Купец это, Павел Павлович, – ответил я. – Суконная сотня, к тому же из средних или низших людей. Скорее всего, чей-то подручный. Жаден и расторопен. Зато совесть его в чем-то нечиста. Может, сам полез в пекло за прибылью и попался татарам, сгубив товар, людей и деньги...

Услышав про себя такое, купец снова бухнулся на колени с воплем:

– Помилуй, боярин, не виноват я, бес меня попутал! – Чем полностью подтвердил мои подозрения.

– Ну-с, любезный, – сказал полковник Одинцов, с усмешкой глядя на этот, уже изрядно поднадоевший ему спектакль. – Давай рассказывай по порядку, кто ты, и часто ли тебя так бесы путают? А то ведь мы и батюшку позвать можем, чтоб он твоих бесов отчитал.

Из сбивчивого рассказа бородача мы узнали, что он действительно купец суконной сотни из Вологды. Зовут его Ивашка Сорокин, сын Тимофеев. И занимался он заготовкой зерна на Слобожанщине, в окрестностях Чугуева, для дальнейшей отправки его на свою Вологодчину, где оно родится один год из пяти.

Когда внезапно налетели татары, что зимой бывало нечасто, он замешкался, скупая за бесценно не вывезенные остатки пшеницы, и с последним обозом был захвачен татарами. Охрана обоза, приказчики и возчики попытались оказать татарам-людоловам сопротивление, и почти все были перебиты. Уцелел лишь сам купец, его беременная жена Пелагея и двое земляков – помощников. При этом набеге был серьезно ранен сын мурзы, командовавший отрядом, и хан Мурад-Гирей отпустил его домой в

Крым вместе с полоном...

Случилось это около месяца назад, а сейчас на дворе стоит двадцать пятое января 7188 года от сотворения мира, или пятое февраля 1680 года по нашему григорианскому летоисчислению. С 1674 года идет война с турками и Крымским ханством, в которой Московия и союзные ей Польша с Австрией пока одолевают османов. В 1677–1678 годах в районе Чигирина на правобережной Украине русские нанесли туркам несколько чувствительных поражений, хотя и были вынуждены ввиду явного численного превосходства противника отойти за Днепр.

На московском престоле сейчас сидит старший сын Алексея Михайловича Федор Алексеевич, а царевна Софья, царевич Петр и Иван, а также прочие действующие лица драмы, что должна разразиться через десяток-другой лет, пока что исполняют в государственном театре роли статистов.

Зима 1679–1680 года выдалась малоснежная, и татары отправились в набег. Крымский хан Мурад-Гирей со сотысячным войском по Муравскому шляху двинулся на Белгород. Хан Мурад-Гирей распустил отдельные татарские отряды – «загоны» – по близлежащим окрестностям. Во время этого похода татары захватили в плен три тысячи четырнадцать человек. В числе их оказался и вологодский купец со своими чадами и домочадцами...

– Ступай, Иван Сорокин, сын Тимофеев, – сказал ему полковник, когда повествование закончилось, – а мы думать будем, что делать с тобой, грешным, и какую пользу ты еще сможешь нам принести.

– Павел Павлович, – сказал наш майор, когда купца увели, – кажется, мы здесь будем кстати.

– Хорошо, майор, – кивнул полковник Одинцов. – А что по этому вопросу думает наш консультант?

– Товарищ майор прав, – сказал я, – нашим надо помочь.

– Хорошо, тогда так и запишем, – ответил полковник и встал из-за стола, – я на пару дней отлучусь, а вы пока продолжите разведку вглубь. Только постарайтесь больше никого сюда не таскать. Хотя я перед отъездом еще раз переговорю с коллегой Кокоринцевой. После получения предварительных данных еще по двум площадкам точность ее предварительных расчетов должна значительно возрасти. На этом всё. Объявляю всем благодарность и, пожалуй, все-таки пару суток отдыха. До моего возвращения. А сейчас, коллеги, все свободны.

27 января 2017 года, 09:15. Санкт-Петербург. Купчино

Павел Павлович Одинцов

Все выше, и выше, и выше... Старенькая девятиэтажка с неработающим лифтом и лестничными площадками, пропахшими запахами кошачьего (и не только кошачьего) туалета. Вот уж не думал, что в славном граде Петра есть такие дома. Как назло, крайне нужный мне профессор Архангельский проживает на последнем этаже. Интересно, он улучшает свою физическую форму, бегая по лестницам туда-сюда, или уединился в своей раковине подобно отшельнику-анакорету? Я бы на его месте точно уединился, сил моих нет. А ведь считал, что нахожусь в превосходной физической форме. Говорят, что царских путей нет в математике, так вот, их нет и в девятиэтажке с поломанным лифтом – могу лично это подтвердить. Если тебе нужен человек, то будь любезен, лезь за ним лично на своих двоих на самый верх.

Среди своих коллег, да и по картотекам нашей конторы, профессор слыл безвредным чудачком, влюбленным в свой семнадцатый век. При этом он не поддерживал разговоров о политике, не подписывал фрондирующих писем и не ходил на марши протеста, а значит, не получал никаких западных грантов и жил, как говорится, на одну зарплату. Кроме того, его любимая эпоха царствования Алексея Михайловича до самого последнего момента не входила в круг государственных стратегических интересов, а значит, и его профессорская зарплата формировалась по остаточному принципу.

Фу, добрался! Выше только технический этаж, сиречь чердак. Лейтенант Соколов, на время прикомандированный ко мне с Литейного, быстро поднялся по лестнице и немного поколдовал с массивным ржавым висячим замком, запирающим лаз наверх. Береженого бог бережет, так что пусть лучше этот ход открывают с помощью болгарки или автогена. Еще трое ребят, включая водителя, ждут нас внизу в минивэне, отпугивая любопытных своими страшными номерами.

Звоним в дверь. Ну и противный же у него звонок, будто кошку в ведре топят. Зато громкий. Если уж пугающий меня сзади Леша Соколов подпрыгнул на месте как ужаленный от неожиданного вопля звонка, то хозяин уж наверняка его услышал.

Открыл нам дверь мужчина, что называется, неопределенного возраста, «от сорока до шестидесяти», и не поймешь, то ли это у него действительно «склон лет», то ли товарищ профессор просто себя запустил. Показываем удостоверения. Профессор предупрежден, поэтому впускает нас в квартиру без лишних вопросов.

Проходим и оглядываемся. Квартира большая, четырехкомнатная, но в

ней царит обычный творческий бардак. И никаких признаков женской руки. Ничего, подвернется случай, я его на крестьянке из его любимого семнадцатого века женю, она его научит родину любить. Ладно, шутки в сторону. Леша занял позицию в прихожей на пуфике, а мы с хозяином прошли в кабинет.

– Итак, господин Одинцов, – сказал хозяин, указывая на продавленное кресло, – я вас слушаю. Вчера мне позвонили из института и сказали, что вам нужна моя консультация. Ваше ведомство что, намечает присоединение допетровской Руси к нашему государству?

– Сергей Викентьевич, – сказал я, усевшись в кресло, – допетровскую Русь мы присоединять пока не собираемся. Но организации, которую я представляю, нужна ваша консультация по историческим событиям, происходившим на Руси и поблизости зимой 1679/80 годов. И еще, в организации, которую я представляю, недолюбливают слово «господин». Нам милее старомодное – «товарищ».

– Интересно, господин Одинцов, – кажется, задумавшийся над моим вопросом профессор не обратил внимания на мои последние слова, – тысяча шестьсот восьмидесятый год. Можно сказать, один из последних относительно спокойных годов перед смутой, которая и привела к жуткому и кровавому петровскому царствованию. Ну, что же, давайте посмотрим?!

Профессор Архангельский тем временем подошел к компьютеру и быстро-быстро защелкал клавиатурой.

– Итак, – начал он академическим тоном, – в эти благословенные времена на Москве правил юный царь Федор Алексеевич, второй из сыновей московского царя Алексея Михайловича. Благословенными эти времена являются по сравнению с последующей смутой междуцарствия и правлением царя Петра Алексеевича, когда, несмотря на серьезные территориальные приращения, сделанные путем завоеваний, население Московского царства значительно уменьшилось.

– Так вот, – продолжил профессор, – сей юный царь у нас незаслуженно забыт. Действительно, умер он довольно рано – в двадцатилетнем возрасте, а правил всего шесть лет. Но за столь короткое время сделал очень много. Его младший сводный брат Петр Алексеевич фактически продолжил то, что начал царь Федор. Личность юного монарха была многогранной. Он хорошо знал польский язык и латынь, увлекался музыкой и пением. Ну и, несмотря на свою молодость, обладал поистине государственным умом. Царь Федор Алексеевич сумел остановить продвижение на север могучей Османской империи, реформировал армию, да так, что она на четыре пятых стала регулярной. При нем провели общую

перепись населения, ввели единое налогообложение, да и сами налоги, кстати, трижды снижались. Был реформирован и госаппарат, воевод лишили «кормлений» и посадили на жалованье. При нем была введена единая система чинов в армии и среди дипломатов. И главное – ликвидировано местничество. Правда, разрядные книги торжественно будут сожжены лишь в 1682 году. Федор Алексеевич создал первое на Руси правительство – Расправную палату. Реформировал он и судебные органы. При нем, кстати, были запрещены членовредительские казни, которые потом возродил его младший братец.

– Я не очень скучно рассказываю? – неожиданно спросил профессор. – Наверное, вас интересуют походы, войны, сражения?

– Нет, – возразил я, – меня очень интересует все, что относится к этой эпохе. Продолжайте, Сергей Викентьевич.

– При царе Федоре Алексеевиче на его личные средства были построены богадельни для воинов-ветеранов, для больных и инвалидов. И вообще, в Москве был, как бы сейчас сказали, бум строительства – за шесть лет правления царя Федора возвели около десяти тысяч каменных зданий. Да, кстати, при его дворе впервые появилось европейское платье, но полы кафтанов никто не обрезал и бород не стриг. Никто не заставлял, как при царе Петре, напиваться допьяна и публично творить разные непотребства. Царь Федор Алексеевич предпочитал другие развлечения. При нем было создано независимое издательство при государственном финансировании, в котором печатали в основном светские книги.

Ну, а теперь про столь любимое вами военное дело. В русской армии появились ручные гранаты – едва ли не первые в европейских армиях – и стали унифицировать полевую артиллерию. Активно строились пограничные укрепления, отодвигая все дальше и дальше на юг Дикое поле. Достоинно сожаления то, что забыв о царе Федоре Алексеевиче, мы забыли и о тех славных победах русского оружия, которые были одержаны в годы его правления. В первую очередь, это так называемые Чигиринские походы. Но немного предыстории. От своего предшественника, Алексея Михайловича Тишайшего, царю Федору достался довольно странный договор с Австрией о взаимопомощи. Вена, в стиле своей обычной подлой политики воевать чужими руками, хотела втравить Россию в войну с Турцией, а сама остаться в стороне. Что, собственно, и произошло после смерти Алексея Михайловича. Польский король Ян Собеский, разбитый османами под Львовом, пошел на позорный мир, уступив Турции всю Украину. Австрия тоже вышла из войны, и Россия один на один осталась с Османской империей. Но полковник Косагов и думный дворянин Иван

Иванович Ржевский – не смейтесь, именно такая фамилия была у славного военачальника – выбили турок и примкнувших к ним казаков гетмана Дорошенко из Чигирина. А потом, в двух ожесточенных сражениях 1677 и 1678 годов, разбили турецкие армии, которые возглавлял опытный и жестокий военачальник Ибрагим-паша, по прозвищу Шайтан. Турки и союзные им татары понесли огромные потери. Правда, во время последнего похода Чигирин был разрушен почти до основания и оставлен русской армией. Но в полевом сражении турки были разбиты. Однако победой над османами воспользовались битые турками поляки. Зная о больших потерях, которые понесли царские рати, они стали угрожать России, требуя вернуть им левобережье Днепра. В общем, все это лишний раз подтверждает, что нам никогда не везло с союзниками.

– А что творилось на других рубежах тогдашней России? – поинтересовался я.

– В общем, ничего особенного, – ответил профессор. – На Яике и под Тобольском тамошние казаки вели непрекращающуюся войну с местными кочевыми племенами, которые совершали набеги на русские селения и кочевья союзных России степняков. На Дальнем Востоке маньчжуры готовились напасть на русские форпосты в тех краях – Нерчинск и Албазин.

– Вообще же, – с улыбкой сказал профессор Архангельский, – я могу рассказывать о тех временах до бесконечности. Интереснейшее было время, многообещающее. Жаль только, что царь Федор Алексеевич умер так рано. Если бы он прожил еще лет двадцать, то, возможно, история Россия пошла совсем бы другим путем. – Профессор вздохнул и добавил: – Как бы мне хотелось увидеть все это собственными глазами.

Я мысленно поставил профессору еще один плюстик и подумал, что профессора нужно брать, и брать тепленьким. Такой будет работать не за деньги, и не за страх, а за самую что ни на есть совесть. И идею. Итак...

– Сергей Викентьевич, – сказал я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал спокойно и официально, – сейчас я буду говорить, а вы будете слушать не перебивая. Договорились?

Несколько испуганный профессор утвердительно кивнул, и я продолжил:

– Профессор, скажите, вы патриот своей страны?

– Да, конечно, – удивленно ответил он, а потом спросил: – А какое это, собственно, имеет значение?

– Большое, – сказал я. – То, что я вам сейчас расскажу, с одной стороны, составляет государственную тайну Российской Федерации, а с

другой стороны, имеет непосредственное отношение к тому, что вы мне сейчас рассказали. Даете ли вы слово хранить в тайне все то, что вы сейчас от меня услышите? Да или нет?!

Профессор в ужасе прикрыл рот рукой:

– Вы создали, о боже...

– Без комментариев! – жестко оборвал его я. – Вы будете молчать? Да или нет?!

После некоторого колебания профессор, наконец, сдался.

– Да, буду! – твердо ответил он. – Итак, что у вас за тайна такая?

– Сергей Викентьевич! Слушайте! – я посмотрел на лицо профессора. На его лбу выступили капельки пота, а лицо покраснелось от волнения. – В рамках программы создания оружия на новых физических принципах, курируемый мной институт разработал аппарат, позволяющий осуществлять перемещения во времени. – После этих слов профессор, привставший было, чтобы лучше меня слушать, чуть не сел мимо стула. Но, слава богу, в последний момент удержался от падения на пол.

Выждав, пока он немного придет в себя, я продолжил:

– В настоящий момент у нас есть выходы в точки в историческом и доисторическом прошлом. Мы называем их «площадками». О них я вам сейчас расскажу. Полный список площадок, вы уж извините, я вам пока сообщать не буду. Но среди них есть одна, соответствующая седьмому февраля 1680 года. Если вы согласны сотрудничать с нами, то могу обещать вам место главного научного консультанта в соответствии с вашей специализацией и с возможностью повышения до научного руководителя соответствующей группы.

– Ну как, вы согласны? – спросил я у профессора, ставшего сейчас похожим на охотничью собаку, сделавшую стойку. – Если «да», то тогда ступайте со мной. Уже завтра вы сможете попасть туда, куда не ступала еще нога ни одного историка мира. Вы, как Гагарин, будете первым, кто увидит восьмилетнего царевича Петра, семилетнюю царевну Наталью, сможет лично облобызать ручку двадцатитрехлетней царевне Софье и поздороваться с государем всея Руси Федором Алексеевичем. Как вы правильно заметили, тогда еще ничего не было предрешено. А за свою нынешнюю работу вы не беспокойтесь. Согласно всем официальным документам вы будете числиться в длительной командировке.

Кажется, своим предложением я его убил и закопал. Профессор даже дышать перестал. Потом он лихорадочно облизал губы и кивнул.

– Да, товарищ Одинцов, я согласен... Что вас интересует в первую очередь?

«Эка его пробрало, – подумал я, – аж с “господина” на “товарища” перешел!»

Но вслух сказал совсем другое.

– В настоящий момент, в целях достижения полной стратегической внезапности, при подготовке военной операции государственного значения нас интересует возможность размещения в прошлом армейских тренировочных лагерей и секретных научных лабораторий. При этом мы должны вступить в дипломатические контакты с местными властями в Москве с целью ускоренной модернизации российского государства, по нашему мнению, готовому пойти по пути, альтернативному петровским реформам. В любом случае модернизация необходима, ибо если Россия ее не проведет, то ее ждет судьба Индии и Китая. То есть она станет колонией господ европейцев. Но при всем при том не хотелось бы платить за эту модернизацию такую дорогую цену, какую заплатила Россия при Петре Первом.

Профессор задумался, потом кивнул и сказал:

– Я согласен, господин Одинцов. Что дальше?

– Хорошо, – ответил я, – тогда собирайтесь, профессор. Нам нужно отправляться в путь.

– А как же все это? – он обвел руками стеллажи с книгами и журналами, массивный, явно допотопный компьютер, стопки лазерных дисков.

– Профессор, – строго сказал я, – вы правильно заметили, что мы идем на разведку. А разведчики обычно не обременяют себя лишними вещами. Вот посмотрим все на месте и там решим – где будет располагаться ваша штаб-квартира, в которую вы сможете перевезти все это добро и кое-что еще. Так что собирайтесь, – я посмотрел на часы, – самолет уже нас ждет.

28 января 2017 года, 10:45. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Присутствуют: Президент Российской Федерации В. В. Путин, куратор ГНКЦ «Позитрон» от Администрации Президента Павел Павлович Одинцов, главный консультант проекта «1680» профессор Сергей Викентьевич Архангельский

За окном мела не первая и не последняя в этом году метель, но в помещении было тепло, светло и тихо. Лишь иногда было чуть слышно жужжание кондиционера.

Президент еще раз просмотрел лежащие перед ним на столе бумаги и, подняв голову, посмотрел на полковника Одинцова.

– Итак, коллега Одинцов, – тихо сказал президент, – вы предлагаете сделать это время основной территорией для проведения операции обеспечения?

– Да, Владимир Владимирович, – так же тихо ответил Одинцов, – мы с профессором Архангельским считаем, что из всех имеющихся площадок, на этой имеется наивысшая концентрация богатств в руках таких государств, которые не вызывают симпатий у наших сограждан. Что турецкие султаны, что католические испанские величества – все они выглядят немногим лучше Гитлера и могут считаться вполне законной для нас добычей. Тот мир, лишившись этих суперхищников, лишь с облегчением вздохнет.

– Э-э-э, господин президент, – академическим тоном добавил Архангельский, – я много размышлял над механизмом образования тех сверхбогатств, которые были добыты Оттоманской Портой или же католической Испанией. Одним из условий образования подобного рода сокровищ является ограбление иноверных культовых сооружений. Например, все то золото и серебро, что на 1680 год находится в казне султанов, было когда-то изъято в виде предметов культа из христианских церквей. Испанцы, соответственно, в Новом Свете грабили культовые сооружения ацтеков и инков. Чуть позже Британия обогатится на грабеже сокровищ Индии и Китая. Такие моменты, когда в сокровищницах государства-хищника скапливается максимальное количество богатств, не так часты в истории. Потому что в тот момент, когда заканчивается территориальный рост этих государств, вслед за фазой накопления приходит фаза проедания богатств. Ведь весь их, с позволения сказать, государственный метаболизм настроен на ограбление покоренных территорий, а не на нормальное развитие. Когда новых территорий нет, то наступает коллапс. Уже через двести лет те же самые Испания и Турция станут не самыми богатыми, а, наоборот, самыми бедными государствами Европы.

– То есть вы предлагаете брать то, что дают? – сухо поинтересовался президент.

– Да, можно сказать и так, – кивнул профессор.

– Может, и так... – задумчиво сказал президент. Потом немного помолчал и добавил: – А вы, коллега, не задумывались о том, что если убрать турецкий противовес, то резко усилятся Австрия и Польша, а без сдерживающей роли Испании в рост быстро пойдут Франция и Англия. Все эти державы, за исключением Англии, ничуть не менее католические, чем Испания. И все они не менее враждебны России, чем Турция. Новый

крестовый поход против схизматиков на восток вы не исключаете? Зачитает римский папа буллу – и вперед! В первых рядах поляки, а за ними и все остальные. Ордой.

Путин сделал паузу, дав собеседникам поразмыслить над его словами, а потом произнес несколько изменившимся тоном:

– Получить в свое распоряжение турецкие и испанские богатства – это хорошо. Но вот как бы нам потом не пришлось вступать в войну ничуть не менее масштабную, чем Великая Отечественная? Операция должна быть спланирована с учетом модернизации тамошнего Российского государства, так, чтобы оно могло справляться с внешними угрозами при нашей минимальной поддержке. Это было бы правильно и с чисто человеческой точки зрения. Пусть они знают, что их победы – это только их победы. Не стоит лишать наших предков уверенности в своих силах, делая за них их же работу. Не ангольцы какие-нибудь, чай, и не эфиопы, русские же люди.

Павел Павлович Одинцов утвердительно кивнул.

– Владимир Владимирович, мы с Сергеем Викентьевичем все это прекрасно понимаем. А потому считаем возможным разбить операцию на несколько этапов, при безусловном продолжении разведки вглубь времен. В историческом периоде нам осталось не больше трех-четырех площадок, а дальше пойдет предыстория, разведывательные партии в которую надо будет снаряжать по несколько иному принципу. Но вернемся в 1680 год. Сергей Викентьевич?..

Профессор поправил очки и прокашлялся:

– Политическая связность Европы конца семнадцатого века сильно уступает не только современному уровню, но и временам Крестовых походов, когда папа римский действительно мог отправить на иноверцев несметные рати. Если же крестовый поход и будет объявлен в 1680 году, то ровным счетом ничего не произойдет. Англия и Франция находятся во враждебных отношениях с протестантской Голландией и католической Испанией. По этой же причине они помогают туркам, которым подчиняются алжирские и египетские пираты. Испанцы находятся в союзе с австрийцами. Там и тут Габсбурги. Этот союз воюет против Франции, Англии и Турции. Словом, на европейском континенте на данный момент полное равенство сил, и война всех против всех с переменным успехом. Активных соседей у России на данный момент трое. Это Турция, с вассальным ей Крымским ханством и ногайской ордой, Польша, точнее Речь Посполитая, и Швеция.

Начнем с последней. «Королевство шведов, вандалов и вендов» только что вышло из двух тяжелейших войн: шведско-датской и шведско-

бранденбургской. Сейчас там активно зализывают раны и осваивают захваченные территории. Король Карл Одиннадцатый решил придерживаться политики невступления в альянсы. Так что воевать Швеция, если ее не потревожить, пока не будет. До Турции и ее выпадения из мирового концерта сейчас шведам дела нет. Для повторного перехода к агрессивной политике необходима смена поколений, которая займет приблизительно пятнадцать-двадцать лет. Нынешние шведы устали от войн, которые с небольшими перерывами длились с самого начала семнадцатого века. При Густаве Втором Адольфе вместе с поляками шведы участвовали в интервенции в Россию в 1610–1617 годах. Потом, при нем же, помирившись с русскими, воевали с Польшей. Потом была Тридцатилетняя война. Потом, уже при Карле Десятом Густаве Швеция воевала с союзом Польши, России, Австрии, Дании и Бранденбурга. Потом были упомянутые уже мною войны Карла Одиннадцатого с Данией и Бранденбургом, закончившиеся аккурат накануне намечающихся у нас событий.

– Действительно, – кивнул президент, – многовато шведы воевали. Но, профессор, продолжайте...

– В Польше сейчас правит последний из успешных польских королей Ян Собеский. Но, несмотря на союз с Россией и Австрией, поляки уже потерпели от турок несколько тяжелых поражений и были вынуждены фактически полностью отказаться от суверенитета над Правобережной Украиной. Украинский гетман Дорошенко в настоящий момент считается подданным султана, а Украина – «украинским вилайетом». Летом 1774 года на Правобережной Украине был захвачен в плен известный в нашем времени подручный гетмана Дорошенко Иван Мазепа. Как он сам потом очутился в украинских гетманах – это вообще отдельная тема.

– Добрые мы, – буркнул Одинцов, бросив косой взгляд на президента, – покался в неразумии, поплакался крокодиловыми слезами, вот и простили.

– Наверное, – кивнул профессор Архангельский, как будто продолжая какой-то старый разговор, – я тоже считаю, что суть русского менталитета с тех времен совершенно не изменилась. Но вернемся к нашим баранам, простите, полякам. Для Польши связка Турции и Крымского ханства является попеременно то основным противником, то союзником в войнах против России. Например, с 1674 года шли непрерывные переговоры между русскими и поляками о заключении военного союза, направленного против Турции и крымских татар. Эти переговоры без всяких результатов продолжаются и до текущего для нас момента. Как удалось выяснить

русской разведке, при посредничестве крымского хана Ян Собесский одновременно начал договариваться с турецким султаном о союзе против московитов. Двучиность поляков подтвердили также и в Вене. Впрочем, и короля Яна можно понять. Он король выборный и вынужден считаться с интересами группировок магнатов, которые едва ли не могущественней самого короля. Если он выступит против них, то тут же лишится короны. Для австрийцев же турки – враг постоянный и непримиримый. В случае выпадения Турции из политической обоймы первые усилия польского короля, которые будут подталкивать магнаты, жаждущие вернуть власть над утерянными украинскими землями, будут направлены на восстановление своей власти над Украиной и воссозданием Речи Посполитой времен Ягайло в границах «от моря до моря». Именно там, на Украине, поляки и столкнутся с русскими, тоже желающими забрать под свою руку все православное наследство Киевской Руси.

Профессор перевел дух и внимательно посмотрел на президента.

– Теперь я, с вашего позволения, перейду к Московскому царству. Там уже действуют те факторы, которые позже приведут к петровским модернизациям. Москва явно не справляется с задачей проведения наступательной внешней политики. Местничество, боярский саботаж, срыв мобилизационных мероприятий, а также низкая боеспособность дворянского иррегулярного войска губительно влияют на внешнюю политику царства. Еще Алексей Михайлович, планируя войну с Польшей, рассчитывал занять всю территорию нынешних Белоруссии и Украины. Но вместо этого едва-едва смог удержаться на левой стороне Днепра. Стрелецкие полки, перестав быть регулярным войском, превратились в вооруженных посадских людей. Полки нового строя еще только-только формировались и не получили боевого опыта. Общая система управления государством, где чиновники жили «кормлениями», а не получали жалованья, тоже не способствовала эффективному руководству страной.

Царь Федор Алексеевич начал реформы, но на все про все судьба отведет ему только лишь шесть лет. За это время он успеет очертить лишь контуры будущего переустройства России, которым позднее займется его младший сводный брат. Что же касается петровских модернизаций, то я думаю, что сопротивление им в значительной степени обуславливалось асоциальным поведением самого Петра. Резать бороды, устраивать «Всеппянейшие соборы», где упившиеся до чертиков молокососы и иностранцы глумятся над православной верой, полная ломка устоявшихся народных традиций – это все не способствовало уважению к царю-реформатору. Модернизировать Россию, конечно, надо, но не такими же

средствами. Для того чтобы Московское царство могло самостоятельно справиться с польской угрозой, необходимо полностью изменить всю систему гражданского управления, отменить систему кормлений, а иррегулярное дворянское ополчение упразднить, вместо него закончить формирование «полков нового строя». Стрелецкое войско следует также упразднить – оно себя изжило. Параллельно, в связи с отменой ополчения, прекратить испомещать местных дворян, переводя их на оклад, а крестьян – в разряд государственных. Но все это надо делать не за один день, поскольку Москва тоже не сразу строилась. О конкретном же плане действий вам расскажет господин Одинцов, так как я в этом не силен.

– Значит так, Владимир Владимирович, – полковник Одинцов открыл большую красную папку, – первым этапом операции должен стать захват плацдарма в 1680 году. И этим плацдармом должен быть Крымский полуостров. Во-первых, эту почти изолированную территорию легко оборонять, а во-вторых, основные силы татар и турок сейчас ушли в набег и находятся в окрестностях Харькова. На этом этапе должна быть захвачена казна Гиреев, в настоящий момент хранящаяся в Бахчисарае. Этих средств должно хватить на финансирование второго и начала третьего этапа операции.

На втором этапе, с конца февраля по апрель 1680 года, нам придется оборонять Крым, с одной стороны от пытающихся вернуться домой татар Мурад-Гирея, а с другой стороны – от турок, стремящихся отбить султанский домен на южном берегу полуострова, в который входили бывшие генуэзские владения. Причем татары явятся к нам почти сразу. А вот турки задержатся на месяц или более, поскольку им необходимо время на сбор войск и приведение в порядок флота. В ходе этого же этапа операции мы должны будем вступить в контакт с правительством царя Федора Алексеевича. Для нанесения решительного поражения турецко-татарским армиям необходимо создать в Крыму 1680 года группировку из двух-трех мотострелковых бригад, одного штурмового и одного вертолетного полков, а также соединения малых ракетно-артиллерийских кораблей. Турецкие десанты проще утопить в море, чем сражаться с ними на берегу.

На третьем этапе операции, в мае-июне 1680 года, у нас планируется захват Стамбула с окрестностями и его полная очистка от всего ценного. Это, собственно, и есть основная часть операции обеспечения. Для этого нам надо будет создать установку, способную перебрасывать в прошлое не только танки или самолеты, но и морские суда, а также боевые корабли. На этом же этапе, скорее всего, в игру вступят поляки и австрийцы. Их усилия

будут направлены на добивание ослабевших турок, а отнюдь не против России. Нет никаких сомнений, что даже после потери Стамбула Османская империя не сдуется окончательно и, обладая значительными людскими резервами, еще будет способна на многое. Поэтому, в зависимости от сил, которые удастся привлечь, необходимо предусмотреть два варианта развития операции, с отходом после сбора ценностей и с удержанием Проливов за собой.

Зная турецкую манеру заваливать противника трупами, могу сказать, что бойня будет ужасной. Что, собственно, хорошо в смысле получения войсками определенной моральной закалки перед основными событиями в 1941 году. Также считаю возможным для третьего и последующего этапов привлечение сил и средств СССР из 1940 года и создание с товарищем Сталиным нечто вроде СП по эксплуатации прошлого. За ним людские ресурсы, за нами – техника и управленческий опыт.

Ну и, если удастся договориться с кубинскими, никарагуанскими или венесуэльскими коллегами, то одновременно с операциями на Босфоре считаю возможными операции четвертого этапа операции обеспечения, проводимые в Новом Свете против тогдашних колониальных держав. Золото, серебро и колониальные товары должны стать приятным дополнением к захваченным в Стамбуле ценностям. К этой операции можно будет привлечь как современных латиноамериканских товарищей, так и испанских эмигрантов-республиканцев из 1940 года, покинувших родину после победы генерала Франко.

Последний, пятый этап операции должен будет наступить уже после завершения плана «Гроза плюс» на побережье Атлантического океана. Его целью должны будут стать золотые запасы тогдашней Франции, Голландии, а главное – Испании и Португалии, после изъятия которых мы сможем окончательно рассчитаться по программе помощи СССР – 1940 года.

Одинцов посмотрел на президента, закрыл папку и добавил:

– Владимир Владимирович, разумеется, этот план у нас предварительный и нуждается в уточнении от этапа к этапу. Но тем не менее...

– Итак, как я понимаю, это всё? – спросил президент, придвигая к себе папку.

– Да, – подтвердил Одинцов, – у меня пока всё.

– Очень хорошо, – сказал президент, – так как время дорого, то примем за основу. Я поговорю с коллегой Шойгу, где чего и сколько можно выделить для первого этапа. Командовать операцией будет генерал армии Шаманов. Вас же я попрошу немедленно вернуться в Крым и, пока идет

сосредоточение сил, постараться проверить еще три-четыре этих, как вы их называете, площадки. Было бы глупо оставаться хотя бы в частичном неведении в отношении того, что именно ждет нас там. Вы согласны со мной, Павел Павлович?

– Так точно, Владимир Владимирович, – ответил Одинцов, – согласен.

– Ну, тогда идите, боярин. С Богом! – усмехнувшись, сказал президент и встал, тем самым показывая, что беседа окончена.

29 января 2017 года, полдень. Крымский федеральный округ, Севастополь, аэродром Кача

Павел Павлович Одинцов

Пока где-то в верхах крутятся шестеренки нашей бюрократической машины, подготавливающей «аншлюс» Крыма-1680, сегодня утром майор Слонов со своими головорезами сходил на шестую площадку. Вернулся он не один, а с компанией... Но лучше обо всем по порядку.

Осенью 1395 года по всему Крыму, называемому тогда Таврикой, словно лесной пожар распространялся страх и ужас. С севера по причерноморским степям на полуостров двигалась несметная армия непобедимого полководца Тимура ибн Тарагай Барласа, которого в европейских летописях именовали Тамерланом, а в среднеазиатских Тимур-Гурганом.

Об этом нам поведал пришедший вместе с майором и его людьми высокий седоволосый воин средних лет, назвавшийся Анастасом Маврикиосом. Его укрепленное поместье располагалось примерно в том же месте, где находилось современное село Орловка, и стояло на границе с ордынской частью полуострова. Будучи старшим дружинником, он состоял при Григории, старшем сыне Мангупского князя Стефана Васильевича Гавры.

Пришел Анастас Маврикиос сам, добровольно и без всяческого насилия, понукаемый лишь нуждой быть полезным своему господину и народу, дела которого были откровенно плохи. По его словам, он готов был отправиться даже в ад, разумеется, если Сатана пообещает князю Мангупскому свою помощь.

Разумеется, встретили мы его со всем возможным в полевых условиях уважением. Оставив своего коня и охрану на той стороне, Анастас Маврикиос шагнул сразу из XIV века в XXI век. Проходя порталом из сентября 1395 года в январь 2017-го, Анастас мимоходом перекрестился и помянул ледяной ад германцев Ниффельфайм, а также завернул еще кое-что, вроде как по-армянски. Кажется, именно этот переход из лета в зиму и

окончательно убедил его в том, что все серьезно дальше некуда. Майор рассказал, что сперва их там приняли за группу итальянских кондотьеров, прибывших в Таврику в поисках найма.

Выстроенные в ангаре в ряд елочкой БТРы сначала привели гостя в недоумение. Потом он постучал кончиками пальцев по броне и уважительно кивнул, поняв, что все это сделано из огромного по тем временам количества ценной высокосортной стали.

Общались с Анастасом разведчики сначала на смеси греческого и татарского, а потом перешли только на греческий. Язык был плохо понятен для обеих сторон, поскольку изменения за прошедшие полтысячи лет были весьма значительными. Перед проведением переговоров, пока наш гость профессиональным взглядом осматривал казарму, мне пришлось побеспокоить профессора Архангельского, оторвав его от важных научных дел. Хотя он и был узким специалистом по XVII веку, но и о конце шестнадцатого профессор знал куда больше любого из нас.

А время было интересное. Осколок древней Византийской империи, православное греко-гото-армянское княжество Феодоро, столицей которого считался ныне заброшенный город Мангуп, было зажато в горной части полуострова между татарами, кочующими в степной части Таврики, и генуэзскими колониями, контролирующими весь южный берег Крыма от Чембало-Балаклавы до Кафы-Феодосии.

Если с татарами отношения у феодоритов были относительно дружественными, то с генуэзцами княжество находилось в состоянии постоянного вооруженного перемирия, которое время от времени прерывалось короткими, но кровопролитными войнами. Генуя, получившая от возрожденной после захвата латинянами Византии торговую монополию в Таврике, вела активную экспансию в направлении южного берега. В 1266 году была основана Кафа-Феодосия, ставшая для генуэзцев опорным пунктом в Крыму. А в 1365 году они внезапным штурмом захватили Сугдейю – нынешний Судак, и восемнадцать селений, расположенных рядом с ним. Генуэзцы контролировали все побережье южного берега Крыма, от Боспора – Керчи, до Чембалы-Балаклавы и Сарсоны-Херсонеса. В руках феодоритов оставался только порт Каламит – нынешний Инкерман.

С Константинополем отношения у князя Мангупа были, мягко выражаясь, натянутыми, поскольку освободили столицу Византии от иноверцев правители Никеи, лежащей на берегу Мраморного моря, а княжество Феодоро считалось вассалом конкурирующего с Никеей Трапезунда. Таким образом, пока одни наследники Византии боролись с другими наследниками, и все вместе сражались с латинянами, бывшие

земли Византии постепенно захватывались турками-османами. К 1395 году не захваченных турками византийских земель осталось очень мало. А тут еще и нашествие Тимура. Православие на своих коренных землях вымирало, вытесняемое агрессивным исламом. Вот такой вот политико-религиозный винегрет.

Кстати, по нашим понятиям, несметной армию Тамерлана можно было считать лишь с большой натяжкой. Профессор Архангельский покопался в своих источниках и сказал, что по разным оценкам армия Железного Хромца могла составлять от сорока до пятидесяти тысяч конных воинов-гулямов, опытных профессионалов, искусных в войне, грабежах и насилии. Этого было вполне достаточно, чтобы огненной метлой пройти по степям, выжигая золотоордынские города, и оказалось крайне мало для того, чтобы среди лесов и болот сойтись в схватке с отрядами московского князя Василия Дмитриевича, уже объявившего сбор ополчения. Как гласит известная нам история, Тамерлан дошел до пограничного Ельца, взял его, разграбив окрестности, а потом, двадцать шестого августа 1395 года повернул на юг, в сторону Таврики.

Армия среднеазиатского владыки, обремененная обозом с награбленным и десятками тысяч пленных, медленно двигалась на юг в степях между Северским Донцом и Днепром. У Тимура в этом походе было две задачи: главная и вспомогательная. Главной он считал уничтожение экономической мощи Золотой Орды, разрушение находящихся на ее территории городов, прерывание путей караванной торговли. Именно после походов Тимура центр золотоордынской политики окончательно сместился в нетронутую им Казань. Крым, экономически оторванный от Евразии, вступил в альянс с османами, а причерноморские степи на долгие четыреста лет стали Диким полем. Великий Шелковый путь сместился и стал проходить по землям, принадлежавшим Тимуру.

Вспомогательная же задача Железного Хромца была – пополнить казну, чтобы иметь возможность регулярно платить жалованье своим многочисленным «контрактникам» – гулямам. Воины стабильно приносили Тимуру победы, а он им, в свою очередь, регулярно платил жалованье. Стоило это немалых денег. Такую финансовую нагрузку по тем временам не смогло бы выдержать ни одно государство мира. Поэтому самая лучшая, пожалуй, в настоящее время в мире профессиональная армия должна была все время ходить в походы и грабить, грабить, грабить...

И теперь обоз со всем добром, награбленным в Золотой Орде, со скоростью пешехода двигался в сторону Крыма. Как сказал профессор Архангельский, основные события должны развернуться зимой 1395/96

годов. Значит, месяца два – два с половиной у нас еще есть. Можно закончить первый и второй этапы в 1680 году, а потом переместить основное поле деятельности сюда.

Было бы неплохо впустить всю эту массовку за Перекоп, и там, в чистом поле, на ровной как стол степи порешить всех до единого артиллерией, мотопехотой и ударными вертолетами. Разбой, даже если он осуществляется в государственном масштабе, занятие наказуемое. Возможно, что нам удастся еще до Тамерлана разобраться с генуэзскими форпостами на южном берегу. Но это программа-максимум, и мы ее выполним лишь тогда, когда Стефан Мангупский подпишет с нами союзный договор, который я скорее бы назвал вассальным. Если он заупрямится, то на нет и суда нет. Тогда мы дадим Тимуру разгромить и феодоритов, и генуэзцев, и прихлопнем его уже на выходе с полуострова. Хотя очень бы не хотелось подобного исхода, я все же не Понтий Пилат, чтобы просто так взять и умыть руки.

И вот в мой закуток пригласили высокого человека, который изо всех сил старался не выдать своего потрясения всем увиденным. Ему предложили сесть на стул, стоявший напротив моего стола. Слева от него встал боец, выполняющий обязанности переводчика. По левую руку от меня с краю стола сидел профессор Архангельский, по правую руку – майор Слонов, а сверху, из-за спины, на нас бросал свой уверенный и немного насмешливый взгляд Владимир Владимирович. Под его портретом висела карта Российской Федерации, на которой хорошо был виден простор русского мира, от Калининграда и Крыма до Владивостока и Чукотки. Мизансцена, однако.

Именно карта в первый момент и привлекла внимание нашего гостя. По-моему, лишь тогда он, даже еще до конца не понимая, куда попал, пережил очередное жизненное потрясение. Крым и причерноморские окрестности на карте, несомненно, легко узнавались. Зато масштабы всего остального подавляли и без дополнительных объяснений.

– Уважаемый, – сказал я, – зная ваше тяжелое положение, я могу сказать вам, что мы в состоянии оградить ваши дома, сады и виноградники, ваше имущество и ваши семьи от ужасов нашествия войск Тимура...

Переводчик перевел сказанную мною фразу, после чего наш гость, немного подумав, не спеша ответил мне.

– Армия Темир-Аксака, – сказал он, – огромна и непобедима. До сих пор он громил всех, с кем встречался на поле боя. Почему ты думаешь, что сможешь разбить его железнобоких гулямов. Пусть у твоих воинов и хорошие доспехи, но я не видел у них ни быстрых коней, ни длинных

копий, ни острых мечей.

Когда переводчик закончил переводить сказанное нашим гостем, майор Слонов наклонился к моему уху.

– Павел Павлович, – сказал он, – у нас в бригаде сейчас на полигоне идут учения с боевыми стрельбами. Покажем товар лицом – пусть у товарищей будет меньше сомнений...

Я кивнул майору и сказал:

– Уважаемый, мы воюем совсем по-другому. Нашим воинам не нужны кони, копья и мечи. Приходи завтра на это же место с человеком, который сможет говорить от имени вашего князя, и тогда мы отвезем вас в то место, где тренируется наше войско, и покажем вам, на что мы способны, если кто-то захочет обидеть нас или наших вассалов.

Выслушав перевод, воин встал.

– Пусть будет так, как ты сказал, – ответил он, – Пусть меня вернут к порогу моего дома, и я пошлю весть в Мангуп. Завтра в то же время, на том же месте я буду вместе со старшим сыном князя Стефана Григорием. Если вы сумеете победить Тамерлана, тогда это будет означать, что именно вы, а не он, являетесь величайшими воителями вселенной.

– Так кто бы сомневался, – чуть слышно пробормотал Слонов, услышав перевод, – оформим клиента в лучшем виде.

Не обращая внимания на шепот майора, я тоже медленно поднялся на ноги.

– Иди и думай, – сказал я, – мы тоже пошлем весть в свою столицу, и от имени Высочайшего буду говорить я лично. Подумайте, что вы можете предложить за нашу помощь. Только будьте осторожны – наш владыка очень не любит тех, кто не выполняет подписанные с ним договоры. До встречи.

Анастас Маврикиос вышел, а у меня было еще много работы. Нужно было договориться с командующим флотом о том, чтобы завтрашние рутинные батальонные учения были превращены в самое настоящее военное шоу с применением артиллерии, танковым биатлоном и использованием ударных вертолетов. Вопрос, который мне придется решать, не является лишь политическим. И снятием пенки с тамерлановой добычи и имущества генуэзских колоний, я, как понимаю, не ограничится.

Есть тут замысел один, чтоб поступление ценностей стало регулярным. Накладные расходы в ходе операции ведь тоже надо оплачивать. Организуем торговлю и будем постепенно выкачивать золото из этого мира. Все золото. Нам оно нужнее.

16 сентября 1395 года от Рождества Христова (6815 года от сотворения мира), вечер. Таврика, Бельбекская долина, родовое укрепленное поместье семьи Гаврасов

Солнце мирно клонилось к закату. День был готов уступить свое место ночи, которая наступает так же неумолимо, как движутся на Таврику непобедимые полчища ужасного воителя Темир-Аксака. Каждый рассвет приближал тот момент, когда среди гор и речных долин запылают пожарища. Людям надо будет укрыться среди неприступных скал или умереть.

Григорий, старший сын Стефана Гавры, владетельного князя Мангупского, уже не один час нервно мерил комнату шагами. Он тяжело вздыхал. Все в этой жизни бrenно, и видно, этому старому дому, в котором почти два столетия рождались и жили, и умирали поколения его предков, тоже суждено исчезнуть в огне пожаров. Несмотря на добрые отношения, ничем не сможет помочь княжеству Мангупскому и Трапезундский император Мануил III из рода Комнинов. Земли Трапезунда сейчас представляли собой узкую полосу вдоль побережья Понта Эвксинского, и со всех сторон они окружены турецкими владениями. Спасения для малых сих нет в этом мире нигде.

А сегодня днем произошло и вовсе неслыханное. От старшего десятника Анастаса Маврикиоса, живущего на границе с ордынскими землями, прискакал посильный – взъерошенный беловолосый мальчишка-гот. Известие было ошеломляющим. Днем к ним в поместье заявили два десятка странных иноземцев, явно воинов. Только никто так и не понял, где их оружие. По крайней мере, они были уверены в своей безопасности и никого не боялись, хотя и вели себя вежливо, никого не задирая и не обижая. Видя, что чужаки не обнажают оружия, никому не угрожают и не представляют опасности, к ним вышел сам владелец усадьбы. Ему захотелось поговорить с людьми, пришедшими из чужих мест и повидавших мир. Один из пришельцев немного разговаривал по-гречески... На очень странным греческом, но тем не менее обитатели поместья его понимали. Говор других, по словам одного воина, совершавшего четыре года назад с караваном торговцев путешествие в далекий город Москов, был похож на говор обитателей этой далекой северной страны. Григорий не представлял себе, что бы могли делать воины Московского князя Василия Дмитриевича так далеко от своих земель.

Разговор, по словам мальчишки, был обычным, какой ведут чужаки, приходя на новое место. О погоде, о видах на урожай, о том, какой князь

правит в этих землях, плох ли он или хорош. Правда, старший чужак довольно настоятельно спрашивал о том, какой сейчас идет день, месяц и год. Мальчишка только и запомнил этот вопрос из-за его очевидной глупости. Понятно, что человек может заблудиться в горах или в лесу. Но совершенно непонятно, как кто-то может заблудиться во времени?

Услышав про приближение полчищ Темир-Аксака и о той страшной угрозе, какую они несут мирному населению Таврики, пришелец сразу же стал серьезен и предложил Анастасу Маврикиосу пройти с ним к их комиту, чтобы переговорить с ним о военном союзе против Железного Хромца. Сначала все подумали, что чужаки прибыли на кораблях, и где-то неподалеку разбит их лагерь. Но все оказалось куда страшнее. Когда мальчик и воины, сопровождавшие чужаков и старшего десятника Маврикиоса, пришли на место, которое лежало между двумя реками, земля перед ними разверзлась, и открылась дыра, из которой несло ледяной стужей и вырывались клубы морозного пара.

Старший десятник сказал воинам, чтобы они его ждали, и что он вернется даже из ада. Потом дыра захлопнулась, поглотив и его, и чужаков. А на том месте, где открылся вход в преисподнюю, не осталось никаких следов. Лишь трава пожухла от холода, и снег, покрывший землю, медленно таял на жарком крымском солнце.

Мальчишка давно уже ускакал назад, а сын и наследник князя Мангупа все думал о том – позволительно ли будет принять такую помощь, и что могут запросить за свои услуги выходцы из преисподней. Думал он и о том – стоит ли посылать гонца отцу в Мангуп прямо сейчас, или все же надо сначала дожждаться возвращения Анастаса Маврикиоса. Если, конечно, он когда-нибудь вернется, а не сгинет бесследно в пучинах ледяного ада.

Но не успело солнце склониться к горизонту, как на улице раздались истошные крики: «Едут! Едут!» Молодой князь вышел на опоясывающую дом веранду. Довольно-таки многочисленное население поместья побросало все свои дела и напряженно вглядывалось в горизонт. С севера, со стороны усадьбы Маврикиосов, в долину Бальбека на рысях скакали три всадника. Последние две стадии всадники, в одном из которых все узнали Анастаса Маврикиоса, пришпорили коней и пустили их во весь опор.

Под приветственные крики работников и домочадцев семейства Гаврасов все трое влетели в распахнутые ворота усадьбы и остановились прямо перед крыльцом господского дома. Несмотря на свой уже довольно почтенный возраст, старший десятник Маврикиос ловко соскочил с коня и вразвалку направился к молодому князю, предварительно сунув поводья обалдевшему от такой чести юному помощнику конюха. Со всех сторон на

него смотрели, как на пришельца с того света. Некоторые его крестили и взволнованно повторяли:

– Вернулся, он вернулся из самого ада! Наш Анастас снова с нами.

А Григорий достал четки, которые привезли ему из Афона, и стал перебирать их, читая молитву:

– «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его все ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй беси силою на тебе пропятого Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу дьявола, и даровавшего нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякого супостата».

Те же из домашних поместья Гавро, которые внимательно взглянули в лицо Маврикиоса, не могли не заметить печать печали и отстраненности, что легла на чело старого воина. Он будто хранил в себе великую тайну, которая должна перевернуть жизнь всех окружающих.

– Мой господин, – негромко сказал Анастас Маврикиос, склонив голову перед Григорием, – то, что я увидел, одновременно и ужасает, и обнадеживает. Но только тебе и твоему отцу решать – стоит ли платить за нее ту цену, которую предложили эти странные люди. Выслушай же меня наедине, чтобы потом все, слово в слово сообщить твоему почтенному отцу.

– Да будет так, Анастас, – так же негромко ответил Григорий Гаврас, – пойдем со мной в дом, где ты расскажешь мне все с глазу на глаз.

Повернувшись к собравшемуся вокруг народу, молодой князь поднял вверх руку. Наступила тишина.

– Люди, – сказал Гаврас, – уважаемый Маврикиос привез нам добрую весть. А сейчас возвращайтесь побыстрее к своим делам, ибо их много, а солнце еще не село. Успокойтесь и работайте. Все будет хорошо.

Маленькая комната, используемая молодым князем в качестве кабинета, была вся заставлена ящиками со свитками папируса и шкафами с пергаментными фолиантами.

– Рассказывай! – сказал Григорий, после того как за ним и Анастасом Маврикиосом закрылась толстая дубовая дверь.

– Мой господин, – ответил старший десятник, – я побывал там, где еще не был ни один из ныне живущих на земле.

– Я знаю, – сказал Григорий, – мне уже доложили про дыру в ледяной ад, в которую ты отправился с гостями из преисподней.

– Это не совсем ад, – ответил Анастас Маврикиос, – точнее, совсем не ад, хотя мне тоже сперва так показалось. Но, мой господин, позволь мне рассказать все по порядку?

– Дозволяю, – сказал Григорий, – я весь во внимании.

– Хорошо, мой господин, – склонил голову старший десятник, – слушай. Сегодня, когда солнце еще не показывало полдень, к моей усадьбе с татарской территории, со стороны речки Ка-чы подошли два десятка странно одетых воинов. То, что это были именно воины, у меня не было никаких сомнений – мирные обыватели или купцы никогда не ведут себя так дисциплинированно и уверенно. Так как никто из них не обнажил оружия и не вел себя угрожающе, я счел разумным попробовать поговорить с ними и узнать, не хотят ли они поступить на службу к нашему князю.

– Ты поступил совершенно правильно, – кивнул Григорий Гаврас, – пусть казна нашего отца и небогата, но сейчас каждый воин на счету, и считать надобно воинов, а не деньги. Впрочем, все это мы уже знаем от твоего юного посланца. Рассказывай дальше.

– Хорошо, мой господин, – ответил Анастас Маврикиос, – слушай дальше. Никто в моей усадьбе не знал языка, на котором между собой разговаривали чужаки. Но, мой господин, я бывал с твоим отцом и дядей в далекой стране Москов, и язык моих гостей показался мне похожим на тот, на котором говорят тамошние жители. Как мне кажется, я даже немного понимал их речь, но сделал вид, что мне их язык совершенно незнаком. А разговаривал я с ними через толмача, чей эллинский тоже, впрочем, был мне с трудом понятен.

– И снова ты поступил правильно, – сказал молодой князь, – впрочем, об этом нам уже было известно. Мы не знали, пожалуй, лишь то, что ты мог понимать их язык. Продолжай...

– Слушаюсь, мой господин. Так вот, когда я предложил их старшему наняться в войско нашего князя, тот ответил, что за плату они не служат. Но едва лишь разговор зашел о приближении войск Тимур-Аксака, то он предложил нам стать союзниками. Они предложили мне пройти до их лагеря, расположенного неподалеку, и переговорить с начальствующим над ними лицом.

– И ты согласился? – спросил Григорий.

– Да, мой господин, – ответил Анастас Маврикиос, – я согласился. Все они были пеши, и я решил, что их лагерь не может располагаться далеко. Я думал, что они с корабля, который пристал в устье Ка-чы набрать пресной воды и дать людям размять ноги. Идти было действительно недалеко, три с половиной или четыре мили. При этом шагали чужаки довольно sporo, не

отставая от идущих быстрым шагом лошадей. Только никакого лагеря на том месте, куда мы пришли, не было. А был переход в другое место, или если тебе будет так угодно, то в другое время.

– Почему ты говоришь о другом времени? – удивился Григорий Гаврас. – И разве можно путешествовать по времени вверх-вниз, словно лодочник по реке? Твой рассказ становится похож на сказку...

– Мой господин, – склонил голову Анастас Маврикиос, – ты можешь верить мне, а можешь не верить. Но место, в которое я попал, действительно было почти тем же самым, что и у нас. Или ты думаешь, что я не узнаю того места, в котором родился и вырос? Теми же самыми остались горы, море и реки. Только вот вся земля, на которой не стояли дома, была распахана до последнего клочка. Пусть даже и зимой, но я отличу пашню от луга или дикой пустоши. Несколько больших сел были видны прямо с того места, где мы находились. Были видны вымощенные камнем дороги и быстро движущиеся повозки, которые двигались чудесным образом сами по себе.

Я видел у людей из другого времени много диковинных и чудесных вещей. Но самым главным чудом была висящая на стене кабинета комита мапа, на которой было изображено все их царство, многократно превосходящее Рим в период его расцвета. Мой господин, от имени их владыки нам было предложено подумать над тем, что мы можем им предложить за то, чтобы армия Темир-Аксака не подошла к границе нашего княжества.

Завтра, в то время, когда солнце будет только подходить к зениту, посланцы комита Павла будут ждать нашего ответа на том же месте, где я переходил в их время. Если тебе будет угодно, то ты сможешь пойти со мной и увидеть, как учатся сражаться их воины, которым не нужны ни быстрые кони, ни крепкие луки, ни длинные копья, ни острые мечи.

Анастас Маврикиос закончил свою речь. Григорий Гаврас задумался и несколько минут сидел неподвижно. Тишина в комнате повисла тяжелым ватным одеялом.

Неожиданно Григорий прервал свое молчание и заговорил:

– Значит, ты предлагаешь нам с отцом довериться людям, пришедшим неведомо откуда и обладающим могуществом, которое трудно даже представить? А если они сами захотят забрать наши пастбища, поля и виноградники. Ведь, как ты говоришь, у них там распахан каждый клочок земли?

– Мой господин, – ответил Анастас Маврикиос, – скажи, ведь если они действительно такие могущественные, то что или кто может им помешать

забрать все это, не подписывая с нами никаких договоров? Договор подписывают с тем, кого берут под защиту. А если кто-то намеревается грабить, то он просто грабит. И потом, разве у нас есть выбор? Мы можем погибнуть под саблями свирепых гулямов Тимур-Аксака.

Комит Павел, как я понял, суровый человек. И если мы откажемся от предложенного им союза, то он лишь дождетсЯ, когда враг разграбит нашу землю, а потом уже возьмет свое. В его глазах я прочел, что азиатские полчища Железного Хромца, движущиеся на Таврику, уже обречены. И только от нас зависит – будем ли мы в стане победителя или погибнем на пороге своих жилищ. Слушая разговоры воинов комита Павла, я понял, что их архонт Владимир всегда держит свое слово и не любит тех, кто склонен к обману. Самое ценное в том, что тамошние люди не ведали, что понимаю их язык, и говорили, что хотели, а не то, что говорят в присутствии чужаков.

Григорий вздохнул.

– Хорошо, ты сказал, и я услышал. К моему отцу немедленно будет послан гонец. И если на то будет его воля, как воля Господа нашего Иисуса Христа, то я непременно поеду с тобой к тому месту, где откроются ворота в другой мир. Ступай и жди меня завтра утром в своей усадьбе. Обо всем сказанном здесь – никому ни слова. Все, иди, и да хранит тебя Господь.

29 января 2017 года, 17:40. Российская Федерация, Крымский федеральный округ, Симферополь, аэропорт Гвардейское

Павел Павлович Одинцов

Что наша жизнь? Одна нога здесь, другая там, а потом снова здесь. Ать-два! Решив на месте все свои дела с завтрашними показательными учениями 126-й бригады береговой обороны из Перевального на полигоне «Опук», я успел в аэропорт Симферополя к последнему сегодня рейсу на Москву. Командование базы одолжило мне «уазик» с водителем, который мигом домчал меня до Гвардейского чуть ли не к самому трапу самолета.

Вопрос, который сегодня встал передо мной во весь рост, просто так с кондачка не решается. Такие вещи, как заключение союзов и подписание договоров, выходят за рамки моей компетенции и в обязательном порядке должны быть согласованы с высшим начальством. Хорошо хоть МИД пока не имеет к нашим секретам никакого отношения. Но скоро и эта лафа может закончиться. Владимир Владимирович предупрежден и ждет, а у меня есть два с половиной часа покемарить в салоне «Суперджета» Российских авиалиний. В Домодедово меня должны встречать при всем параде для дальнейшей передачи по команде. Посовещаюсь с президентом

и рано утром, в 05.30 обратный рейс в Крым. Должен успеть.

Кстати, что касается учений бригады, то тут это дело вполне обычное. Части постоянной боеготовности необходимо постоянно поддерживать в тонусе. Поэтому никого не удивит, что их однажды утром внезапно поднимут по тревоге. Прибудут гости на смотрины – покажем все в лучшем виде. Не прибудут – бригада проведет учения в интересах повышения боевого мастерства и улучшения боеготовности.

Только вот на ту сторону брать 126-ю бригаду береговой обороны нельзя. Вместе с 810-й отдельной бригадой морской пехоты и 8-м отдельным артиллерийским полком она составляет костяк сил, обеспечивающих безопасность полуострова. Тут нужны «варяги», причем с таким расчетом, чтобы и использовать их в деле, и на их базе организовать учебные центры по подготовке Экспедиционного корпуса и частей РККА.

Вообще-то это отдельный разговор, хотя если посидеть и покрутить, то все операции на всех площадках прекрасно можно увязать в одну единую систему, в рамках которой разгром гитлеровской Германии будет лишь вишенкой на торте. Одна операция должна кормить другую, и привлекать к ним надо не только костяк частей постоянной готовности, но и обучающийся состав Экспедиционного корпуса и частей РККА.

А ведь в историческом периоде есть еще две необследованные площадки – середина IX и II веков нашей эры. Там тоже могут быть весьма интересные моменты. С этими мыслями я постарался поудобнее устроиться в кресле и задремать под мерный гул турбин. Эх, нет нам покоя ни ночью, ни днем...

29 января 2017 года, 22:35. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Павел Павлович Одинцов

Президент аккуратно сложил стопочкой прочитанные им бумаги и некоторое время молча смотрел куда-то поверх моей головы.

– Гм, насколько я понимаю, – наконец сказал он, – ваш план предусматривает превращение «Крыма-1395» в вассала Российской Федерации и использование для его защиты части сил, выделенных для обороны аннексированного у татар «Крыма-1680»?

– Именно так, Владимир Владимирович, – ответил я, – только вместо термина вассал я предпочитаю использовать «младший партнер».

– Смысла это все равно не меняет, – отмахнулся президент, – в любом случае планируется не разовая акция, а долговременная операция со всеми вытекающими из этого факта стратегическими и политическими

последствиями.

Начнем с того, что я поддерживаю вашу идею о превращении «Крыма-1395» в нашу укрепленную торговую факторию, через которую мы могли бы менять наш ширпотреб на их драгметаллы. Тут играют свою роль и нахождение Крыма на перекрестке тогдашних торговых путей, и дружески настроенное к нам местное население, и возможность оборонять эту территорию незначительными силами. План разумный, и приведение всей территории Крыма под единую власть династии Гаврасов мы с вами можем обсудить позже, так сказать, в рабочем порядке.

Ни генуэзцы на южном берегу, ни хазары с татарами в степной части полуострова у нас никаких положительных эмоций не вызывают. С этим все понятно. Персоны нон грата должны быть удалены. Все будет сделано вежливо, без ненужной жестокости. Но все должны понимать – кто в доме хозяин. Несогласных – милости прошу – кого за Перекоп в степь, кого в родную Италию. Возможно даже, что можно будет провести всю операцию в 1395 году, не привлекая дополнительных сил, в паузе между второй и третьей частями вашего плана для 1680 года. Все это понятно, и вопросы могут быть решены в рабочем порядке.

Но...

Тут президент хрустнул пальцами и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Павел Павлович, меня удивляет ваше недопонимание той внешнеполитической ситуации, которая сложилась в 1395 году за пределами Крымского полуострова. В пояснительной записке вашего профессора Архангельского все достаточно ясно и четко описано. Основные «игроки» в окрестностях Крыма – это Золотая Орда, государство Тамерлана, держава турок-османов и обломки разгромленной турками Византии.

– Вот, смотрите, – президент раскрыл папку и нашел нужную бумагу, – Золотая Орда идет к своему закономерному распаду, разгром Мамай на Куликовом поле и поражение, нанесенное в 1391 году Тамерланом войскам Тохтамыша при Кондурче, подкосили ее силы. Государство Тамерлана эфемерно, и подобно державе Александра Македонского, своим существованием завязано не на историческую традицию, а на конкретную личность. И потому после смерти Тамерлана ее распад становится неизбежным. Держава турок-османов, напротив, находится на самом своем подъеме и проживет еще как минимум полтысячелетия. В 1389 году султан Мурат Первый громит на Косовом поле войска сербского государя Лазаря. Кстати, интересно, что сербы через какие-то тринадцать лет окажутся в

войске султана Баязета при Анкаре и будут яростно сражаться с войском Тимура. А ведь среди них наверняка были участники сражения на Косовом поле. Парадокс...

Но вернемся к нарождающейся Османской империи. Турецкая держава своим экономическим базисом имеет грабеж, а существует и побеждает за счет энергии людей, сменивших веру на карьеру. Такой человеческий материал имеется у османов в избытке. Вспомним, из кого формировался корпус янычар – гвардии султанов. Причем турецкое войско было достаточно сильным, что подтвердил разгром в 1396 году при Никополе равного им по численности и прекрасно вооруженного и обученного войска крестоносцев. Большая часть европейских рыцарей была уничтожена. Пал и возглавлявший крестовый поход против турок король Венгрии Сигизмунд. Три сотни герцогов, графов и баронов попали в плен. Ну, а простых пленных воинов турки безжалостно прикончили. Кстати, и здесь решающий вклад в победу турок внесли сербы под командованием Стефана Лазаревича, сына правителя Сербии, казненного турками после сражения на Косовом поле. Однако удивительный народ сербы... Вот тут ваш профессор пишет, что гулямы Тимура разгромили в 1402 году турок при Анкаре. Именно это поражение почти на полсотни лет задержало турецкую экспансию и продлило существование остатков Византии, о которых мы сейчас и говорить не будем.

– Итак, Павел Павлович, – президент побарабанил пальцами по столу, – в случае, если вы выбьете из игры Тимура, вместе с его армией, то его держава тут же исчезнет с карты мира, поскольку сыновья и внуки тут же начнут в междоусобных войнах делить его наследство. Зато замедлится распад Золотой Орды и усилятся турки. Конечно, случится это не сразу, и скорее всего, мы там справимся с возникшими осложнениями. Но зачем нам это надо? Пускать Тимура в Крым совершенно не стоит. Но я уверен, что Железный Хромец вполне вменяемый политик. Он может изменить свои планы под угрозой неизбежного уничтожения, и, оставив в покое Крым, направится воевать с турками. К тому же добыча, которую он рассчитывает найти в Крыму, не так уж и велика, чтобы стоило из-за нее рисковать войском и жизнью самого правителя Мавераннахра. К тому же торговать Тимур умеет ничуть не хуже, чем воевать, а значит – нет никакого смысла в его полном уничтожении.

Если я не ошибаюсь, то часть территории нынешнего Дагестана – примерно в районе Дербента – некогда находилась в пределах державы Тимура, и мы можем договориться с ним об организации пункта приграничной торговли. Да и вообще, живой и действующий Тимур, при

правильном его употреблении, нам куда интереснее, чем мертвый. Но только при правильном. Коварства Тамерлану тоже было не занимать, и в случае обострения ситуации возможны разные варианты. Тщательно обдумайте этот момент и доложите отдельно свои соображения о том, какими именно средствами мы можем гарантировать себя от неприятных сюрпризов с его стороны.

Президент отодвинул от себя папки с бумагами и вздохнул.

– Ну вот, об этом вроде всё. Можете считать, что мною санкционировано заключение договора с княжеством Феодоро, по смыслу аналогичного соглашения с Южной Осетией и Абхазией. Остальное же проработаем в рабочем порядке. И не увлекайтесь там, помните, что наша основная цель находится все же в двадцатом веке. И чем глубже вы погружаетесь в прошлое, тем ниже уровень местной экономики и слабее финансовые потоки. Надеюсь, это-то вам понятно?

– Так точно, Владимир Владимирович, – кивнул я в ответ, – понятно. В случае каких-то неожиданных изменений я немедленно поставлю вас в известность.

– Вот и хорошо, – вздохнул президент и достал из ящика стола тоненькую синюю папку-файл. – Теперь, раз уж вы здесь, поговорим по поводу Экспедиционного корпуса. Решение принято. Основой для его развертывания будет 41-я армия, дислоцированная сейчас в Новосибирской области. Сегодня утром входящим в нее частям объявили внезапную проверку боеготовности и начали погрузку личного состава и техники в эшелоны. Через пять дней передовые ее части должны уже выгружаться в Симферополь. Армией это соединение только называется, поскольку по численности тянет едва-едва на мотострелковую дивизию мирного времени. Довооружать и доукомплектовывать ее мы будем уже на месте, в ходе развертывания подготовки к основной операции. Генерал Шаманов сдает дела и второго февраля утром должен быть уже у вас. До этого времени вы должны завершить все свои мероприятия по разведке этих ваших исторических площадок и иметь четкое представление о том, где, когда и какие именно силы мы должны будем задействовать для того чтобы наши операции на всех уровнях работали на одну цель. Правильное планирование, коллега Одинцов, – это залог успеха.

**30 января 2017 года, 10:25. Крымский федеральный округ.
Севастополь. Аэродром Кача**

Павел Павлович Одинцов

Из Домодедово я вылетел первым же рейсом в пять тридцать утра.

Спать пришлось опять в самолете. Этак, глядишь, я скоро превращусь в летающего бомжа, вроде того англичанина, что два года только и делал, что пересаживался с рейса на рейс. Зато почти ровно в восемь ноль-ноль самолет приземлился в аэропорту Симферополя, а уже к девяти я был снова в Каче.

Тут жизнь кипела и была ключом. Вся команда была уже на ногах, портал в 1395 год был открыт, на той стороне был выставлен как открытый пост, так и несколько секретов. Готовились к встрече интересного гостя и по эту сторону времени. Хорошо хоть не пытались белить снег и ограничились красной ковровой дорожкой, а также вторым взводом из роты майора Слонова, который должен был выстроиться вдоль этой дорожки в полной боевой экипировке.

В качестве транспорта для доставки гостей на полигон был приготовлен УАЗ «Хантер», оборудованный звуконепроницаемой перегородкой, отделяющей места водителя и старшего машины от пассажирского салона. В качестве почетного эскорта вместе с нами должны были пойти два БТРа из роты майора Слонова. Они и для шика, и для подмоги, если паркетник «Хантер» не справится с дорогами на полигоне. Хоть погода стоит ясная и морозная, и распутицы нет, все же чем черт не шутит. А вдруг?

Короче, все было готово к приезду гостей. Хозяева тоже были начеку. С той стороны передали, что секреты наблюдают на дороге группу из примерно десятка всадников, а значит, до прибытия сюда остается около получаса...

Десяток – это хорошо. Для силовой акции совершенно недостаточно, а вот для сопровождения важной персоны вполне соответствует.

И вот как раз в этот момент, когда я, расставив по карманам разные мелочи, покинул свой кабинет, прямо навстречу мне попались два голубка: Ольга Кокоринцева и профессор Архангельский. Идут, увлеченно воркуя, голова к голове. Чуть с ног не сбили. Что касается их отношений, то, как метко выразился командир второго взвода старший лейтенант Тимур Шаимарданов: «Она его уматерила». Ничего, зато теперь профессор хоть отдаленно стал похожим на человека – гладко выбритый, подстриженный и причесанный.

– Здравствуйте, Павел Павлович, – смущенно сказал профессор, – извините, у вас найдется немного времени?

– Немного найдется, – ответил я, поглядывая на часы, – только давайте экстрактно, покороче.

– У нас вот какое дело, – профессор протянул мне лист бумаги. – Ольга

Валерьевна уточнила расчет времени по двум следующим площадкам...

– Ну и?.. – немного раздраженно сказал я. – В чем собственно проблема?

– Э-э-э, – смущенно сказал профессор, – видите ли, Павел Павлович, весь вопрос в той площадке, которая у вас расположена в десятом веке. Ольга Валерьевна уточнила возможный разброс дат. Получился интервал между 933 и 944 годом. Дело в том, что я вам сейчас и без разведки расскажу о том, что там творится в это время, ибо исторические персонажи на протяжении этого периода оставались стабильными...

Я снова посмотрел на часы и сказал:

– Извините, профессор, но сейчас у меня совершенно нет времени. У нас с минуты на минуту на подходе князь Гаврас. Изложите, пожалуйста, свои соображения в письменном виде и приходите завтра, а еще лучше послезавтра. Извините, но сейчас для нас все эти разговоры совершенно не актуальны. До свидания, Сергей Викентьевич.

Оставив растерянного профессора в казарме, я быстрым шагом вышел на улицу и, на ходу застегивая бушлат, направился в сторону ангара, где к нам вот-вот должна была заявиться дипломатическая миссия княжества Феодоро из XIV века.

Профессора я потом выслушаю. Но надо очень хорошо продумать – вообще, стоит ли включать X век в общую схему? Или пусть все идет, как идет. Нам пока и двух площадок для работы хватит за глаза и за уши.

По дороге к ангару я встретил спешащего навстречу майора Слонова. Гости были уже на подходе. Я глубоко вздохнул и шагнул в ангар. Ну, с Богом.

10:45, там же

Вот и наступил он, тот долгожданный момент, когда на территорию Российской Федерации ступила нога первого иновременного посла. Ружья на караул, морда ящиком, для полноты картины не хватает только трапа самолета и парадной формы на бойцах. Судя по всему, к нам действительно пожаловал старший сын князя Стефана, в одном лице одновременно и посол, и доверенное лицо. Молодой еще парень, с коротко стриженной по византийской моде бородой. Побрей его, одень в современную одежду – и на улице Москвы или Питера вы второй раз на него и не обернетесь. Чай, не негр какой. Хотя в последнее время уже и на негров люди совершенно перестали обращать внимание.

Молодой князь разумно учел итоги предыдущего визита к нам своего подчиненного и заранее подготовился к переходу из поздней осени в зиму.

На нем было надето что-то вроде крытого коричнево-зеленым сукном полушубка – короткого, примерно до середины бедра. И мех на подбое был не бараний, а с самого короля гор – снежного барса. Сейчас в каком-нибудь бутике такая шубейка стоила бы немеренные тыщи, да не рублями, а все той же проклятой зеленью.

Молодой князь с невозмутимым видом, как будто делал это каждый день, в сопровождении нашего старого знакомого Анастаса Маврикиоса, прошелся вдоль строя по красной дорожке. Мы с майором и переводчиком стояли в конце строя, у самого выхода из ангара. Дойдя до нас, гости остановились.

– Князь Григорий Мангупский, сын и соправитель князя Стефана Мангупского, – торжественно, словно распорядитель на светском приеме, возгласил Анастас Маврикиос, представляя нас друг другу. – Комес Павел Одинцофф и старший сотник Сергей Слонофф.

Моя догадка оказалась абсолютно правильной, кого старый солдат обещал привести сюда на переговоры, того и привел. Тем временем князь несколько неуклюже – наверное, сказывалось отсутствие привычки – сначала пожал руку мне, потом майору Слонову. Все же старший сотник по местным понятиям чин довольно высокий. Весь мобилизационный потенциал княжества составлял две-три тысячи бойцов, и только неприступные горные рубежи позволяли феодоритам держаться дольше всех прочих осколков Византийской империи.

– Желаю вам здравствовать, комес Павел, – перевел переводчик слова Григория. – Вот я пришел, как вы просили. Где мы будем смотреть на умения ваших воинов?

– Прошу вас следовать за мной, – сказал я, – экипаж для поездки уже подан.

– Хорошо, – сказал Григорий, – идемте же скорее, – мой отец с нетерпением ждет сообщения от меня.

Прямо у выхода из ангара, в конце ковровой дорожки урчал мотором и попыхивал дымком из выхлопной трубы уже прогретый и готовый к поездке УАЗ «Хантер». Водитель сидел в кабине, а за сопровождающего с нами поедет майор Слонов.

– Это и есть та самая повозка, которой не нужны лошади? – с интересом спросил Григорий Гаврас. – Десятник Маврикиос много рассказывал мне о ваших чудесах.

– Да, – ответил я, – это та самая повозка.

Григорий оглянулся по сторонам.

– И самое большое чудо, комес Павел, это то, что это действительно то

же самое место, которое мы покинули совсем недавно. Те же самые горы и то же самое море. Наверное, теперь я и в самом деле поверю, что вы пришли к нам не из другого места, а из другого времени.

– Да, это действительно другое время, – сказал я, но тут мой голос заглушил грохот чуда, о котором Анастас Маврикиос никак не мог рассказать своему начальству, ибо во время его визита полетов на аэродроме не было. По ВПП, распахнув крылья во всем своем ужасном великолепии, с воем и грохотом турбин шел на взлет «Бекфайр» – Ту-22 МЗ. Подобное зрелище способно впечатлить даже такого толстокожего персонажа, как ваш покорный слуга. А что уж тут говорить про выходцев из конца XIV века, которых, кажется, пробрало до самого нутра. Но честное слово, я ничего такого не планировал. Очевидно, командование, в связи с проводящимися учениями, решило напомнить «соседям» о том, насколько они смертны.

– Комес Павел, – спросил Григорий Гаврас, немного оправившись от шока и глядя вслед тающей в небе точке, – что это было? Неужто у вас на службе огнедышащие драконы, подобные тому, которого мы только что видели?

– Это не дракон, – ответил я, сделав серьезное лицо, – это рукотворная машина, созданная человеком для полетов в небе. Страшна же эта машина только нашим врагам.

– Вы собираетесь применять подобное оружие против Темир-Аксака? – с интересом спросил Григорий.

– Нет, – сказал я, открывая дверцу машины, – применять у вас такое оружие это все равно, что точить боевым мечом палочку для ковыряния в зубах. Для ваших условий есть машины и попроще. Но прошу вас, уважаемый, нам пора ехать, а поговорить об этом мы можем в дороге.

Гостей мы разместили на заднем сиденье, я же с переводчиком сел вперед, майор Слонов занял место старшего машины. Едва мы расселись по местам, водитель нажал на газ, и машина, набирая скорость, поехала в сторону КПП. Когда мы проезжали мимо самолетных стоянок, где, накрытые брезентовыми чехлами, стояли «тушки», губы молодого князя невольно шевельнулись. Весьма впечатляющее, надо сказать, зрелище – дремлющей в ожидании приказа воплощенной мощи нашей страны. Именно в такие моменты особо четко понимаешь, что русский – это звучит гордо.

На КПП дежурный лишь мельком бросил взгляд на номера нашей машины, майора Слонова, закрепленный на лобовом стекле пропуск-«вездеход» и махнул рукой дневальному, разрешая открывать

ворота. После того как мы выехали на почти пустынную в это время года трассу, водитель прибавил скорость, и вокруг УАЗа напряженно завыл вдруг ставший таким густым воздух. Ах, как мы летели – как вихрь, как метеор, как молния... И Григорий Гаврас, и Анастас Маврикиос напряженно смотрели на мелькающие за окном пейзажи, очевидно разглядывая свои родные места. Села, сады, поля, виноградники, снова села, снова сады. Крым – это весьма густонаселенная и процветающая часть России.

Наконец Григорий Гаврас оторвался от созерцания крымских пейзажей и спросил:

– Скажите, комит Павел, если это, конечно, не секрет. Сколько людей проживает в вашей Таврике?

– Примерно два с половиной миллиона, – не задумываясь ответил я.

Услышав перевод моих слов, Гаврас и Маврикиос переглянулись и дальше молчали всю дорогу. Очевидно, этот ответ, не осознаваемый разумом XIV века, отбил у князя желание задавать вопросы и про общую численность населения, и про состав армии. Ответы все равно покажутся настолько невероятными, что убедиться в их реальности можно, только увидев все своими глазами. Именно для этого они сейчас и ехали на полигон, где у нас все уже было готово к образцово-показательным учениям с боевыми стрельбами.

30 января 2017 года, 14:25. Крымский федеральный округ. Полигон Опук

Павел Павлович Одинцов

Доехали до полигона мы довольно быстро, всего часа за три. Я специально попросил проложить маршрут не через Бахчисарай, Симферополь и Старый Крым, а через Инкерман, Севастополь, Балаклаву и дальше, вдоль Южного берега. Было видно, что зрелище стоящего на якорях флота в очередной раз впечатлило молодого князя Григория.

Дело в том, что в конце XIV века в Европе еще не появились первые действительно мореходные суда: каракки и каравеллы. Их время начнется только через несколько десятков лет, когда турки добьют Византию и установят свою гегемонию в восточном Средиземноморье. Вместе с этим закатятся звезды господствующих на внутреннем Средиземном море Генуи и Венеции и взойдет солнце новых игроков: Португалии, Испании, Англии и Голландии, вышедших в океан. Пока же всего этого не случилось, и тогдашние флоты состоят только из близких и дальних родственников галер, плавающих по большей части вблизи берега. А для таких мелких

судов Северная бухта – это как мышонку постель для слона.

Кстати, никаких поселений на месте Севастополя в конце XIV века пока еще нет. Ближайшие населенные пункты, это: принадлежащий княжеству Феодоро порт Каламита-Инкерман и генуэзские поселения Сарсона-Херсонес и Чембало-Балаклава. Надо будет подумать о включении в Договор с княжеством Феодоро отдельного положения об экстерриториальном анклав РФ на ее территории, включающем территорию нынешнего Севастополя. Если Феодоро получит обратно в свое распоряжение весь южный берег, начиная от Балаклав, то севастопольские бухты им будут без особой надобности. А нам в этом времени все равно понадобится и военная база, и пункт приграничной торговли. Но этот разговор я решил отложить до завершения показательных выступлений. Так будет надежней.

Другой вопрос – стоит ли развивать в этом времени современное судостроение? Относительно современное, конечно, деревянные и парусные суда от пятидесяти до ста пятидесяти тонн грузоподъемности. Но все равно они на две головы будут превосходить все, что есть в этом времени. С одной стороны, все, кому надо, и так к нам приплывут. Еще и отбиваться придется от слишком назойливых – тех же генуэзцев. Эти синьоры-помидоры непременно захотят вернуть незаконно, по их мнению, отнятую у них торговую монополию. Знаем мы этих европейцев – пока оглоблей поперек рыла не перетянешь, они не успокоятся. Своего леса в Крыму считай что нет, а везти материал придется то ли с тогдашней Руси, то ли вообще из XXI века. Подумать стоит два, а то и три раза.

Кстати, а чем они тут таким торгуют, что Генуя так отчаянно бьется за свои торговые привилегии и держит тут полтора десятка баз и торговых факторий? Осторожно задаю вопрос молодому Гаврасу. Получаю несколько уклончивый ответ – дескать, торгуют разным товаром. Есть и китайский шелк с фарфором, и соболиные меха из Биармии и Руси. Московские же купцы привозят крепкое льняное полотно и не менее крепкие пеньковые веревки, так необходимые тем, кто отправляется в путешествие за море. Обратно из Европы везут дорогую стеклянную посуду, итальянское оружие и доспехи, считающиеся самыми лучшими в мире, а также золото и серебро. Бывает, приплывают отряды наемников, желающие послужить тому, кто больше заплатит. Именно за таких наемников сперва приняли феодориты бойцов майора Слонова.

Бывает ведь так, что из Европы прибывают любознательные путешественники, католические миссионеры и просто шпионы. Причем иногда различить, кто есть кто, просто невозможно. Путешественники и

миссионеры часто шпионят, а шпионы пытаются обратить дикарей в католическую веру. Правда, особых успехов папские посланцы пока не достигли, но капля и камень точит.

Только сейчас торговли нет, купцы, узнав о приближении Темир-Аксака, собирают товар и тихо линяют на родину. Путешественники с миссионерами тоже куда-то потерялись, а шпионы, как им и положено, тихо ушли в подполье. Только вот феодоритам и возглавляющим их Гаврасам уходить некуда. Живут они тут испокон веков и надеяться могут только на неприступность своих гор, куда не рискуют соваться ни генуэзцы, ни татары с хазарами.

Но у нового «Потрясателя Вселенной» много воинов. К тому же он яростный мусульманский фанатик и ненавидит всех, кого считает «неверными». Уйдет Темир-Аксак восвояси, и снова все начнется сначала. Выстоят феодориты или нет – они еще не знают. Как говорят старики – на том месте, где была пролита кровь, потом трава вырастает в два раза гуще. Наверное, у них вся надежда теперь только на нашу помощь, пришельцев из будущего.

Почти всю дорогу все задумчиво молчали. Оживился Григорий Гаврас, только когда мы, немного не доезжая полигона, нагнали хвост колонны той самой бригады береговой обороны из Перевального. Тяжелые Т-72 шли вперед, сотрясая землю, ревя дизелями. Казалось, что нет такой преграды, которую они не сумеют смести с лица земли богатырским ударом своей брони. Сорок танков разом – это внушительное зрелище даже для наших современников. От этой мощи не укрыться за стенами средневековых городов, нет от нее спасения и на ровной и гладкой, как стол, степи. Лишь только в складках горной местности можно попытаться спрятаться, укрыться, переждать грозу. Но на этот случай есть мотопехота и боевые вертолеты, взаимодействие которых с танками и между собой мы, конечно, гостю тоже покажем. Что называется – товар лицом.

На полигоне нас уже поджидали командующий флотом с чинами штаба и командир бригады, которой предстояло показать все, что умеют его подчиненные. Еще с километр по раздолбанной грунтовке, и мы подъехали к наблюдательной вышке, с которой нам предстояло наблюдать за учениями. Здесь же, под вышкой, уже был накрыт походный стол. Без разносолов, лишь самое простое и питательное. Колбаса, ветчина, сало, черный и белый хлеб, уже нарезанный машинкой аккуратными ломтиками, сыр, горячий черный чай в термосе и неременная водочка «для сугрева». Водочка «по писят грамм, не пьянства ради, а только пользы для».

Короче, чем богаты. Забегая вперед, скажу, что кулинарная тема имела

продолжение. Когда закончилась стрельба и пляски, мы поехали на позиции одного из мотострелковых батальонов, где как раз раздавали запоздалый обед, где и «сняли пробу» с наваристого борща, гречневой каши с мясом, запив все крепким чаем. Товарищам Гаврасу и Маврикиосу показали полевую кухню в действии и объяснили, что пока солдат воюет и марширует – обед варится. Остановились, сделали привал, поели, помыли тару, пошли дальше.

Вы спросите, почему обед запоздалый? А потому, что еще со времен Великой Отечественной войны известно, что старшина привозит еду завсегда после боя. И бегать с полным брюхом в атаку стремно, и выжившим больше достанется. Но это я уже увлекся...

Впрочем, вернемся к нашим баранам. Поднялись мы на вышку... Командующий флотом, его зам по береговой обороне, командир бригады, ну и ваш покорный слуга, а также гости из XIV века. Наверху хозяева полигона дали Григорию Гаврасу и Анастасу Маврикосу по биноклю и показали, как ими пользоваться. Затем командир бригады, естественно, через переводчика, объяснил гостям – где именно расположены «наши», а где укрепился «противник». Потом взлетела красная ракета, и все понеслось по полной программе.

Сначала позиции противника обработали «Грады» и ствольная артиллерия. Восемнадцать РСЗО, бьющие полными пакетами, – это страшное зрелище. Тяжелое уханье «Акаций» на этом фоне как-то потерялось. Потом на размототые и раскуроченные позиции «противника», в полном соответствии с боевыми уставами, пошли в атаку танки и мотопехота, поддержанные с воздуха боевыми вертолетами.

Гаврас уже был впечатлен по самое «не могу», но и это был еще не конец. Мы спустились с вышки, сели в машины и поехали на площадку для танкового биатлона, по пути завернув к мотострелкам перекусить. Танкисты тоже не ударили в грязь лицом, показав, что пушки у них не для красоты.

В принципе, глава делегации, как я уже говорил, был уже впечатлен по полной. Смотреть нужно было на куда более опытного в военном деле старшего десятника Маврикиоса. А тот, похоже, уже прикидывал – как гусеницы танков будут давить плотную генуэзскую фалангу, а залпы «Градов» превращать в фарш несметные орды Темир-Аксака.

Потом два Т-72 показали танковый балет – настоящее произведение военного искусства. Тяжелые сорокадвухтонные машины кружились в вальсе, сходились и расходились, кланялись друг другу стволами орудий. Мне кажется, что это было уже лишним. Но все равно мастерство

механиков-водителей впечатляет. А ведь всего три года назад бойцы этой бригады, тогда входившей в состав Вооруженных сил Украины, не умели вообще ничего. Их техника даже не заводилась и, по факту, считалась обыкновенным металлоломом. И вот такой прогресс в подготовке, которому изрядно поспособствовали капитально модернизированные Т-72, САУ и «Грады», новенькие БМП-3, машины управления и радиоэлектронной борьбы, а также постоянные занятия и учения на всех уровнях от отдельного отделения до всей бригады. Ни минуты праздности – враг не дремлет.

Ну, и «на сладкое» разведчики бригады показали групповой штурм укрепленной позиции с рукопашным боем. Потом гостям продемонстрировали АК-74М и дали пострелять по мишеням. Кстати, автомат особого удивления не вызвал. То ли после всего увиденного ручное оружие уже не впечатляло, то ли потому, что функционально похожие на него самострелы-арбалеты довольно широко использовались в местном военном обиходе. Крайне мощное и убойное оружие, вытесненное только первыми фитильными ружьями.

Итак, полные впечатлений гости направились в обратный путь, на этот раз, разнообразия ради, через Старый Крым, Симферополь, Бахчисарай... По дороге мы с Григорием коротко и по-деловому набросали общие контуры будущего договора, в котором Российская Федерация брала на себя обязательство по возвращению княжеству Феодоро незаконно отторгнутых генуэзцами территорий, передаче под контроль князя остальной части Крыма, не входившей в византийскую фему Климаты, а также гарантировала обеспечение безопасности на всей территории полуострова.

Взамен правитель княжества Феодоро должен был согласовывать с Российской Федерацией свои внешнеполитические решения, разрешить беспшлинный ввоз на свою территорию российских товаров, и после изгнания генуэзцев передать в бессрочное экстерриториальное владение окрестности современного Севастополя, включая Сарсону-Херсонес и Каламиту-Инкерман. Военная добыча делится пропорционально участию в сражении союзников. При этом один мотострелок равен трем ополченцам княжества, миномет – пятидесяти, БМП, БТР, легкой самоходки – ста, танк, тяжелая самоходка, ударный вертолет – эквивалентен двум сотням воинов Феодоро. Короче, победитель получает всё. Буде феодориты побьют кого-то самостоятельно, то все достанется только им.

Все остальное решили обговорить после того, как Григорий обсудит наши предложения со своим отцом. На том пока и поставили точку.

10 февраля 2017 года, 10:25. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Присутствуют: Президент Российской Федерации В. В. Путин, представитель Администрации Президента при ГНКЦ «Позитрон» П. П. Одинцов, министр обороны С. К. Шойгу, командующий Экспедиционным корпусом генерал-полковник В. А. Шаманов

Аналитическая группа: капитан СВР А. П. Князев и полковник ГРУ В. С. Омелин

Президент вошел в комнату для совещаний своей обычной бодрой походкой.

– Ну-с, коллеги, – сказал он, располагаясь во главе стола, – кто первый?

Ответом ему была тишина, никто не рвался докладывать первым. Путин взглядом обвел присутствующих и остановился на полковнике Одинцове.

– Тогда сделаем так, – сказал он, – если добровольцев среди вас нет, то начнем с самого начала. Павел Павлович, пожалуйста, кратенько доложите нам о состоянии дел во вверенной вам епархии.

– Значит так, товарищи, – сказал полковник Одинцов, раскрывая свою папку, – на настоящий момент точно локализованы площадки, расположенные в 1844, 1680, 1395, 936 и 175 годах нашей эры. На всех этих площадках была проведена пешая войсковая разведка, захват «языков» или опрос местного населения. Перспективными для проведения операции обеспечения признаны площадки 1680 и 1395 годов. При этом с местными крымскими властями в 1395 году, именуемыми княжеством Феодоро, установлен дипломатический контакт и с санкции руководства страны подписан Договор о дружбе и сотрудничестве.

С целью недопущения распыления усилий, площадки 1844, 936 и 175 годов решено оставить в резерве для дальнейшего проведения операций малой интенсивности. Проведена разведка и локализация астрономическим методом площадок, расположенных между началом нашей эры и завершением ледникового периода. Никаких признаков местной цивилизации на площадках 975, 3035, 6419 и 11977 годов до нашей эры не выявлено и с местным населением исследовательские группы в контакт не вступали. На площадке 6419 года полуостров Крым покрыт широколиственными лесами, а на площадке 11977 года Крым – остров, уровень Черного моря примерно на тридцать метров выше, чем в наши дни, и вода в нем пресная.

Вчера утром нашей мобильной установке не хватило мощности для того, чтобы протолкнуть исследовательскую аппаратуру на площадку, лежащую предположительно на уровне в двадцать – двадцать пять тысяч лет назад. Там холодно и идет снег. Предположительно – это время последнего ледникового максимума. Кроме того, подготовлена, смонтирована и опробована полустационарная установка для работы в Кремле и еще два мобильных портала на выезд. У меня всё.

– Очень хорошо, коллега Одинцов, – сказал президент, – действительно, коротко и по существу. Теперь давайте перейдем к операции обеспечения.

– План операции обеспечения сейчас дорабатывается с учетом данных, поступающих непосредственно с указанных площадок, – ответил полковник Одинцов и посмотрел на генерала Шаманова. – Владимир Анатольевич может доложить вам об этом более конкретно.

– Кхм, – сказал Шаманов, – войска бывшей 41-й армии прибыли в район проведения операции в 1680 году и сосредоточены в исходных районах.

32-я отдельная мотострелковая бригада, имеющая на вооружении 41 танк Т-72, 130 БТР-80, 18 установок РСЗО «Град», 36 САУ 2С3 «Акация», и 12 орудий ПТО МТ-12 «Рапира», временно дислоцирована в Бахчисарае, в резервном казарменном фонде, предназначенном для войск, перебрасываемых в Крым в случае осложнения обстановки. Боевая техника исправна и на ходу, подготовка личного состава хорошая.

35-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, имеющая на вооружении 41 танк Т-72, 130 БМП-1, 18 установок РСЗО «Град», 36 САУ 2С3 «Акация», 12 орудий ПТО МТ-12 «Рапира», выгружена и временно дислоцирована в окрестностях Таганрога.

74-я отдельная гвардейская мотострелковая бригада, имеющая на вооружении 41 танк Т-72, 130 БТР-80, 18 установок РСЗО «Град», 36 САУ 2С3 «Акация», 12 орудий ПТО МТ-12 «Рапира», выгружена и временно дислоцирована в окрестностях города Каменск-Шахтинск.

Все части сосредоточены на исходных позициях, имеют полную заправку горючим, боекомплект и готовы к выполнению задания. Нужен только приказ.

По плану операции обеспечения 1680 года, 32-я бригада зачищает от противника Крым, а 35-я и 74-я – правый берег Дона и Северского Донца, обеспечивая условия для дальнейшего развертывания тренировочных лагерей. По плану операции крымско-татарские и ногайские кочевья должны быть вытеснены на правобережье Днепра или левобережье Дона.

Границы операции определяются по нижнему течению Днепра до впадения в него реки Самара, по самой реке Самара, далее по Северскому Донцу и нижнему течению Дона. Линия соприкосновения с Московским царством того времени должна пролегать по рекам Самара и Северский Донец.

В связи с имеющимися у нас новыми техническими возможностями, есть предложение не использовать при штурме укрепленных пунктов артиллерию, а вводить боевые подразделения непосредственно внутрь вражеских укреплений, что приведет к минимизации разрушений и случайных жертв среди мирного населения.

Не принимающие участия в операции обеспечения части ракетно-артиллерийского усиления: 119-я ракетная бригада, 232-я реактивная артиллерийская бригада, 120-я гвардейская артиллерийская бригада, 61-я зенитно-ракетная бригада, 35-я бригада управления, перебрасываемые в последнюю очередь, в настоящий момент находятся в пути следования или на разгрузке в окрестностях Ростова-на-Дону.

Все указанные части планируется использовать исключительно в ходе операции «Гроза плюс». Но перед этим они нуждаются в переформировании, перевооружении или пополнении техникой. В ходе подготовки к основной операции считаю необходимым: Первое – перевооружить 119-ю ракетную бригаду на установки «Искандер-К». Второе – довести численность установок РСЗО «Ураган» в 232-й реактивной артиллерийской бригаде до 48 единиц. Третье – доукомплектовать 120-ю гвардейскую артиллерийскую бригаду ствольными орудиями большой мощности, в составе трех дивизионов орудий «Мста-Б» и САУ «Мста-С» и одного дивизиона САУ «Пион», предварительно выделив из ее состава отдельную ракетно-артиллерийскую бригаду ПТО, укомплектованную орудиями ПТО МТ-12 «Рапира» и самоходными ПУ «Штурм-С».

– Хорошо, Владимир Анатольевич, – кивнул президент, – начало операции обеспечения я санкционирую. Начинайте с Богом, только уж постарайтесь без эксцессов. Если возникнут сложности с вытеснением, то обращайтесь в МЧС. В случае необходимости они помогут вам организовать лагеря для перемещенных лиц.

– Так точно, товарищ президент, – кивнул Шаманов, – сделаем.

Путин обвел присутствующих внимательным взглядом.

– Теперь, коллеги, – сказал он, – давайте вернемся к нашей главной теме. Хотелось бы услышать анализ о состоянии Красной Армии в предвоенный период. Никакой пропаганды – только сухие цифры и факты.

– Владимир Владимирович, – кивнул министр обороны, – о состоянии

Красной Армии в предвоенный период и степени ее готовности к войне вам доложит полковник ГРУ Омелин.

Полковник разложил перед собой бумаги и поднял взгляд на президента. Получив разрешение, он начал свой доклад.

– С одной стороны, – сказал он, – в предвоенный период много было сделано для усиления армии. Именно в течение 1938/39 годов были спроектированы, а в 1940/41 годах запущены в серию танки Т-34 и КВ, самолеты МиГ-1, ЛаГГ-1, Як-1, Пе-2, Ил-2, Су-2. Также можно считать злонамеренной ложью измышления Резуна-Суворова об уничтожении в предвоенный период укрепрайонов, выстроенных вдоль старой советско-польской границы.

На этом положительные моменты заканчиваются и начинаются отрицательные. Причиной быстрого прорыва старой линии укреплений стало то, что, как ни печально, эти фортификационные сооружения с началом войны оказались не занятыми войсками. По какому-то странному, необъяснимому совпадению, с началом войны второй стратегический эшелон Красной Армии не занял укрепрайоны на «линии Сталина», а двинулся пешим порядком (транспорт и конский состав так и не удалось мобилизовать вовремя) навстречу немецким танкам. Это, кстати, не единственная странность, требующая оценки не с точки зрения военных специалистов, а со стороны сотрудников государственной безопасности. Без войск так называемого полевого заполнения, а попросту говоря, обычной пехоты, гарнизоны советских дотов становились легкой добычей немецких штурмовых групп – саперов и огнеметчиков. Кроме того, есть сведения, правда непроверенные, о применении вермахтом отравляющих веществ при прорыве УРов.

Новая техника, массово поступающая в войска перед самой войной, к ее началу еще не была освоена личным составом танковых и авиационных частей. Управление 25-тонным Т-34 или 40-тонным КВ довольно сильно отличалось от управления 11-тонным БТ-5 или 8-тонным Т-26, что затрудняло освоение техники личным составом и увеличивало аварийность, чего любой командир части боялся как огня. Привыкшие на легкой технике рвать с места на третьей передаче, механики-водители, как спички, жгли фрикционы. Не лучше было и с техническим обслуживанием новой техники с дизельными двигателями. Был случай, когда в одной танковой части запороли двигатели на целой роте новеньких тридцатьчетверок только из-за того, что техники по ошибке заправили их не соляром, а бензином. Кроме того, новая техника была еще откровенно несовершенной, можно сказать «сырой», с низким ресурсом и

надежностью. Но основной ахиллесовой пятой РККА был ее командный состав мирного времени, особенно часть высшего генералитета. Конфигурация размещения войск в предвоенный период не годилась не только для отражения внезапного удара вермахта, но также была непригодна для нанесения первого удара по Третьему рейху, в чем Сталина обвинял все тот же Резун-Суворов. Такое впечатление, что товарищи генералы так и не поняли, что на той стороне границы им противостоит уже не армия панской Польши, образца двадцатого года, а германский вермахт образца года сорок первого. Не увидеть признаки подготовки немецких войск к агрессии мог только слепой военачальник... Ну, или глухой, который совершенно не слышит, или же не хочет слышать, донесений своей разведки.

В результате на всем протяжении советско-германской границы от Львовского выступа до Балтийского побережья вермахт имел более чем двукратное превосходство над Первым стратегическим эшелоном РККА. На будущем направлении действия немецких танковых групп это превосходство было доведено до десятикратного, а за счет того, что советские войска в приграничной полосе были еще и растянуты в глубину, то 22 июня 1941 года очень часто было так, что рота РККА противостояла наступающей на этом участке дивизии вермахта. Таким образом, противник получил решающее локальное преимущество на направлениях главного удара и возможность разгромить приграничные соединения Красной Армии по частям.

Отдельно надо остановиться на действиях мехкорпусов Красной Армии на начальном этапе войны. И суть тут даже не в устаревшей или несовершенной технике. Суть в том, что с первого же дня с этими соединениями началась непонятная для профессионала чехарда. Из состава соединений выдергивались не только дивизии или полки, но даже отдельные батальоны и роты. Приказы и директивы Ставки и в предвоенный период и на начальном этапе войны выполнялись командующими округами, а потом и фронтами с точностью до наоборот.

Например, после директивы от 18 июня о приведении войск приграничных округов в повышенную боеготовность, в Прибалтийском округе с самолетов-истребителей сняли вооружение, разрядили патронные ленты, в стрелковых частях оставили на руках у бойцов по десять патронов на винтовку, а в артиллерийских частях – по двенадцать снарядов на орудие.

В Западном военном округе до войск не были доведены ни директива от 18 июня, ни знаменитая директива от 21 июня. И виновником этого было

не НКВД. Входящие в состав этой структуры пограничники были готовы к немецкой агрессии и имели приказ своего наркома с 20 по 23 июня включительно личному составу ночевать не в казармах, а в оборудованных еще в мае 1941 года окопах и блиндажах. По большей части потери материальной части в автобронетанковых и авиационных частях РККА были небоевыми и могли бы проходить по статье «техника, оставленная врагу по причине технических неисправностей и отсутствия горюче-смазочных материалов».

Целые авиадивизии и механизированные корпуса «выходили из-под удара» маневром на 500–600 километров в направлении собственного тыла. Например, таким маневром на Юго-западном фронте отметился 4-й мехкорпус под командованием небезызвестного генерала Власова.

А на Западном фронте, «маневром в глубину» «вышла из-под удара противника» 10-я смешанная авиадивизия полковника Белова. По отчетам немецких очевидцев, большую часть «уничтоженных на земле» самолетов этой дивизии они обнаружили на аэродромах во вполне ремонтпригодном состоянии. Да что там дивизии и корпуса: на Юго-западном фронте командармы Музыченко и Понеделин «вывели из-под удара» прямым Уманский котел целых две армии, 6-ю и 12-ю.

В то же время другие части РККА сражались буквально за каждую пядь земли, отходя с боем с рубежа на рубеж. Только благодаря их жертвенному мужеству, вермахт вышел к Москве не к концу августа, а к концу октября, и «блицкриг» потерпел крах. – Полковник положил на стол перед Путиным пухлую папку, битком набитую бумагами. – Товарищ президент, вот тут собранные мною данные, подтверждающие тезисы моего доклада.

– В рядах РККА, – продолжил Одинцов, – необходимо навести элементарный порядок, попутно избавляясь от разгильдяев и прямых предателей. Пусть мне теперь никто не рассказывает про кровавые репрессии в армии, ибо таким людям нет и не будет прощения, а нанесенный ими урон оказался непоправимым. Засим я передаю слово капитану Князеву, ибо дальнейшее – это его епархия, а мне, простите, дальше лучше заниматься немецкими «камрадами» – привычнее, да и вообще, можно в средствах не церемониться.

– Спасибо за информацию, Вячеслав Сергеевич, – кивнул президент, – мы учтем ваше пожелание. – Слушаю вас, Александр Павлович?

– Вот здесь, – капитан Князев пододвинул к президенту стопку сколотых степлером листов бумаги, – тут, так сказать, «черный список» всех старших командиров РККА, попавших под подозрение в

государственной измене, преступной некомпетентности и вопиющей халатности, начиная от наркома обороны Тимошенко, начальника ГАУ маршала Кулика, командующих округами Кузнецова, Павлова, Кирпоноса, командующего Черноморским флотом адмирала Октябрьского, замминистра авиационной промышленности Яковлева и вплоть до уровня командующих стрелковых и механизированных корпусов. Дальнейшую работу необходимо проводить уже на месте, так сказать, плечом к плечу с местными кадрами.

– Вот еще что, – капитан Князев, положил на стол перед Путиным еще одну стопку бумаги, – тут перечень советских командиров, как прославленных и известных, так и безвременно погибших или попавших в плен в первые месяцы войны, на которых можно реально опереться при отражении агрессии фашистской Германии. Как говорится – всем сестрам по серьгам.

Президент обвел взглядом всех присутствующих.

– Коллеги, еще раз один и самый важный вопрос. Сможет ли СССР справиться с фашистской Германией, если наша помощь сведется к военнотехническому сотрудничеству и информационной поддержке, без прямого военного вмешательства?

– Нет, – сразу ответил полковник Омелин, – даже если устранить из командного состава всех трусов и изменников, то армия, не имеющая боевого опыта, а самое главное, уверенности в своих силах, обязательно потерпит поражение в приграничном сражении и отступит как минимум на рубеж Днепра и Западной Двины. Если взять и просто вооружить советские мехкорпуса образца 1941 года танками Т-72, то даже их они оставят на поле боя из-за отсутствия топлива и боеприпасов. Все будет так же, как в нашем прошлом они оставляли новенькие Т-34 и КВ. Потом, конечно, набравшись боевого опыта и уверенности в себе, Красная Армия пойдет вперед, но в любом случае без нашего непосредственного вмешательства ожидаемая продолжительность войны составит примерно два года, а безвозвратные потери около десяти-пятнадцати миллионов человек.

– Товарищ президент, я согласен с полковником Омелиным, – добавил капитан Князев, – если рядом будет кто-то, кто скажет: «делай, как я, и мы их порвем», то моральный настрой в частях РККА будет совсем иным, чем он был в нашей истории. Потом, по мере роста боевого опыта эти подпорки можно будет потихоньку убирать. А пока ахиллесовой пятой РККА являются: разведка, управление, связь, взаимодействие с соседями и между родами войск.

– Владимир Анатольевич, – обратился Путин к генералу Шаманову, – а

вы что скажете?

– Товарищи полностью правы, – кивнул генерал, – в нашем прошлом Красная Армия набирала боевой опыт целых два года, до Курской дуги, и потому не стоит пускать этот процесс на самотек. Что же касается предварительной общей численности Экспедиционного корпуса, то это примерно 50 тысяч солдат и офицеров, 1000 танков Т-72Б, 3000 боевых машин пехоты и бронетранспортеров всех типов, 750 самоходных орудий калибра 122, 152, 203 миллиметра, 250 противотанковых орудий, 450 зенитных самоходных установок, 500 минометов калибра 120 мм, 750 реактивных систем залпового огня типа «Град», «Ураган» и «Смерч», около двух тысяч грузовых автомобилей типа «Урал», «КрАЗ», «ЗиЛ» или «КамАЗ». Но в то же время наше участие в той войне может не ограничиться одним лишь Экспедиционным корпусом. Мы можем предложить товарищу Сталину полностью оснастить и обучить личный состав трех ударных армий, созданных по образу и подобию немецких танковых групп. Каждая ударная армия будет состоять из двух механизированных и одного мотострелкового корпусов. Механизированный корпус после завершения девятимесячного обучения и боевого слаживания будет состоять из 22 тысяч бойцов, 150 танков Т-72Б, 470 танков Т-55, 360 бронетранспортеров, 150 БРДМ-2, 840 БМП-1, 342 самоходных и 108 буксируемых орудий калибров 122- и 152-мм, 72 противотанковых орудий «Рапира», 126 РСЗО «Град», 168 120-мм минометов, 250 ЗСУ и примерно полутора тысяч грузовых автомашин.

Мотострелковый корпус будет иметь в полтора раза большую численность личного состава, чем мехкорпус. Но при этом в нем не будет танков, артиллерия будет исключительно буксируемая, а для переброски пехоты будут использоваться только бронетранспортерами устаревших моделей БТР-60 и БТР-70. Задачей мотострелкового корпуса будут действия во втором эшелоне ударной армии, обеспечение коммуникаций, ликвидация мелких групп окруженного противника, заполнение промежутков между наступающими механизированными и отстающими от них стрелковыми частями и соединениями.

После того как Экспедиционный корпус вместе с приграничными частями РККА свяжет боем и блокирует в котлах немецкие танковые группы, ударные армии – простите за тавтологию – нанесут удар на всю глубину стратегического развертывания немецких войск, имея своей задачей – на первом этапе выйти на Одер в верхнем, среднем и нижнем течении, и захватить плацдармы на его левом берегу. Далее следует оперативная пауза, определяемая необходимостью подвоза топлива и

боеприпасов, а также подтягивания линейных частей Красной Армии из состава второго стратегического эшелона. В это время части первого стратегического эшелона, совместно с Экспедиционным корпусом завершают ликвидацию окруженных в приграничье немецких армий.

Я думаю, что с тех советских территорий, куда им было бы позволено прорваться, необходимо убрать все мирное население и, самое главное, все запасы топлива, продовольствия и прочего материального имущества. Это ускорит капитуляцию окруженных частей и сбережет немало жизней с обеих сторон. В конце концов, в следующей фазе мировой войны немецкие солдаты могут понадобиться товарищу Сталину в боях против англичан.

– Вы уверены, что ему, то есть нам, понадобится воевать с Англией? – быстро спросил президент.

– Если стратегическая цель всей операции заключается в недопущении окружения СССР американскими базами и достижении военного и экономического паритета с США, – вместо Шаманова ответил президенту министр обороны Шойгу, – то тогда разгром Британии и оккупация ее метрополии являются необходимым условием успеха. При этом не все британское наследство достанется СССР. Канада и Австралия отойдут под контроль США, что на первое время заткнет рот американским политикам, поскольку, если рот занят жеванием жирного куска, то кричать несколько неудобно. Ну а потом им будет уже поздно что-либо делать, и тот мир станет действительно биполярным. Посмотрим, что смогут сделать США без европейских колоний, бреттонвудской системы и своей ручной ООН. Если же мы просто сходим погулять, то тогда и в том мире неизбежно повторится наша история с Холодной войной, Разрядкой, Перестройкой и прочими прелестями.

– Понятно! – сказал президент Путин. – Я в принципе тоже не против, чтобы посадить дядю Сэма на диету. Теперь дело осталось за главным – уговорить товарища Сталина оплатить весь этот банкет. В первую очередь необходимо убедить его в том, что нападение Гитлера на СССР неизбежно!

– Товарищ президент, – поднял руку полковник Омелин, – на основании изученных мною архивных документов, я ответственно заявляю, что руководство СССР и без нас не питало никаких иллюзий насчет германского миролюбия. Байка «Сталин не верил в скорое начало войны» была запущена после его смерти Хрущевым и теми из генералов, кто действительно не верил в это нападение и наломал из-за этого немало дров. В частности, начальник Генерального штаба Жуков считал, что наша очередь наступит только после Англии.

– Пока будем готовиться. И главное, не спугнуть Алоизыча, – коротко

заметил капитан Князев, – а то 22 июня наступит, а он не нападет. И вид у нас тогда перед товарищем Сталиным будет до предела идиотский.

– Спасибо, коллеги, – подвел итог президент, – идиотский вид, особенно перед товарищем Сталиным, для нас недопустим. Поэтому делать все будем тщательно и аккуратно. Все свободны. Как только все будет готово к переговорам, я вас извещу.

Все встали и, собрав бумаги, начали покидать помещение. И в этот самый момент президент, в стиле «папы Мюллера» из «Семнадцати мгновений весны», окликнул капитана Князева: – А вас, Александр Павлович, я попрошу остаться... Есть, знаете ли, у меня к вам философский разговор о товарище Сталине и о сути тогдашнего и современного сталинизма.

10 февраля 2017 года, 12:00. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Капитан СВР Князев Александр Павлович

– А вас, Александр Павлович, я попрошу остаться... Есть, знаете ли, философский разговор о товарище Сталине и о сути тогдашнего и современного сталинизма, – сказал президент.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – подумал я. – Этого мне только не хватало! Тему для предстоящей беседы наш дорогой ВВП нашел, скажем так, весьма склизкую. Впрочем, а почему бы и нет? Вполне актуально, ведь в ближайшее время нам как раз предстоит повстречаться с самим Иосифом Виссарионовичем...»

– Владимир Владимирович, – сказал я, – вы ставите вопрос настолько широко, что мы можем тут с вами вести философскую беседу до морковкиного заговенья. Давайте для начала определимся – о чем конкретно мы будем говорить.

– Давайте, – хитро улыбнулся Путин, – начнем, как говорили древние, аб ово, то есть о личности товарища Сталина, с которым, как я полагаю, нам с вами придется общаться в самое ближайшее время.

– Когда произносится имя Сталина, многие тут же начинают вспоминать про пресловутый «культ личности». Но как сказал наш Нобелевский лауреат Михаил Шолохов: «Да, культ был, но ведь и личность была!» Так что же это за человек?

Мальчишка из грузинского городка Гори, который мечтал помогать людям в беде, искать для них справедливости. Юноша, который учится в Горийском духовном училище, причем учится отлично. Пишет стихи, кстати, весьма неплохие. Потом Тифлисская семинария, где его мысли о

духовном сталкиваются с суровой действительностью тогдашней жизни. Не закончив семинарию, он уходит в марксизм, которому останется предан всю оставшуюся жизнь. Но марксизм в его понятии не догма, а руководство к действию. И самое главное – Сталин не только марксист, но и имперец. Хотя он никогда вслух не говорил об этом, но все его действия были направлены на то, чтобы государство, во главе которого он оказался, жило, развивалось и процветало. Кроме того, он был противником разложения армии в Первую мировую, отделения окраин и создания национальных республик. Со всем этим Сталин согласился под давлением Ленина, которого очень сильно уважал.

– Сталин – имперец... – задумчиво произнес президент, – а вы не ошибаетесь, Александр Павлович?

– Ничуть, Владимир Владимирович, – ответил я, – давайте посмотрим на то, что он делал всю свою сознательную жизнь. В конечном итоге Сталин сумел собрать все, что было утеряно не только сразу после революции, но и то, что мы потеряли в результате неудачной Русско-японской войны. И вот, после победы над Японией в 1945 году Сталин на мгновение приоткрылся, показал свою «хищную имперскую суть». Хочу процитировать отрывок из его речи по этому поводу.

Я полез в карман, вытащил записную книжку, нашел нужную страницу и прочитал вслух:

– «...поражение русских войск в 1904 году в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил».

– Да, вы, пожалуй, правы, Александр Павлович, – тихо сказал Путин, – такое мог сказать лишь человек, болеющей душой за честь и достоинство своей Отчизны.

– Именно так, Владимир Владимирович, – ответил я, – и, имея дело со Сталиным, следует все время об этом помнить. При нем лучше не упоминать современные мантры политиков вроде «общечеловеческих ценностей» и разглагольствовать о «демократии и толерантности». – Я заметил, что когда я произнес эти слова, Путин едва заметно поморщился.

– Но что же тогда такое сталинизм? – спросил он. – Почему у нас в стране миллионы людей считают себя сталинистами, хотя они самого Сталина никогда не видели и не слышали?

– Наверное, сталинизм – это желание этих миллионов видеть во главе страны человека, который будет отдавать всего себя служению этой страны.

И не допустит, чтобы какие-то там заморские «учителя демократии», пренебрежительно кривясь, куражились над «сиволапыми».

– Но, ведь в 30-е годы многие граждане СССР были подвергнуты массовым репрессиям, – сказал президент, – я не верю в те цифры, о которых говорят «страдалцы» из «Мемориала», но ведь действительно многие из наших сограждан были репрессированы, причем часть из них незаконно.

– Ну, начнем с того, что репрессии были вполне законными, – ответил я, – другое дело, что сами законы были, мягко говоря, суровыми. Это было время «ежовщины», между разоблачением заговора Тухачевского и осуждением самого Ежова. На волне борьбы с заговорщиками НКВД попробовало поставить себя над государством. К тому же власти на местах всячески старались показать свое рвение и требовали увеличить лимиты на расстрельные приговоры. Кстати, при этом особо отличился первый секретарь Московского обкома ВКП(б). В архивах сохранился документ, в котором Хрущев требует увеличить ему лимиты на расстрелы. Приговоры выносила «тройка», состоящая из первого секретаря обкома, главы облНКВД и секретаря суда. Были установлены лимиты – сколько человек можно осудить по первой категории (расстрел), и второй категории (10 лет). В сумме изначально было около 250 тысяч человек по первой и 450 тысяч человек по второй категориям – всего на весь СССР. А Хрущеву было этого мало, и он просил увеличить выделенные Москве лимиты по первой категории. Рукой Сталина на этом прошении написано: «Уймись, дурак!» Кроме того, есть вещь, о которой помалкивают все правозащитники – ни один человек не мог быть осужден без санкции его непосредственного начальника, а ведь будущие высокопоставленные жертвы репрессий сами давали такие санкции пачками.

Я набрался храбрости.

– И потом, Владимир Владимирович, признайтесь, когда министры предыдущего правительства месяцами саботировали ваши распоряжения, разве в глубине души вам не хотелось загнать их всех в Магадан и Салехард, рубить лес и рыть каналы?

– Да уж, – крикнул президент, а потом задумался. – Александр Павлович, так как бы вы посоветовали нам вести себя со Сталиным?

– Вам будет очень трудно, – сказал я, – можно представить, что скажет вам Иосиф Виссарионович, узнав о том, что произошло после той проклятой, не к ночи будет сказано, «Перестройки». И то, что страна, которая выстояла при нем во время страшнейшей в истории войны, была развалена на части, причем теми, кто должен был сделать все, чтобы

ничего подобного не случилось.

– Я все понимаю, – сказал президент, – но это произошло еще тогда, когда мы с вами ничего не могли реально сделать. Впрочем, это не оправдание... Продолжайте, Александр Павлович.

– Вполне естественно, – сказал я, – что у Сталина появится подозрение – не принесут ли незваные помощники в СССР ту заразу, которая загубила Страну Советов в их времени? И нам с вами, Владимир Владимирович, придется приложить огромные усилия для того, чтобы Иосиф Виссарионович поверил в то, что вы не имеете никаких деструктивных намерений в отношении возглавляемого им государства.

– Это будет непросто, – тихо сказал Путин, – и я понимаю товарища Сталина. Но ведь мы можем спасти миллионы человеческих жизней! Мы реальная помощь, от которой отказываться – просто преступление.

– Он будет думать, что эта помощь может обернуться троянским конем, – жестко сказал я, – и в СССР, вместе с нашим Экспедиционным корпусом и нашими технологиями, придет наш цинизм, наша жажда наживы, наша беспринципность, наша аморальность.

– Да, огорошили вы меня, – сказал Путин, – я об этом как-то и не подумал. Что же теперь нам делать?

Я вздохнул.

– Контакт должен быть спланирован так, чтобы Сталин сначала получил информацию по тому, что произошло в СССР после сорокового года, смог самостоятельно понять причины и поражения РККА в 1941 году, деградации КПСС, распада СССР и реставрации капитализма в 1991 году. И уже после этого он будет готов к содержательным переговорам. Ведь болезнь, поразившая СССР в 1991 году, уже зреет внутри, казалось бы, единого и монолитного организма Страны Советов. Все предпосылки повторения той истории налицо.

И если ничего не изменить, то даже с нашей помощью, разгромив вермахт и уничтожив нацизм, СССР в дальнейшем столкнется с поколением руководителей, желающих пожить спокойно. Потом с поколением начальников, желающих пожить лично для себя. Вот эти последние и демонтируют социализм и СССР заодно, чтобы быть начальником, баем, князем, ханом на отдельно взятой, подконтрольной им территории. Надо убедить Сталина, что мы не болезнь, мы вакцина от этой болезни, пережившие либерализм и переболевшие им, и теперь имеющие к нему иммунитет.

Надо доказывать, что мы не окончательно погибли нравственно, что мы еще не продали память своих предков за пачку зеленовато-серой бумаги

с портретами дохлых заморских президентов. Ведь были у нас не только предатели и выродки, но парни, которые не жалели себя в Чечне. Вспомните, ведь была 6-я рота 104-го полка 76-й гвардейской Псковской дивизии ВДВ. И была высота 776 неподалеку от Улус-Керта, где наши десантники стояли насмерть, как их прадеды в ту Великую войну.

Поймите, Владимир Владимирович, солдаты нашего Экспедиционного корпуса в схватке с фашистами вновь почувствуют, что сражаются за правое дело, за свою Родину, за свой народ. Это дорогого стоит. Когда они вернутся назад, в нашу нынешнюю Российскую Федерацию, они уже не смогут жить так, как жили раньше, «применительно к подлости». Участие в справедливой, священной войне – это спасение и для нас. Тут надо оперировать не только экономическими, но и нравственными категориями.

Есть такое понятие, как катарсис. Это очищение души. Помните, как у Гоголя в «Тарасе Бульбе»... – И я вновь полез в карман за своей записнушкой:

«Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснется оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!

Уж если на то пошло, чтобы умирать, – так никому ж из них не доведется так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!»

– Так, что товарищ президент, – закончил я свою мысль, – эта война нужна не только СССР, но и нам самим, чтобы наш народ мог вернуть себе чувство самоуважения и собственного достоинства.

– Да, хорошо сказал Николай Васильевич, – тихо сказал Путин, – спасибо вам, Александр Павлович, за беседу. Я подумаю над тем, что вы мне сказали.

Часть 3. Союз нерушимый республик свободных

5 августа 1940 года, 17:15. СССР. Москва, Кремль, кабинет И. В. Сталина

Только что закончилось очередное совещание, в котором принимали участие: Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Рычагов, Кулик, Шапошников, Смородинов, Аржанухин, Кобелев, Шахурин, Яковлев, Берия, Вознесенский...

Как можно догадаться по составу участников, посвящено это совещание было состоянию военно-воздушных сил и их взаимодействию в ходе боевых действий с общевойсковым командованием. Халкин-Гол, Освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину, Финская война – все эти вооруженные конфликты показали, что самолеты в ВВС есть, летчики, готовые драться в воздухе, – тоже, даже авиационные генералы имеются. А вот решать соответствующие задачи в небе над полем боя советская военная авиация не в состоянии. И если на малюсеньком Халкин-Гольском ТВД (70 на 23 километра) на расстоянии прямой видимости у наших летчиков еще как-то получалось противостоять японским асам, то в Финляндии и Польше их помощь наземным войскам была минимальна.

А между тем на Западе шла война. Франция пала после месяца немецкого blitzkriega – не помогла и помощь британского экспедиционного корпуса. Немецкие войска торжественным маршем прошли под Триумфальной аркой, и теперь целью Гитлера становилась Британия... Или все-таки СССР? Ведь Гитлер никогда особо не скрывал своей цели уничтожить большевизм и завоевать для германской нации жизненное пространство на Востоке. «Лебенсраум» – на немцев, зажатых в центре Европы, это слово действует, как валерьянка на кота. Участники совещания еще не знали, что как раз в этот день на стол Гитлера лег следующий документ:

№ 78. ИЗ ПРОЕКТА ПЛАНА ОПЕРАЦИИ «ОСТ»,
РАЗРАБОТАННОГО НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА 18-й
НЕМЕЦКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ МАРКСОМ

5 августа 1940 г.

Цель кампании – разгромить русские вооруженные силы и сделать Россию неспособной в обозримое время выступить противником Германии. В целях защиты Германии от русских бомбардировщиков следует захватить Россию до линии: нижнее течение Дона – Средняя Волга – Северная Двина. Главные военно-хозяйственные области России, расположенные в богатой продовольствием и сырьем Украине и в Донецком бассейне, а также в центрах военной промышленности вокруг Москвы и Ленинграда. Восточные промышленные районы достаточной производственной мощностью еще не обладают.

Среди всех этих областей экономическим, политическим и духовным центром СССР является Москва. Ее захват разрывает взаимосвязанность русской империи.

Правда, никаких судьбоносных решений на этом совещании принято так и не было. Их примут позже, и они предопределят дальнейшие поражения и триумфы в будущей войне, которая становилась неизбежной.

Да и без этого немало делалось для того, чтобы улучшить положение в наших военно-воздушных силах. Правда, считалось, что для усиления советских ВВС достаточно принять на вооружение новые современные типы самолетов, превосходящие по своим скоростным характеристикам основной истребитель вероятного противника Ме-109Е, и вооружить их мощными пушками и авиационными пулеметами. А дальше летчики сами разберутся.

Слово «гробы» еще не прозвучало, но главком ВВС, генерал Рычагов, особо напирал на то, что, по сравнению с «мессершмиттами» и «юнкерсами», основные самолеты советских ВВС: И-15, И-16 и СБ, являются морально устаревшими. Но при этом товарищ Рычагов совсем ничего не говорил ни о недостатках в организационной структуре авиационных частей и соединений, ни о плохом взаимодействии с наземными частями РККА, ни о низком качестве летной и боевой подготовки советских летчиков. Меньше чем через год все это аукнется Красной Армии и ее военно-воздушным силам реками крови. Но это будет всего лишь через год. А пока никто не понимал, что скоростной бомбардировщик СБ-2 действительно окажется устаревшим, если посылать эти самолеты на цели малыми группами, без связи, и без истребительного прикрытия.

От всех этих разговоров у товарища Сталина осталось тяжелое

чувство недоговоренности и скрытой угрозы. Хотелось вернуть вышедшим последним товарища Берия и сказать: «Лаврентий, займись...» Позже он так и поступит, но уже будет слишком поздно.

Взяв со стола в одну руку свою знаменитую трубку, а в другую – пачку папирос «Герцеговина Флор», Сталин отошел к окну, покурить, подумать, осмыслить весь тот сумбур, который остался после разговора с генералами и наркомками. Как сделать так, чтобы первое в мире государство рабочих и крестьян не разделило судьбу Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции? Чем остановить уже поймавшего кураж Гитлера?

Неяркая голубоватая вспышка и негромкий звук за спиной заставили вождя вздрогнуть. Обернувшись, он не обнаружил ничего подозрительного, кроме лежащих на столе четырех книг, которых там несколькими секундами назад не было – это он помнил точно. Ощущение такое, словно их уронили с небольшой высоты. Сталин мог поклясться, что никто в его кабинет не входил. Да хоть подвесь на дыбу Поскребышева, но не входил никто, и все тут. Книг не было, и вдруг они появились...

Впервые со времен учебы в Тифлисской семинарии Сталину захотелось перекреститься и прочесть молитву, пусть даже самую короткую и простую. Ведь даже самому слабоумному ежу понятно, что если что-то было, а потом исчезло, то значит, ты это потерял, или у тебя украли. Все просто. Но если вдруг на твоём столе появляется то, чего ты никогда в глаза не видал...

Осторожно, словно приближаясь к притаившейся под книгами змее, Сталин подошел к столу. При этом ему в голову пришла мысль, что вождь советского народа, крадущийся по собственному кабинету, должен выглядеть нелепо и смешно. И, не дай бог, если сейчас в кабинет заглянет по какой-либо надобности Поскребышев. Человек он хоть и не болтливый, но все равно картина будет крайне неприятной.

На обложке верхней из книг были написаны имена авторов – Алексей Исаев и Артем Драбкин, изображено число «1941» на фоне разбитых и горящих танков и написано, по всей видимости, название книги: «22 июня. Черный день календаря».

Можно было, конечно, вызвать начальника личной охраны генерала Власика вместе с его орлами. Они бы перевернули тут все вверх ногами, раздергали бы эти книжки по страницам, устраняя действительную или мнимую опасность... Но тогда гарантированно можно будет забыть о сохранении тайны, присутствие которой Вождь ощущал буквально собственной кожей. Пусть люди Власика и не любят болтать, все равно он сам первым должен прочесть то, что написано в этих книгах, и уже потом

решать – с кем и в каком объеме делиться этими, упавшими неизвестно откуда знаниями. Уж больно неожиданным способом эти книги попали в его кабинет.

– Товарищ Сталин, – спросил он сам себя, – вы – храбрый человек? Если да, то вы должны открыть эту книгу и прочесть то, что в ней написано. Или вызвать охрану, чтобы люди Власика взяли руками, одетыми в резиновые перчатки, эти книги, отнесли в подвал и сожгли в печке... А потом 22 июня 1941 года, уже задним числом узнать – почему этот день назван черным. Так что, товарищ Сталин, бомбы, которые обычно закладываются в книги, врываются не в руках, а в головах. И вы прекрасно это знаете, поскольку сами в свое время заложили немало подобных бомб.

Так, разговаривая сам с собой, товарищ Сталин перевернул обложку верхней книги и глянул на титульный лист. «Москва, Издательство ЭКСМО, 2008 год». Невозможная книга, сама, или по чьей-то воле, таинственным образом попавшая на его рабочий стол. Каким бы невероятным это событие ни выглядело, надо еще будет разобраться – каковы истинные интересы того, кто способен вот так запросто подкинуть артефакт, пусть пока и неформальному, но все же главе СССР.

Перелистнув еще одну страницу, товарищ Сталин прочел:

«22 июня 1941 года. Этот день навсегда обозначен в отечественных календарях черным траурным цветом. Это – одна из самых страшных дат в нашей истории. Это – день величайшей военной катастрофы. Как такое могло случиться? Почему врагу удалось заставить СССР врасплох? Почему немецкой авиации позволили в первый же день войны безнаказанно расстрелять на аэродромах сотни наших самолетов, а многочисленные дивизии РККА были смяты и разгромлены в считанные недели? Как случилось, что колоссальная военная машина Советского государства дала сбой в самый ответственный момент? Подробная, по часам и минутам, хроника трагических событий 22 июня 1941 года и анализ причин разгрома, воспоминания ветеранов и свидетельства очевидцев трагедии – в первом совместном проекте самых популярных отечественных историков Артема Драбкина и Алексея Исаева».

«Это уже бомба, – подумал Сталин, – я должен во всем этом разобраться и принять решение, единственно верное решение. В таком случае у нас нет права на ошибку, надо будет все взвесить и решить, что

опаснее – болезнь, или лекарство от нее?»

Аккуратно отложив верхнюю книгу в сторону, Вождь прочел название следующего тома: «Соколов А. К., Тяжельникова В. С. Курс советской истории, 1941–1999» – быстро посмотрев оглавление и перелистав некоторые страницы, Сталин нахмурился и отложил в сторону и эту книгу. Еще ни одному величайшему политическому деятелю, находящемуся на вершине власти, вроде Александра Македонского, Чингисхана или Наполеона Бонапарта, не удавалось заглянуть в свое посмертие и увидеть там крах всего того, за что он сражался всю свою жизнь.

Две нижних книги были от одного автора, Александра Бушкова и одного издательства «ОЛМА пресс». «Хроники мутного времени» 2007 года издания, и «Владимир Путин, полковник, ставший капитаном» 2008 года.

Сев на стул, Сталин наконец-то закурил забытую им трубку и критически обозрел разложенные на столе книги. Они были разного возраста и разной степени потертости, что говорило о том, что их уже по многу раз читали. К новеньким томикам он бы, наверное, отнесся с сомнением. Но вот эти захватанные страницы и потертые обложки внушали некоторое доверие. Все книги он прочтет внимательно, с карандашом в руках, стараясь не упустить ни одного факта, ни одного скрытого противоречия. То, в каком порядке их сложил неизвестный доброжелатель, тоже, наверное, имеет какое-то значение, как и личность героя последней книги.

Вздохнув, Сталин отложил в сторону погасшую трубку и достал из стаканчика, стоящего на столе, заботливо заточенный секретарем двухсторонний карандаш, с одной стороны синий, а с другой – красный. Предстояла долгая и кропотливая работа. Чутье подсказывало ему, что о том, что несколько минут назад произошло в этом кабинете, не должна пока знать ни одна живая душа. Сначала он прочтет все эти книги, а потом поймет, что сказать, когда и кому. Сняв трубку телефона, соединявшего его с приемной, Сталин сказал Поскребышеву:

– Никого не пускать, я занят!

– А если... – начал было сталинский секретарь.

– Никого, я сказал! – жестко оборвал его Сталин. – Даже если явится сам Нечистый с рогами и хвостом. И, товарищ Поскребышев, будьте добры распорядиться, чтобы сюда принесли чаю, да заварите его покрепче...

6 августа 1940 года, 7:15. СССР. Москва, Кремль, кабинет И. В. Сталина

За окном кабинета вождя серые сумерки давно сменились ранним утром. Весело защелкали птицы, приветствуя восход солнца. В советской стране начинался новый день. Сталин выключил бесполезную уже настольную лампу, закрыл и отодвинул от себя последнюю из книг. Потерев рукой покрасневшие от переутомления глаза, глава СССР по-новому взгляделся в портрет человека на обложке. Справа от него на столе возвышалась стопка исписанной цветными карандашами бумаги, а прямо перед ним лежал ослепительно-белый официальный бланк, на котором под шапкой с двуглавым орлом было написано следующее:

Уважаемый товарищ Сталин.

В связи с нависшей над СССР военной угрозой, предлагаю Вам начать переговоры между СССР 1940 года и Российской Федерацией 2017 года о заключении всеобъемлющего, равноправного и взаимовыгодного «Договора о дружбе, торговле, сотрудничестве и взаимопомощи». Помимо него может быть подписано «Соглашение о коллективной обороне».

Президент Российской Федерации

Владимир Владимирович Путин

23 февраля 2017 года

Сталин задумался, внимательно разглядывая портрет человека с холодным взглядом профессионального разведчика. Затем, видимо приняв решение, он кивнул сам себе, снял трубку телефона и, дождавшись ответа телефониста кремлевского коммутатора, сказал:

– Товарища Берия, пожалуйста... – Тайну такого уровня он не мог доверить больше никому из ближайших соратников, ни Молотову, ни Ворошилову.

Услышав в трубке «Алло», сказанное знакомым голосом, Сталин коротко произнес:

– Лаврентий, срочно приезжай в Кремль, ты мне нужен, очень нужен!

Берия так же коротко ответил:

– Еду, товарищ Сталин!

Вождь повесил трубку и, вспомнив о своем вчерашнем распоряжении, позвонил по внутреннему аппарату Поскребышеву, сказав, что сейчас придет товарищ Берия, и его, и никого более, надо немедленно впустить к

нему в кабинет.

Переговорив с Поскребышевым, Сталин, аккуратно собрал свои записи, сложил их в папку из плотного картона и, завязав ботиночные шнурки, убрал в верхний ящик стола, подальше от любопытных глаз. Потом он замер, уставив взор в обшитую мореным дубом стену кабинета, и задумался.

Заглянув в будущее, он осознал, что перед ним разверзлась зияющая бездна. И дело даже не в войне, которая должна была начаться в июне будущего года. Предупреждение получено, с потомками или без них, но СССР войну выиграет. Выиграл же тогда, когда был застигнут Гитлером врасплох, и советские войска, неся огромные потери были вынуждены отступать до Волги, Москвы, Кавказа и Ленинграда.

Дело совсем в другом. Все, ради чего он жил, чему принес в жертву свою личную жизнь, все это вскоре после его смерти пошло прахом. Соратнички свалили все свои грехи на товарища Сталина, а потом пустили в распыл всё: партию, страну, армию, народ. Еще тогда ночью, прочитав о событиях пятьдесят третьего и пятьдесят шестого годов, у него возникло огромное желание прямо сейчас поднять с постели Берию, и отправить его сотрудников арестовать этих мерзавцев: Хрущева, Маленкова, Кагановича, Булганина, Ворошилова, Молотова. Бросить их в застенки Лефортова, устроить еще один грандиозный Процесс, еще одну Великую Чистку. Пусть каются, кричат, плачут, рыдают – он будет непреклонен. Гореть им всем в аду!

Потом это желание прошло. Тут надо поступать умнее. Нужно скосить не только верхушку заговора, которого еще не существует. Нет, необходимо найти способ раз и навсегда зарубить на корню карьеру людям, которые стремятся жить только для себя. Пусть они так и остаются на нижних уровнях номенклатурной пирамиды. В противном случае та же история может повториться и безо всякой войны. Те же люди, в конце концов, проникнут в партийные и государственные структуры и развалят их, чтобы безнаказанно пользоваться всем тем, что создается сейчас в стране, с таким трудом и с такими жертвами.

Именно так и поступил тот, проклятый еще при жизни, последний генеральный секретарь Коммунистической партии, как его там? А, черт с ним, не все ли равно! В конце концов, на его месте мог оказаться и другой, внешне не похожий, а по сути такой же Иуда Искарот.

А затем наступит то, что Бушков обозвал «Мутным временем». Февраль семнадцатого тоже был таким же «Мутным временем». Летом семнадцатого он в Петрограде тоже делал все, чтобы большевики смогли

взять власть мирным путем. Но болтун и фигляр Керенский разваливал страну с такой скоростью, что не оставил им никаких шансов на мирную передачу власти. Нужно было что-то делать, и это «что-то» оказалось единственным возможным вариантом – вооруженным восстанием.

А что же ему делать сейчас? Принять протянутую руку помощи от, как он уже понял, буржуазной России? Или с презрением отвергнуть это предложение и попробовать выкарабкаться самостоятельно? В тот раз, если верить одной из их книг, ради победы над Гитлером он пошел на союз со своими злейшими врагами – британскими и американскими империалистами. И какой черной неблагодарностью они отплатили за все Стране Советов после Победы, объединившись в альянс против СССР и угрожая ему самым ужасным оружием в мире.

Нет, надо идти другим путем. Но не завершивший процесс индустриализации Советский Союз один не выстоит против гитлеровской Германии, покорившей всю Европу. Или выстоит, но, как и в их истории, понесет ужасные людские и материальные потери. Сейчас ему, Сталину, это очевидно как никогда. Кроме того, а разве он может отказаться от сотрудничества с силой, способной доставить вот эти книги к нему в кабинет? А ведь вместо них могла оказаться бомба или пуля, выпущенная в затылок. Одним словом, обстоятельство непреодолимой силы.

С другой стороны, раз речь идет о «дружбе, торговле, сотрудничестве, взаимопомощи и коллективной обороне», значит, и этому Путину что-то нужно от товарища Сталина. Наверное, надо начать переговоры и в ходе их постараться выяснить дальнейшие намерения партнера в отношении СССР, советской власти вообще и лично в отношении него. При этой мысли Сталину вдруг показалось, что Путин на портрете подмигнул ему левым глазом.

«Наверное, это от переутомления, – подумал Сталин, – надо бы отдохнуть. Но времени нет, и в ближайшие годы не предвидится. Ведь работы много, и ее не каждому доверишь. Скорее наоборот, страшно мало тех людей, которым можно по-настоящему доверять, кто работает не за страх, а за совесть и идею. Остальных, стремящихся использовать свое положение в партии или на государственной службе в личных целях, надо в свою очередь использовать на все сто процентов, а как только они становятся бесполезными, то освобождать без сожаления от всех занимаемых ими постов. Какой мерой мерили вы, дорогие товарищи, такой и вам воздастся, в лагерном бараке или у расстрельной стены...»

От размышлений товарища Сталина отвлек появившийся на пороге кабинета генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Берия. Ну, не

был он ни садистом, ни бабником, а был человеком, до конца преданным советской власти. А все страшные сказки рассказал о нем люто его ненавидящий Никита Хрущев. Ненависть эта была не меньшей, чем та, которую «кукурузник» питал к Сталину. Так ничтожества, у которых, за что бы они ни взялись, все выходило сикось-накось, могут ненавидеть только по-настоящему талантливых людей. Но теперь тому Никите самому оставалось жить очень недолго, скорее всего, до первого чиха Хозяина.

– Проходи, Лаврентий, – Сталин сделал приглашающий жест рукой, – присаживайся. Разговор будет серьезный. Учти, что о том, что я тебе сейчас скажу, не должна знать ни одна живая душа. Когда будешь давать задание своим сотрудникам, никто из них не должен понять общей картины: что делается, по какой причине и с какой конечной целью. Он, – Сталин указал на дверь в приемную чубуком трубки, – знает только то, что после вчерашнего совещания я приказал никого не пускать, а потом всю ночь работал с документами.

– А на самом деле? – непроизвольно поинтересовался Берия и тут же поправился: – Я вас слушаю, товарищ Сталин.

– А, ничего, – махнул рукой Сталин. – Действительно работал с документами. Только вот документы эти, как говорится, «из ряда вон»... Привет из будущего! Поневоле тут поверишь во всякую чертовщину.

– Вот полюбуйся, Лаврентий, – Сталин взял со стола одну из книг, – история СССР с сорок первого по девяносто первый год. Причем, если верить этой книге, в девяносто первом году кончается не только история, но кончается и сам СССР. Реставрация капитализма, исключительно по причине измены партийной верхушки.

– Провокация? – поинтересовался Берия. – Британская или германская разведка...

– Разве немцы или англичане могут сделать так, чтобы в моем кабинете эти книги появились из ничего и упали прямо на мой стол? – спросил Сталин и сам тут же ответил на свой вопрос, подавая Берии еще одну книгу: – Они не могут, а этот может! Между прочим, Лаврентий, человек в прошлом работник твоего наркомата.

– Хитрющий, сразу видно, – заметил Берия, посмотрев на портрет на обложке, – но ничего, и не таких обламывали...

– Обламывать пока не надо, – сказал Сталин и подал Берии письмо с предложением о переговорах. – Сначала надо понять, что этот человек хочет получить от нас и что согласен предложить взамен. А также продумать методы по предотвращению – как это будет по-научному, побочных явлений.

– Эффектов, – машинально поправил Берия вождя, – побочными бывают только эффекты.

– А, ладно, – махнул рукой Сталин, – ерунда!

Потом Лаврентий Павлович долго читал письмо, вникая в каждое его слово, а прочитав, положил на стол и задумчиво сказал:

– Значит, все-таки война? С Гитлером?

– 22 июня 1941 года нас придут убивать, – ответил Сталин. – Это будет не обычная война за территорию или выгодные условия торговли, это будет библейская война на истребление одного народа другим. Может, мы справимся сами, а может, и нет. Как-никак, теперь на Гитлера фактически работает уже вся Европа. Даже нейтралы, мать их за ногу... В том прошлом мы заключили союз с британскими и американскими империалистами. И потом слишком дорого за это заплатили. Самое главное, что это дело немыслимо доверить кому-нибудь из НКВД. Там еще не вычищен до конца литвиновский гадюшник. А это значит, что все секреты станут тут же известны англичанам. Придется этими переговорами заняться нам с тобой лично.

– Понятно, – сверкнул стеклами пенсне Берия, – тайный договор...

– Действительно тайный, – согласился Сталин. – Лаврентий, пойми, 31 июля этого года Гитлер уже поставил перед своими штабистами задачу разработать план нападения на СССР. А вчера ему уже были доложены первые наброски.

И самое главное, я знаю, что он нападет на нас через год, независимо от того, состоится ли высадка на Британские острова в этом году или нет. Гитлер считает, что если ему удастся разгромить СССР, то Америка не вступит в игру, сохраняя нейтралитет, а Британия, потеряв последнюю надежду, капитулирует. Так что, товарищ Берия, можно сказать, что война уже началась, и то, что на ней пока не стреляют, это еще ни о чем не говорит. Победит в ней тот, кто еще до начала боевых действий наилучшим образом подготовится к сражениям.

Я думаю, что это будет не столько дипломатический договор в прямом смысле этого слова, сколько сверхсекретная военная операция. Ее надо хранить в тайне и от большей части наших генералов, которые, как я понял, оказались в критический момент далеко не на высоте...

– Кхм, кхм, – как бы ниоткуда раздался вдруг мужской голос, – коллеги, разрешите присоединиться к вашей беседе?

– Путин Владимир Владимирович, если не ошибаюсь? – не дрогнув лицом, так же в пустоту спросил Сталин.

– Он самый, товарищ Сталин, – ответил голос. – Вы не ошиблись.

– Ну, присоединяйтесь, коль уж появились, – кивнул Сталин, – проходите, присаживайтесь.

– Да нет, спасибо, – ответил голос, – я уж лучше пока на своей стороне постою. А то ведь у вас там, коллеги, сесть легче, чем потом встать...

– Ну, как хотите... Стойте на своей стороне, – усмехнувшись, ответил Сталин. – Кстати, как вас лучше называть, господин или товарищ Путин.

– Лучше, товарищ Сталин, пока называйте меня нейтрально – коллега, – ответил российский президент, появляясь в овальном окне темпорального канала, примерно в полутора метрах от Сталина с Берией.

– При этом меня вы почему-то упорно называете товарищем? – усмехнулся в усы Сталин.

– Это потому, что я о вас знаю почти все, а вы обо мне почти ничего, – чуть прищулив один глаз, ответил Путин.

– Хорошо, КОЛЛЕГА Путин, – Сталин сел на свое место за столом и взял в руку отточенный карандаш. – Присаживайся, Лаврентий, поговорим...

– Итак, – спросил Сталин, – хотелось бы знать, что вы имели в виду под Договором «О дружбе, торговле, сотрудничестве и взаимопомощи», также включающем в себя и «Соглашение о коллективной обороне»? Давайте начнем с дружбы...

Путину на той стороне тоже принесли стул, он уселся на него и задумался.

– Наверное, дружба должна подразумевать то, что обе высокие договаривающиеся стороны будут воспринимать друг друга, что называется, «как есть», и не будут вмешиваться во внутренние дела партнера. То есть вы не будете экспортировать к нам социализм, а мы к вам свою суверенную демократию. Какая-то конвергенция обязательно будет, не без этого. Но это должны быть совершенно естественные процессы, идущие на благо обеим сторонам...

– Например? – поинтересовался Сталин.

– Имея перед глазами пример успешной экономики СССР, мы могли бы активней вести процесс возвращения крупных предприятий к государственной и общественной собственности. Коллапс тотально огосударствленной позднесоветской экономики так всех напугал, что теперь возврат любого предприятия под контроль государства проходит под вопли о возврате к неэффективной советской системе и будущем ее крахе. Ради такого положительного примера мы поделимся с СССР промышленными и сельскохозяйственными технологиями и в полном объеме осуществим поставки соответствующего оборудования.

– И вы думаете, что это позволит нам лучше подготовиться к войне с Германией? – с недоверием спросил Сталин.

– Если говорить о вероломном нападении фашистской Германии на СССР, то надо обращаться к пункту «о коллективной обороне», – отчеканил Путин. – А то, что я вам сейчас предложил, должно позволить СССР выиграть экономическую гонку на длинной дистанции.

– А что вы с этого будете иметь? – спросил Берия.

– Как что? – удивился Путин. – От сотрудничества с СССР мы будем иметь деньги, рынки сбыта, развитие промышленности, рост экономики. В ТОТ раз на советских военных заказах поднялась американская экономика. И очень неплохо поднялась. Товарищ Сталин знает, чем это все закончилось.

– Уже знаю, – кивнул Сталин и сделал на листе бумаги какую-то пометку. – В свою очередь мы бы тоже не хотели, чтобы ваша буржуазная Российская Федерация села нам потом на голову.

– Я, товарищ Сталин, – ответил Путин, – опасаясь как раз обратного. Укрепившийся СССР вполне может сесть на голову Российской Федерации. Вы просто не представляете степень своей популярности в народе даже в наше время. И наоборот, так называемые десталинизаторы совершенно не имеют никакой опоры в обществе, а тем более во власти, и дальше воплей в прессе их деятельность не пойдет.

– А ваш крупный капитал? – спросил Сталин. – Ведь он пойдет на все, чтобы снова уничтожить воскресшее вдруг из небытия государство рабочих и крестьян. Для ваших крупных капиталистов, этих, как его, олигархов, процветающий по соседству СССР будет как бельмо на глазу.

Путин грустно улыбнулся.

– Товарищ Сталин, если бы вы знали, сколько раз эти, как вы выражаетесь, крупные капиталисты, пытались самыми разными способами скосырнуть вашего покорного слугу. И что?! Из тех, кто пользовался нечестными методами, некоторые отдали концы в эмиграции, промотав на это дело все, до последнего гроша, а другие за десять лет на казенной швейной машинке научились шить брезентовые рукавицы для таджикских гастарбайтеров.

Те же господа, чьи методы были относительно законными, истратили на пропаганду огромную кучу денег и добились ровным счетом прямо противоположного. У нас все-таки суверенная демократия, то есть демократия, отделенная от капитала. А народ за годы, прошедшие с распада СССР, приобрел устойчивый иммунитет к пропаганде подобного рода.

Если не верите мне на слово, то давайте обменяемся делегациями. Мы,

в качестве первого дружеского шага, отправим в СССР специалистов и самое современное оборудование для разведывательной и контрразведывательной деятельности, а вы направите к нам военных для ознакомления с возможностями нашей техники и специалистов из наркомата Лаврентия Павловича для анализа народных умонастроений. Дадим им дней десять на все, а потом снова встретимся и продолжим этот разговор.

Сталин и Берия переглянулись. Это предложение им явно понравилось.

– Скажите, – немного вкрадчиво спросил Берия, – что вы имеете в виду под разведывательной и контрразведывательной деятельностью?

– Всё, – ответил Путин. – Подслушивание, подглядывание, просмотр радарми воздуха и сопредельной территории до самого Ла-Манша, прослушивание радио- и телефонных переговоров противника, расшифровка зашифрованных радиogramм любой степени сложности.

Берия хотел еще что-то спросить, но Сталин нахмурился и сказал:

– Погоди, Лаврентий, погоди. Я тебе еще не сказал, что у нас тут, кажется, созрел заговор похлеще, чем в тридцать шестом. Вершки мы тогда вырвали, а корешки остались. Спасибо ТОВАРИЩУ Путину за это предложение.

Подберешь самых надежных людей, придумаешь для них легенду, чтобы сохранить все в тайне, и вместе с товарищами из будущего пусть они займутся этим делом. Все надо вычистить до белых костей. Гнили у нас не место! Я должен точно знать, на кого мы можем положиться, а кто при первом удобном случае нас продаст за тридцать сребреников. – Сталин посмотрел на сидящего напротив Путина. – Делегацию для поездки к вам мы подготовим в течение... – вождь на секунду замолчал, – ...трех суток. Обмен людьми лучше провести в другом месте, а то мой секретарь просто сойдет с ума, если ко мне в кабинет войдут одни люди, а выйдут из него совсем другие...

Берия предложил:

– Можно провести обмен делегациями в здании моего наркомата...

– Не стоит, – покачал головой Путин, – там слишком много народа, и не за всех вы, товарищ Берия, можете ручаться. Уж я-то знаю. Подберите в качестве базы какую-нибудь загородную дачу, а операцию по обмену через три дня, в полдень по вашему времени, проведем вот здесь, – на листе бумаги Путин крупными буквами написал название подмосковной деревни и показал Берии.

Лаврентий Палыч память имел совсем не девичью, и поэтому,

прочитав название, только кивнул. Можно было быть уверенным, что он запомнил эту информацию на веки вечные. Сталин же, сделал еще одну пометку на листе бумаги и удовлетворенно кивнул.

– Хорошо, товарищ Путин. А что, по-вашему, мы в СССР можем позаимствовать у такой политической системы, как ваша так называемая суверенная демократия?

– Пост Президента, – коротко ответил Путин. – Вы, товарищ Сталин, все время старались отделить партию от государства, и все время у вас это как-то не получалось. Дело в том, что так уж сложилось исторически, что на просторах одной шестой части суши обязательно должно быть Первое Лицо. Неважно, как оно будет называться: Великий князь, Царь, Император, Генеральный секретарь или Президент. Но этот человек гарант всего и вся.

Сейчас в умах советский людей вы неформально занимаете как раз эту должность. Но лишь неформально. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что если завтра провести всенародное голосование, то девяносто процентов людей скажут «Да». Страна, находящаяся под единым централизованным управлением, имеет совсем другой уровень мобилизационной готовности, чем существующая сейчас партийная система.

Кроме того, это совсем другой уровень легитимности на международной арене. Ведь одно дело – руководитель правящей партии, а совсем другое – это всенародно избранный глава государства. При этом вам никто не помешает, оставаясь лидером партии, управлять ее развитием в желательном направлении. И гораздо легче будет, в случае необходимости, обратиться напрямую к массам.

В ТОТ раз централизация полномочий прошла за счет поста генерального секретаря, которого избирал узкий круг членов Политбюро. От важнейшего вопроса определения политического руководства оказались отстранены не только беспартийные граждане СССР, но и рядовые члены самой партии. И решался этот вопрос кулуарно, в весьма узком кругу высших партийных бонз. Чем все это закончилось, вы уже знаете.

Сталин и Берия еще раз переглянулись. Потом вождь сделал какую-то пометку у себя на листе бумаги и три раза ее подчеркнул.

– Мы обдумаем ваши слова, товарищ Путин, – сказал Сталин после минутной паузы, – но, как вы верно заметили в самом начале нашего разговора, все остальное уже наше внутреннее дело.

– Разумеется, товарищ Сталин, – сухо кивнул российский президент.

– Вот и хорошо, – сказал Сталин, – с «дружбой» мы как будто разобрались, и в этом понятии нас пока все устраивает. Теперь, товарищ

Путин, давайте перейдем к «торговле»...

Российский президент кивнул.

– Российская Федерация готова поставить быстрорастущей советской экономике любые товары, начиная от сталей, в том числе и специальных марок, алюминия, синтетического каучука, всех видов минеральных удобрений и заканчивая производственным оборудованием всех видов, тракторами, грузовым и легковым автотранспортом двойного назначения, железнодорожными локомотивами...

– Товарищ Путин, в общем, все понятно, – сказал Сталин, делая пометки у себя в блокноте. – Есть мнение, что окончательно и в полном объеме уточнить этот вопрос должна будет делегация, которую мы к вам направляем. Как мы понимаем, платить СССР придется золотом?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул Путин, – кроме золота, нас интересуют алмазы, бриллианты, редкоземельные металлы, меха и другие предметы роскоши. Только, делая свои расчеты, имейте в виду, что за то же золото вы, в ближайшие как минимум полвека, ничего подобного по качеству не сможете купить ни в Германии, ни в Америке.

– Об этом мы поговорим, когда вернется побывавшая у вас наша делегация, – не поднимая головы, сказал Сталин, делающий все новые отметки на листе бумаги. – Мы еще подумаем, кого сможем послать для выполнения этой ответственной задачи. – Сталин, наконец, закончил писать и посмотрел на Путина. – Скажите, а почему среди перечисленных вами позиций для торговли нет военной техники и вооружений?

– Товарищ Сталин, – сказал Путин, – дело в том, что оружие и боевая техника у нас будут проходить по статье «коллективная оборона», и, в отличие от товаров народно-хозяйственного назначения, будут поставляться на условиях: 35 % предплата и 65 % в рассрочку – до окончательного разгрома фашистской Германии. Чтобы вы имели общее представление, – Путин взял в руки свой рабочий блокнот, – скажу, что к поставке намечается: примерно 2000 танков, вооруженных пушкой 105-мм, 1500 танков вооруженных пушкой 115-мм, 1000 танков, вооруженных пушкой 125-мм. Бронирование всех этих танков в лобовой проекции способно успешно противостоять всем имеющимся в вермахте средствам ПТО, включая 88-мм зенитки. Разница между ними только в том, что после 105-мм снаряда любой немецкий танк просто превратится в металлолом, а после снаряда в 125-мм его разнесет на куски.

Кроме танков, в поставки включены плавающих 10 000 бронетранспортеров и боевых разведывательно-дозорных машин, вооруженных зенитными пулеметами калибра 12,7- и 14,5-мм, и 5000

плавающих боевых машин пехоты, вооруженных 73-мм орудиями, и в ваше время способных на поле боя выступать в качестве среднего танка. Артиллерия представлена 500 самоходными орудиями калибра 152-мм, 750 реактивными системами залпового огня калибра 122-мм с 40 направляющими на каждой машине, 1500 самоходными и 3000 буксируемыми артиллерийскими орудиями калибра 122-мм.

Часть вооружений по нашим чертежам придется произвести на советских заводах. Это 400 из 650 100-мм противотанковых пушек МТ-12, и 1900 из 2300 120-мм полковых минометов. Средства ПВО будут представлены 1100 единиц четырехствольных пушечных самоходных установок калибра 23-мм и 1300 единиц войсковых зенитных ракетных комплексов.

Для снабжения всей этой группировки топливом и боеприпасами она будет укомплектована 13 000 грузовых автомашин-вездеходов грузоподъемностью в 5 и 8 тонн. Все это тяжелое вооружение рассчитано на формирование шести механизированных и трех мотострелковых корпусов, из которых могут быть сформированы три ударных армии, общей численностью в двести – двести пятьдесят тысяч человек.

Кроме того, мы предлагаем взять на себя организацию обучения и подготовки личного состава этих армий, включающей интенсивную полугодовую боевую учебу для отработки боевых навыков на самом высоком уровне. В порядке коллективной обороны мы готовы выставить против фашистской Германии Экспедиционный корпус численностью примерно в 50 000 тысяч бойцов и командиров и оснащенный боевой техникой аналогично вышеозначенным ударным армиям.

После последних слов в воздухе повисла тишина. Российский президент сказал все, что хотел и что мог, а вождь СССР погрузился в раздумья. Потом он сделал несколько пометок на листе бумаги и медленно произнес:

– Есть мнение, что мы можем взять все сказанное здесь и сейчас за основу в переговорах. Товарищ Путин, у вас не будет возражений, если мы пошлем в качестве главы военной части советской делегации маршала Шапошникова, Бориса Михайловича, а в качестве специалиста по экономическим вопросам, известного вам товарища Косыгина Алексея Николаевича?

– Нет, товарищ Сталин, – сказал Путин, – возражений не будет. Я надеюсь, что и остальные члены советской делегации тоже будут соответствовать уровню этих переговоров. Как я понимаю, на сегодня у нас всё?

– Да, товарищ Путин, всё, – кивнул Сталин. – Нам нужно о многом подумать. До свидания.

– До свидания, товарищ Сталин. – Российский президент сделал знак кому-то находящемуся вне пределов видимости, и межвременное окно исчезло. Взяв в руки трубку и достав из пачки очередную папиросу «Герцоговина Флор», Сталин задумчиво спросил:

– Ну, Лаврентий, и что ты об этом думаешь? Хитрит товарищ Путин или ведет дело честно?

– Не знаю, товарищ Сталин, – Берия тщательно протер платком запотевшее пенсне, – надо во всем тщательно разобраться.

– Вот и разберись, – кивнул вождь, чиркнув спичкой. – Пошли туда такого человека, который бы мог все увидеть и понять – есть ли в этом предложении хитрость, и в чем она конкретно заключается. А если тут честная игра, то мы просто не имеем права отказаться от такого шанса. Вот так, Лаврентий!

8 августа 1940 года, 16:45. СССР. Москва, Главное управление ВВС РККА

Генерал-майор авиации Георгий Нефедович Захаров спустился по ступенькам и остановился, оглядываясь по сторонам. Правую руку оттягивал тяжелый солдатский вещмешок, на опечатанной горловине которого болталась фанерная бирка с выведенной химическим карандашом надписью «43 ИАД. ген. мр. Захаров».

«Моя дивизия, – подумал генерал, взвешивая мешок, – ни начальника штаба, ни комиссара, ни летчиков, ни самолетов... Ничего нет. Но летчики и техники выпускаются из училищ, самолеты производятся на авиазаводах, начальник штаба и комиссар уже назначены на должности. Осталось малое – собрать все это вместе и создать боевое соединение».

Не имевший еще ни одного подчиненного, комдив закинул вещмешок на плечо и пешком направился в сторону гостиницы. Надо было собрать вещи, чтобы завтра, первым же поездом, выехать на аэродром Двоевка под Вязьмой, где должно было начаться формирование дивизии. Неожиданно рядом с ним на обочине затормозила «эмка», из которой вышел старший майор ГУГБ НКВД. Одернув гимнастерку, он направился к генералу.

– Захаров Георгий Нефедович? – спроси чекист, козыряя.

– Да, это я, – ответил Захаров. – А в чем собственно дело, товарищ старший майор госбезопасности?

– Вас срочно хочет видеть товарищ Берия, – вполголоса сказал старший майор ГБ, показывая генералу в развернутом виде удостоверение

порученца. – Оружия сдавать не надо, не беспокойтесь – это не арест, а чрезвычайно важное задание Родины.

Пожав плечами, Захаров сел в «эмку», пристроив вещмешок на коленях. Следом рядом с ним опустился старший майор и коротко сказал водителю:

– Домой!

К удивлению генерала, машина направилась не на Лубянку, а по Можайскому шоссе к выезду из города.

Привезли генерал-майора Захарова на небольшую загородную дачу, огороженную высоким четырехметровым забором, поверх которого была натянута колючая проволока. Во всем прочем картина была идиллическая. На веранде перед домом, за накрытым столом со стоящим посреди него огромным самоваром, сидели люди по большей части в форме старшего комсостава РККА. Некоторых них Георгий Нефедович знал. Играл патефон, народ между собой негромко говорил, отсюда не было слышно, о чем именно. Первое, что бросилось в глаза генерал-майору Захарову, это стоящий на веранде, чуть в стороне от всех этих людей, генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия, «великий и ужасный». Так же он узнал одного из первых маршалов СССР, Бориса Михайловича Шапошникова. Генерал-майор уже знал, что только на днях маршал был освобожден по состоянию здоровья от должности начальника Генштаба РККА. Еще два генерал-майора, майор НКВД, один полковник-танкист, как и четверо в штатском, были генерал-майору Захарову незнакомы.

Старший майор подошел к Берии и негромко отрапортовал:

– Товарищ генеральный комиссар госбезопасности, генерал-майор авиации Захаров по вашему приказу доставлен.

– Проблемы были? – спросил Берия, бросив на Захарова пронзительный взгляд из-под пенсне.

– Никак нет, – ответил старший майор, – товарищ Захаров с пониманием отнесся к предложению встретиться с вами.

– Это очень хорошо, – сказал Берия. – Значит, товарищу Захарову можно доверять. Проходите, Георгий Нефедович, и присаживайтесь. Вы последний, кого мы ждали. И ты, Павел, тоже садись, – обратился генеральный комиссар к своему порученцу.

– Разговор будет долгий, товарищи, и абсолютно секретный, так что наливайте себе чаю и слушайте. Дело действительно чрезвычайной важности... Случилось невероятное – два дня назад на связь с товарищем Сталиным вышли наши потомки, которые сообщили, что, несмотря на

подписанный год назад Советско-германский Пакт о ненападении, 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно нападет на СССР. Если верить этому сообщению, то война эта будет страшной. Гитлеровцы придут к нам, чтобы истребить большую часть населения СССР, а выживших сделать рабами.

Вы все тут люди военные или связаны с военной промышленностью. А потому хорошо понимаете, что наша армия к большой войне в данный момент не готова. По вполне объективным обстоятельствам не будет она готова к войне и через год. В их прошлом в войне, которая получила название Великой Отечественной, погибло 26 миллионов советских людей. Фашистская армия дошла до стен Москвы, Ленинграда и Сталинграда. И хоть война окончилась в Берлине безоговорочной капитуляцией Третьего рейха, но наши потери оказались невосполнимыми. А самое главное, за счет нашей победы и наших потерь усилились Соединенные Штаты Америки, ставшие впоследствии смертельным врагом СССР.

Вооруженное противостояние с возглавляемым американцами западным миром, которое наши потомки называют Холодной войной, в конце концов привело к экономическому истощению СССР и его распаду на независимые буржуазные государства. Это я вам говорю для того, чтобы вы не строили никаких иллюзий, в 1991 году на бывшей территории СССР произошла реставрация капитализма...

Все сидящие за столом переглянулись, такого они услышать не ожидали. Пока в воздухе висела гробовая тишина, Берия протирал пенсне. Потом оглядел притихших присутствующих и продолжил:

– Несмотря на это, руководство Российской Федерации, так там называется государство, образовавшееся из переродившейся РСФСР, предложило товарищу Сталину заключить «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», а также «Договор о коллективной обороне», нацеленные против фашистской Германии, а также, возможно, против Великобритании и САСШ.

Товарищ Сталин решил, что раз есть хоть малейший шанс, и что это предложение сделано искренне, то в свете грядущих испытаний он не имеет права отвергать такую возможность. Первым шагом при завязывании отношений будет обмен делегациями. Скоро сюда, в 1940 год, придут посланцы из Российской Федерации, а вы, товарищи, отправитесь к ним, в далекий 2017 год.

Берия криво улыбнулся:

– Это, так сказать, в год столетия Великой Октябрьской Социалистической Революции. Обмен делегациями произойдет завтра

утром, срок пребывания – от недели до десяти дней. За это время мы должны понять, какова конечная цель руководства буржуазной России и чего оно хочет в обмен на свою помощь. Также вашей делегации будет необходимо провести переговоры и определить номенклатуру и сроки поставок промышленного оборудования, транспорта, военной техники и вооружений.

Времени на раскачку у нас нет, Гитлер не будет ждать, пока мы, наконец, решим, принимать помощь от наших потомков или нет. Каждый из вас является специалистом в своей области. Поэтому у каждого из вас будет конкретное задание. Общее руководство делегацией возлагается на товарища Шапошникова, но мы к этому вопросу еще вернемся. Единственно, что скажу сразу, всех здесь присутствующих ТАМ знают как облупленных, поэтому разговор сразу должен пойти на очень серьезном уровне.

Берия поправил пенсне:

– Итак, товарищи, начнем с делегации от промышленности и ее руководителя – товарища Косыгина. В первую очередь нам необходимо прояснить возможности массовой поставки в СССР различного промышленного сырья. Нам надо знать, в каком количестве и в какие сроки ваши коллеги из Российской Федерации смогут поставить нам броневую сталь, дюралюминий, медь, латунь, синтетический каучук, химические удобрения, горюче-смазочные материалы, взрывчатку и артиллерийский порох. Также нам необходимо прояснить возможности поставки грузовых машин, железнодорожных локомотивов, тракторов и, возможно, транспортных самолетов для нашего народного хозяйства, а также отдельных узлов, агрегатов и двигателей, составляющих узкие места в нашем собственном промышленном производстве. Самый же интересный вопрос – это поставки для нашей промышленности тех видов промышленного оборудования, которые в наше время еще не созданы и не могут быть приобретены в Германии или САСШ. Занимаясь этим вопросом, вам будет необходимо дать предварительную оценку тому, во что нашей промышленности может обойтись хотя бы частичный переход на технологии будущего.

Берия сделал паузу, как бы подчеркивая важность всего вышесказанного, и спросил:

– Товарищ Косыгин, вам все ясно?

Моложавый человек в штатском, быстро записывавший за Берией в блокнот, утвердительно кивнул.

– Да, товарищ Берия, мне все ясно.

Лаврентий Павлович вздохнул и еще раз обвел взглядом присутствующих.

– Теперь, товарищи, перейдем к военным вопросам. Начнем с авиации. В прошлом потомков наша авиация в начале войны оказалась, не побоюсь этого слова, в полном дерьме. Нет, летчики были на высоте и дрались, как умели. Подвело командование. Присутствующий здесь товарищ Захаров – один из тех немногих, кто не опозорил звание советского авиационного командира.

После этих слов все присутствующие перевели взгляд на генерала Захарова, которому тут же стало несколько не по себе. Ну не клоун же он в цирке, в самом деле, и не певец на сцене, чтобы на него все так смотрели.

А тем временем Берия, как бы и не замечая этих взглядов, продолжал говорить:

– Поэтому-то сейчас здесь находится именно товарищ Захаров, а насчет некоторых других мы еще будем выяснять, что это было – отсутствие опыта, разгильдяйство или прямое предательство.

Товарищ Захаров, мы знаем, что вы – боевой летчик и грамотный командир. Мы должны знать, что именно в тот раз было сделано не так и как мы можем исправить положение. Вместе с вами этим вопросом будут заниматься наши лучшие авиаконструкторы, товарищи Поликарпов и Ильюшин. Вы должны соединить ваш опыт и их знания и талант. Мы еще не уверены, насколько мы можем рассчитывать на содействие местных товарищей. Но вы, товарищ генерал-майор, все равно попытайтесь. Нас интересуют поставки готовых боевых самолетов, моторов, которые мы сможем использовать в наших условиях, а также различного авиационного вооружения. – Берия указал на вещмешок с документами формируемой дивизии. – А мешочек свой оставите здесь, в сейфе. Когда вернетесь, надеюсь, он вам еще пригодится. Вы все поняли, товарищи?

– Так точно, товарищ Берия, – ответил Захаров, а сам подумал: «Понятно то, что ничего не понятно. Задание из серии: “Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что, но обязательно все самое лучшее”. Но, хочешь – не хочешь, а выполнять задание партии надо».

Авиаконструкторы на вопрос Берии только кивнули. У обоих было по готовому к запуску в серийное производство самолету, и оба до этого момента воспринимали эту непонятную командировку как досадную помеху. Поликарпов еще не забыл, как его фактически обокрали, пока он был в поездке по немецким авиазаводам в 1939 году. Тогда из его ведения изъяли уже готовый проект высотного истребителя И-200 и передали его вновь сформированному КБ Микояна и Гуревича. Вскоре эта машина

пошла в серию под наименованием сначала МиГ-1, а потом, МиГ-3.

У Ильюшина тоже были свои проблемы. Его, не имеющий тогда равных бронированный одномоторный штурмовик Ил-2, поднявшийся в воздух более полугода назад, никак не могли поставить на конвейер. В то же время испытанный почти одновременно с Ил-2 истребитель МиГ-1 уже производили серийно. И еще, обоим конструкторам было страшно узнать – а вдруг их машины не прошли испытания войной, и никакие они не конструктора, а абсолютные неудачники. Возможно, придется наступить на горло собственной песне и начать всю работу сначала.

– Ну, раз товарищи авиаторы все поняли, – продолжил Берия, – займемся танкистами. Наш лучший в мире танковый конструктор товарищ Кошкин тяжело болен, поэтому танковая тема ложится исключительно на плечи полковника Катукова. Наши потомки предложили приобрести у них больше двадцати тысяч единиц тяжелых и средних танков, самоходных артиллерийских и зенитных орудий, а также бронемашин.

– Товарищ Катуков, вы должны лично испытать всю ту технику, обкатать ее, пострелять, оценить боевые возможности, выяснить толщину брони и калибр орудий.

– Товарищ Берия, – поднял руку Косыгин, – извините, можно вопрос – а на каких условиях они продают нам эту технику?

– Тридцать процентов вперед, остальное после победы над Гитлером, – буркнул Берия. – Конкретную цену мы будем обговаривать, когда товарищ Катуков ощупает там каждую заклепку и каждый болт и доложит нам свои соображения.

– Ну, это, можно сказать, по-братски, – заметил Косыгин.

– Нам честно сказали, что техника не новая и нуждается в восстановлении, – сказал Берия, – но передать нам ее должны в боеготовом состоянии. Для этого и нужна предоплата. Финансовое положение тамошнего государства, как я понимаю, не из лучших. Любые новые изделия, поступающие прямо с завода, мы должны будем оплачивать сразу, на все сто процентов. Но, как нам прямо было заявлено, ТУТ мы ничего подобного не купим.

Кстати, кроме танков, нам должны поставить стрелковое оружие для примерно двухсот тысяч бойцов. По ИХ словам – самое лучшее в мире. Автоматические и снайперские винтовки, ручные и станковые пулеметы, гранатометы и огнеметы. Товарищ Симонов, тут вам карты в руки. Так же, как товарищ Катуков с танками, а товарищ Захаров с самолетами, вы должны изучить вопрос досконально. У нас нет ни одного грамма лишнего золота, но если это оружие действительно уникально и поможет нам

разгромить Гитлера, то тут никаких денег не жалко.

Лаврентий Берия поправил пенсне:

– Теперь самое главное. Товарищ Шапошников, вам предстоит выяснить где, кого и какими силами нам предстоит отражать. Постарайтесь понять – не могут ли фашисты напасть чуть раньше или же позже. Ведь своей подготовкой к отражению агрессии мы можем их насторожить, и тогда они либо затаятся, либо кинутся на нас немедленно. Войны они ни в каком случае не выиграют, а вот лишней крови наших людей может пролиться немало.

Также нам обещали провести обучение тех частей, которые получают их технику. Так что, товарищ Шапошников, вы еще должны выяснить, где и на каких условиях будет проводиться это обучение. На этом все, товарищи, поскольку присутствующие здесь майор НКВД Судоплатов и старший майор НКВД Архипов свою задачу уже знают.

Берия немного помолчал, потом добавил:

– Вопросы будут, товарищи?

Все молчали, понимая, что это именно они должны будут привезти из этой командировки ответы на множество вопросов, как уже заданных, так и еще нет, и что товарищ Сталин, который, несомненно, лично курирует ход дела, уже, возможно, имеет какую-то информацию, которую им не сообщили за ненадобностью или из-за ее высокой секретности.

Присутствующие сейчас на этой даче еще не знали, что в Москву уже срочно вызваны Королев, Глушко, Курчатов, Харитон, что арестованного в Черновцах по ложному обвинению Николая Вавилова вместо Лубянской тюрьмы привезли пока на такую же закрытую дачу и поместили в почти санаторных условиях. Старший майор НКВД Архипов, кроме всего прочего, имел также задание выяснить у коллег из будущего все подробности этого и других громких дел.

Неизвестно было этим людям и о том пристальном интересе, который у товарища Берия вдруг стал вызывать первый секретарь ЦК КПУ товарищ «Х», а также все его ближайшее окружение.

Не дождавшись вопросов, Берия встал из-за стола.

– Ну, если вопросов нет, товарищи, тогда отдыхайте, комнаты для вас уже приготовлены. Отправка вас на ту сторону состоится завтра рано утром, так что постарайтесь лечь пораньше. А теперь, извините – дела.

Быстро со всеми попрощавшись, Лаврентий Павлович сел в машину и укатил в неизвестном для обитателей дачи направлении. Слишком много на него свалилось таких специфических дел, что нельзя доверить никаким помощникам. А что начнется, когда из будущего вернется посылаемая туда

делегация? Хотя специально на этот случай вводи в сутки пару дополнительных часов.

9 августа 1940 года, 06:35. СССР. Подмосковье, Спецдача НКВД

Членов советской делегации разбудили еще до рассвета. Завтрак на скорую руку: вареное вкрутую яйцо, чай с белым хлебом и сливочным маслом. И вот уже делегатов ждет чихающий сизым выхлопом штабной автобус.

Генерал Захаров вспомнил свой отъезд в Испанию. Тогда все было примерно так же, да только не совсем так. Хотя определенный мандраж и присутствовал, но загадочное будущее пугало и манило одновременно. В Испании он знал, чего ему и его товарищам стоит ждать со стороны итальянских и немецких оппонентов. Тут же все было абсолютно непредсказуемо.

Вчера вечером он поговорил с Поликарповым и Ильюшиным. По обоюдному уговору, не касаясь конкретики, они обсудили дальнейшее развитие советской авиации. Стандартную формулу тактики воздушного боя – «высота, огонь, маневр» – требовалось наложить на стратегическую формулу войны в воздухе – «выше, дальше, быстрее». А вот с этим получалось плохо. Сверхманевренный самолет получался очень строгим в управлении, а при увеличении скорости на особо резких эволюциях истребителей пилоты теряли сознание от отлива крови от головы, вызванного сильными перегрузками. Кроме того, отставало авиационное двигателестроение. Пока на советских заводах осваивали производство очередных лицензионных копий «Испано-Сюизы» или «Райт-Циклона», западная конструкторская мысль шла все дальше и дальше, и советским конструкторам опять приходилось ее догонять.

Казалось, что еще совсем недавно, в начале 30-х годов, авиадвигатели мощностью в 1000 лошадиных сил ставили только на рекордные гоночные самолеты. Но прошло совсем немного времени, и они стали обыденностью, чуть ли не вчерашним днем. Сегодня авиаконструкторы требовали моторы мощностью в 1500 лошадиных сил, а завтра потребуют еще больше – 2000 лошадиных сил или даже выше. В погоне за мощностью конструкторы авиадвигателей увеличивали наддув, повышали степень сжатия и требования к октановому числу бензина. Но, несмотря на все ухищрения, авиамоторы набирали вес, который составлял до одной трети от массы самолета-истребителя.

Проблемы советской авиации также состояли в недостаточном производстве «крылатого металла», из-за чего в конструкции самолетов

приходилось использовать куда более тяжелое дерево. Да и с вооружением было не все так просто. Часто случалось так, что, даже расстреляв весь боекомплект, советский истребитель, вооруженный пулеметами винтовочного калибра, не мог сбить один «юнкерс» или «хейнкель». Короче, разговор вышел невеселым.

Что касается генеральской части делегации, то генштабисты, маршал Шапошников и генерал-майор Василевский, были буквально шокированы заявлением Берии о том, что в начальный период войны Красная Армия потерпит поражение, а немцы дойдут до Ленинграда, Москвы и Сталинграда. Они, конечно, знали, что «не все ладно в датском королевстве», но при самом скверном развитии событий все же надеялись на то, что отступить придется до старой границы, в крайнем случае – до Днепра и Западной Двины. А тут позор, которого не знала даже царская армия во время Первой мировой.

Что же касается Константина Константиновича Рокоссовского, то он, как командир, чья служба целиком и полностью протекала в войсках, куда лучше, чем работники Генштаба, знал, во что для Красной Армии вылилось дело Тухачевского и последовавшая за ним вакханалия арестов и расстрелов. Черт с ним, с самим Тухачевским и его высокопоставленными подельниками. Они-то, вероятно, вполне заслуженно получили свою пулю в затылок.

Но, в попытке раскрыть не существующий заговор непосредственно в войсках, ежовские держиморды сильно переусердствовали с поисками черной кошки в темной комнате. Маленький нюанс. С 1936 года в Красной Армии не проводилось не только окружных или армейских маневров, но даже полковые или батальонные были редкостью. Все зависело от личности командира. Если он сам был деятельный и больше думал о боеготовности, чем о карьере, то тогда его часть или соединение находились в более или менее приличном состоянии. Если же нет, то тогда все рушилось после первого же толчка. Финская война вывернула наизнанку все грязное белье, показала пороки и недостатки РККА. Но все равно по большому счету состояние дел в армии улучшалось слишком медленно.

Танкист Катукон и оружейник Симонов, каждый по-своему, пытались представить себе оружие будущего. Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Катукон еще ничего не знал про Т-34 и лишь краем уха слышал про КВ. А Симонов пока даже и не догадывался о промежуточном патроне.

Что же касается чекистов, то они даже ничего и не пытались

вообразить. Госбезопасный ум отличается от ума сотрудников других государственных служб строгой конкретикой. В этом смысле старшего майора госбезопасности Архипова в будущем интересовали выявленные историей внутренние враги Страны Советов, окопавшиеся на различных уровнях партийной и государственной иерархии. А майор госбезопасности Судоплатов жаждал выяснить фамилии и адреса тех зарубежных граждан, которые в не столь далеком будущем станут для СССР опасными внешними врагами. Ну, это, чтобы в нужный момент подарить фигуранту коробочку конфет или подослать к нему визитера с ледорубом под полость.

Лаврентий Берия подъехал на своей «эмке» как раз в тот момент, когда все уже позавтракали, собрали вещи и были готовы к путешествию в будущее.

Поздоровавшись с Борисом Михайловичем Шапошниковым, он посмотрел на выстроившихся у автобуса военных и гражданских. В руках они держали небольшие желтые кожаные чемоданчики, трофеи состоявшегося год назад польского «освободительного похода». Одобрительно хмыкнув, Берия махнул рукой.

– Товарищи, партия и правительство посылают вас в разведку, если не на враждебную, то на чужую территорию. Товарищ Сталин верит в вас, и он просил вас передать, что от вашего успеха или неуспеха зависит многое, если не все.

Тем временем водитель Берии вытащил из «эмки» небольшой, но тяжелый черный чемоданчик и передал его Косыгину.

– Товарищ Косыгин, – сказал Берия, – здесь десять килограммов золота в слитках, а также царских и советских золотых монетах. Это вам всем в качестве своего рода командировочных расходов. Бедную Лизу из себя там не изображать, но и не шиковать. Чтоб все были устроены, накормлены, напоены. Вернетесь – отчитаетесь, – генеральный комиссар госбезопасности посмотрел на часы и махнул рукой. – Отправляемся, товарищи! Время!

«Эмка» наркома внутренних дел и автобус с делегацией проехали условленную деревню и въехали на лесную просеку. Прилегающий к месту перехода в будущее квадрат леса был плотно оцеплен людьми в фуражках с васильковыми околышами. Никаких грибников-ягодников и прочих праздношатающихся личностей там быть не должно.

Проехав по просеке еще метров пятьсот, «эмка» и автобус прижались к обочине и остановились. В воздухе застыло напряженное ожидание. Лишь только лесные птицы чирикали о чем-то своем, о пернатом.

Внезапно перед ними, прямо по оси просеки, в воздухе повис

сияющий нестерпимым блеском сгусток света, размером примерно с куриное яйцо. Берия не спеша вышел из машины. Повисев с полминуты, яйцо вдруг развернулось в арочный проем на ширину всей просеки, достаточный для того, чтобы через него мог проехать паровоз или тяжелый танк. Из проема дохнуло тьмой и холодом, будто распахнулась дверь в огромный холодильник. В воздухе закружились облака холодного тумана, скрывающего противоположную сторону портала. Мгновение спустя из этих белесых клубов высунул заиндевелую морду... Нет, не танк, а огромный, больше любого существовавшего в тридцатые-сороковые годы, грузовик. Полностью проехав в сороковой год, окрашенная в цвет хаки тяжелая машина остановилась, тихо урча двигателем.

Со звучным щелчком распахнулась дверь с правой стороны кабины, и на землю лихо прыгнул человек неопределенного возраста, одетый в камуфляжную форму без знаков различия. Одернув китель, он направился к вышедшему из машины Берии и отпартовал:

– Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, группа специалистов для оказания военно-технической помощи СССР в сфере разведывательной и контрразведывательной деятельности прибыла. Старший группы полковник ГРУ ГШ Омелин.

– Вольно, товарищ полковник, – кивнул Берия и с интересом спросил: – А что у вас в машине?

– Спецоборудование, товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, – ответил полковник Омелин и махнул рукой в сторону проема. – Мы к вам все-таки не с пустыми руками явились, и это еще не все. Разрешите ввести на вашу сторону всю колонну?

– Вводите, товарищ Омелин, – сказал Берия, и полковник Омелин махнул рукой, показывая водителю грузовика, чтобы он проезжал дальше.

С тихим урчанием машина тронулась с места. Вслед за ней с той стороны въехали одна за другой еще две таких же армейских с виду машины. И огромный автобус с эмблемой германской фирмы «Мерседес» на решетке радиатора, раскрашенный в попугайно-яркие цвета, типа какой-то частной туристической компании. Устало вздохнула пневматика, и автобус широко распахнул свои двери. Из него один за другим вышло с дюжину «военных специалистов» в такой же, как на полковнике, камуфляжной форме.

Омелин бросил быстрый взгляд на стоящих чуть в стороне членов советской делегации и, как отметил Берия, тут же «срисовав» ее состав, чуть заметно улыбнулся.

– Командуйте, товарищ генеральный комиссар госбезопасности, –

сказал он, – транспорт ждет. Не стоит долго держать портал открытым – наши супостаты могут засечь со спутника большую утечку тепла и заинтересоваться ее причиной.

Берия махнул маршалу Шапошникову рукой, указывая на диковинный автобус, и советская делегация гуськом потянулась на посадку. Вздохнули, закрываясь двери, и, заурчав двигателем, автобус понемногу стал пятиться в тот же морозный туман, из которого только что выехал. Вот в густых белых клубах скрылся бампер, еще с полминуты, и негромкий хлопок возвестил о закрытии портала. Туман рассеялся, и лишь покрытые мелкой водяной изморосью кусты и деревья, и начинающиеся как бы ниоткуда отпечатки огромных протекторов могли сказать, что тут произошло нечто экстраординарное. Но и этим следам оставалось существовать весьма недолго. Кусты и деревья вскоре высохнут под жарким августовским солнцем, а автомобильные следы на просеке заметет полуторка с привязанными к ней сзади несколькими молодыми березками. И снова все в подмосковном лесу станет, как и прежде.

– Товарищ Омелин, – сказал Берия пришельцу из будущего, – мы уже подготовили здесь, неподалеку, базу для нашей совместной работы. Так что скажите водителям грузовиков, пусть следуют не отрываясь за моей «эмкой», а ваши люди пусть садятся в наш автобус. Лично же вас, товарищ Омелин, я попрошу ехать до места в моей машине. Поговорим с вами по дороге, так сказать, в неофициальной обстановке.

– О чем будем говорить, товарищ Берия? – спросил полковник, садясь в машину Берии на заднее сиденье.

– О грядущей войне, – ответил Берия, устраиваясь рядом, – о Победе, о ядерной угрозе, о Холодной войне, о Разрядке, о Перестройке, ну и о том, как так получилось, что СССР исчез, а РСФСР превратился в Российскую Федерацию. Поговорим пока неофициально, товарищ полковник, без протокола.

9 августа 1940 года, 09:25 / 27 февраля 2017 года, 08:35. Российская Федерация, Подмосковье

Поднявшийся первым в салон странного двухэтажного автобуса маршал Шапошников с интересом осмотрелся по сторонам. Все видимое и осязаемое им здесь не было похоже ни на что ранее знакомое. Он принялся. Да и запахи, царящие внутри, были отнюдь не советскими, и даже не старорежимными. Пахло не сказать, чтобы плохо, но не пойми чем. А вот встречавший их в салоне автобуса немолодой человек с короткой седоватой бородой являл собой эклектическое смешение стилей.

На нем было такое же пятнистое одеяние, как и на тех командирах, что только что покинули этот автобус. И еще – на его плечах красовались матерчатые погоны без просветов и четырьмя маленькими золотистыми звездочками. И хотя никаких эмблем и нашивок на его форме не было, по характерному поведению и отечески внимательному взгляду чуть прищуренных глаз можно было сделать вывод, что сей командир принадлежит к наркомату, которым в их времени заведует Лаврентий Павлович Берия.

– Проходите, Борис Михайлович, – сказал этот странный человек, указывая внутрь салона, – и присаживайтесь. Я капитан государственной безопасности Князев Александр Павлович, буду, так сказать, вашим проводником по всем семи кругам нашего ада.

«Вообще-то четыре звездочки на погонах “по-старому” обозначали штабс-капитана, – подумал Шапошников, – звание на одну ступень ниже. Я и сам когда-то носил такие погоны в свою бытность штабс-капитаном царской армии. Но другие времена, другие нравы, – пожал он плечами, устраиваясь в мягком кресле с высоким подголовником, – Только вот к чему это упоминание о Вергилии?»

Тем временем члены советской делегации один за другим поднимались в салон. Последним в череде путешественников во времени был старший майор госбезопасности Архипов. Два чекиста из прошлого и будущего на мгновение скрестили свои взгляды и понимающе слегка кивнули друг другу. Двери со вздохом захлопнулись, и огромная машина стала потихоньку сдавать задним ходом туда, откуда недавно выкатилась.

Когда автобус въехал в туманную тьму, все находившиеся внутри напряженно замерли, вглядываясь в мгновенно запотевшие стекла. По ту сторону барьера тоже был лес и просека, только не залитые летним солнцем, а погруженные во тьму и засыпанные снегом. Точно так же стояли в оцеплении солдаты, только одетые не в гимнастерки и пилотки, а в полушубки и шапки-ушанки. У этих солдат Симонов впервые увидел оружие будущего – брошенные за спину короткие карабины, или пистолеты-пулеметы, со складными прикладами и длинными изогнутыми магазинами. Еще немного попятившись, автобус остановился. Слабое голубое сияние впереди погасло, клубы пара совершенно рассеялись. Человек в пятнистом одеянии взял у водителя необычайно компактный микрофон, черный витой провод которого уходил в кабину.

– Уважаемые товарищи, – сказал он, и его голос громко прокатился по салону, – приветствую вас в XXI веке. Меня зовут Князев Александр Павлович, я – капитан государственной безопасности, и назначен я

временным куратором и, так сказать, экскурсоводом вашей делегации. Прошу сверить часы, сейчас у нас 27 февраля 2017 года, московское время 8 часов 42 минуты утра. Температура за бортом минус пятнадцать градусов.

Итак, товарищи, план такой. Сначала у нас с вами запланирована небольшая культурная программа, затем вы встретитесь с нашим президентом, Владимиром Владимировичем Путиным. Ну, а уже потом, мы непосредственно и займемся той работой, ради которой вы сюда прибыли.

– Скажите, э-э-э, товарищ Князев, – сказал маршал Шапошников, – а можно обойтись без культурной программы? – он на секунду задумался. – Или к вам лучше обращаться «господин Князев»?

– Нет, товарищ маршал, – ответил капитан госбезопасности, – ко всем, кто носит погоны, надо обращаться «товарищ». Во всяком случае, именно так говорится в Уставе внутренней службы. А господа у нас Родину защищать не рвутся. И не смотрите вы так на мои погоны, Борис Михайлович, в вашем прошлом они были восстановлены в Красной Армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР 1 февраля 1943 года после одной крупной победы над немецко-фашистскими захватчиками. Так что большинство из здесь присутствующих будут эти погоны носить в вашем будущем. Без культурной же программы, Борис Михайлович, нам не обойтись. Приедем на место, сами поймете почему. Еще вопросы будут? Нет?

Капитан Князев повернулся к водителю и просто сказал:

– Вася, поехали!

Автобус плавно тронулся с места и, набирая ход, проехал через то место, где только что были ворота в 1940 год. У обочины просеки стояло несколько больших грузовиков, весьма похожих на те, что недавно въехали в прошлое, и люди в спецовках воентехников сматывали кабеля и грузили в кузова машин какую-то аппаратуру.

Чуть дальше у обочины стоял броневик непривычного вида с восемью огромными колесами, вооруженный то ли мелкокалиберной пушкой, то ли крупнокалиберным пулеметом. Возле него несколько солдат переминались на морозце с ноги на ногу.

Выехав с просеки, автобус свернул на пустынную сельскую дорогу, миновав которую, выехал на шоссе Москва – Минск. Такого товарищи в свое время не видали даже в Европах. Широкое шоссе из восьми полос было заполнено сплошным потоком спешащих куда-то автомобилей. Огромные тягачи, с прицепами, напоминающими железнодорожный вагон, такие же гигантские автобусы, как и тот, на котором ехали они сами. А

самое главное, по шоссе неся поток легковых автомобилей всех видов и размеров. И все эти автомобили, и малютки, в которые можно засунуть только японца, сложив его вдвое, и огромные, как танки, автомастодонты, были аляповато раскрашены в яркие попугайные цвета, и неслись по бетонке, поднимая за собой снежные вихри, с огромной, чуть ли не самолетной скоростью. Вот в эту-то железную реку, стремящуюся по направлению к центру столицы, и влился их автобус, взревев мотором во всю глотку и показав гостям XXI века, что есть по-настоящему быстрая езда.

Вот остались позади дорожные указатели: «Кубинка», «Краснознаменск», «Внуково». Справа, привлекая к себе всеобщее внимание, в светлеющем предутреннем небе низко пролетел, сияя навигационными огнями и светом иллюминаторов, огромный четырехмоторный самолет с горбом над фюзеляжем. Прямо на глазах гостей из прошлого из его брюха полезли, растопыриваясь в стороны, лапы-шасси с множеством колес.

Не успели гости оправиться от впечатлений, вызванных этим явлением, как впереди, подобно горному массиву поднялась Москва XXI века. Можайское шоссе – капитан Князев сказал, что теперь оно называется Кутузовским проспектом – прямое, как стрела, вело их прямо к центру главного города России. Кое-что из Москвы 1940 года гости, конечно, узнали. Но в основном от этой поездки у них осталось гнетущее впечатление, как от путешествия по дну горного ущелья.

Несмотря на столь ранний час, улицы были буквально забиты транспортом, в основном легковыми машинами. Было совершенно непонятно, какая надобность заставляет людей кружить по городу в такую рань.

Вот позади уже остались Москва-река и Садовое кольцо, и впереди показались башни Кремля, по-прежнему увенчанные красными звездами.

Немного не доезжая до Красной площади, автобус начал замедлять ход и остановился напротив необычного монумента. Каменное знамя с навершием из серпа и молота, брошенное на гранитный парапет, солдатская каска с пятиконечной звездой, из бронзовой звезды посреди гранитной площадки рвутся в небо языки пламени. И надпись: «1941–1945. Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». И, несмотря на зиму, вокруг этого монумента лежит множество живых цветов.

– Приехали, товарищи! – неожиданно хриплым голосом сказал капитан Князев – Это Могила Неизвестного солдата – главный памятник ТОЙ войны. Это памятник той огромной цене, которая была заплачена за

Победу. Хотя для Победы никакая цена не велика. Это памятник той цене, в которую обошлось неумение, разгильдяйство, халатность, трусость, предательство одних, и мужеству, героизму, самопожертвованию и искупительной жертве других. Никто из здесь присутствующих не погиб на той войне. Товарищи Василевский и Рокоссовский, командуя фронтами, закончили войну маршалами, товарищ Катуков, в звании генерал-полковника, командуя Первой гвардейской танковой армией, брал Берлин. – У капитана перехватило горло, и он указал в конец автобуса, где на задних сиденьях лежали накрытые красной тканью какие-то свертки. – Товарищи, если кто желает, может возложить цветы к памятнику павшим советским воинам. Победа в ТОЙ войне это наше Всё.

Немногочисленные в этот час прохожие могли наблюдать удивительное зрелище, как из ярко размазанного туристического автобуса с букетами в руках вышла группа людей, одетая в летнюю форму старшего комсостава РККА и старомодные штатские костюмы. Они возложили к Вечному огню живые цветы и немного постояли в молчании на ледяном февральском ветру. Потом в таком же полном молчании вернулись в автобус, и он снова повез их в обратном направлении, к выезду из Москвы. Только сейчас их миссия действительно началась по-настоящему...

27 февраля 2017 года, 10:35. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Тихо урча дизелем, автобус въехал на территорию госдачи и остановился у парадного подъезда. Президент сам, с непокрытой головой, вышел встречать дорогих гостей, одетый лишь в легкую кожаную куртку и знаменитую водолазку. Как радушный хозяин, попросив всех пройти в дом, он по очереди поздоровался со всеми прибывшими, начиная с маршала Шапошникова и заканчивая старшим майором Архиповым, скромно пристроившимся позади всех. Но, несмотря на это невинное ухищрение, анонимный агент кровавой гэбни был тут же, наряду с Павлом Судоплатовым, вычислен, опознан и взят под особое наблюдение. Что сделаешь – ушлые ребята из ФСО тоже не привыкли даром есть свой хлеб.

В той же самой комнате, где полтора месяца назад решалась судьба проекта «Гроза плюс», советскую делегацию ожидали и прочие официальные лица. Военных представляли министр обороны Шойгу, начальник Генштаба генерал-полковник Герасимов и бывший командующий ВДВ генерал армии Владимир Шаманов, уже назначенный

командующим формируемого на основе 41-й армии Экспедиционного корпуса. Цели и задачи этого нового соединения для широкой публики были сформулированы пусть туманно, но недвусмысленно: «Защита национальных интересов Российской Федерации, путем применения вооруженной силы в мирное время за пределами национальных границ».

Необходимость применения этой самой вооруженной силы в отдельных случаях была очевидна всем, кроме самых отъявленных евролибероидов. Уж слишком много развелось в мире разных отморожков, нагло творивших произвол под прикрытием фигового листка своего национального суверенитета. Ну, не объявлять же России войну Сенегалу из-за нагло захваченного в международных водах российского траулера. Или Таиланду из-за выданного американцам очередного российского гражданина. Или Камбодже из-за очередного жулика, которого не принял даже родной Израиль, и нашедшего убежище в этом райском уголке. Или нигерийским повстанцам и сомалийским пиратам из-за неуважения к российской собственности и неприкосновенности российских граждан. Зачем? После того, как Экспедиционный корпус пару раз восстановит справедливость, действуя по тем же «понятиям», что и противоположная сторона, все будут дышать ровно и смотреть в другую сторону. Ибо еще с достославного августа 2008 года мир усвоил – дядя Сэм никогда не вступится за своих «шестерок».

Но мы отвлеклись. На самом же деле этот Указ был всего лишь одним из элементов операции прикрытия, обеспечивающим легализацию подготовки к операции «Гроза плюс», а задачи корпуса были куда шире официально объявленных, и его численный состав и вооружение куда значительнее, чем было принято считать.

Гражданских на этой встрече со стороны РФ представлял Дмитрий Рогозин. Ему уже было известно, какую тяжелую артиллерию в лице товарища Косыгина выкатил против него товарищ Сталин. Кроме того, по старой памяти на Дмитрия Олеговича возлагалась организация технического сотрудничества между оборонными комплексами СССР и РФ. А это еще та задачка.

К 1940 году СССР еще не до конца преодолел проклятье массовой неграмотности основной части населения, довлевшее над Российской империей. Это сейчас число мест в вузах едва ли не превышает число выпускников средних школ. А тогда, перед войной, выпускник семилетки (неполное среднее) котиrowался чуть ли не как инженер. Ну, а имеющий высшее образование вообще был на положении кандидата наук.

В конце концов, выпускники этих самых семилеток, окончившие

впоследствии трехмесячные лейтенантские курсы, сумели выиграть самую страшную войну в истории человечества. Они прошли с боями от Бреста, через Сталинград, до Берлина. Но какой ценой это все было достигнуто! Короче, этим товарищам – тем, что оставались на трудовом фронте, и тем, что должны были взять в руки оружие из будущего, надо было «учиться, учиться и еще раз учиться своему делу настоящим образом». А времени на это оставалось совсем в обрез.

– Садитесь, коллеги, – президент Путин показал рукой в сторону стола, – обстановка такова, что времени на долгие разговоры уже нет. Считайте, что враг уже у ворот, а нападение может произойти даже раньше, чем оно случилось в нашей истории.

Маршал Шапошников удивленно приподнял одну бровь.

– Так война может начаться и раньше 22 июня? Поясните, пожалуйста, поподробнее, товарищ...

– Путин Владимир Владимирович, – ответил легендарному маршалу хозяин кабинета. – А поподробнее вам объяснит ваш коллега и, можно сказать, наследник, начальник Генерального штаба, генерал-полковник Валерий Герасимов.

– Кхм, – сказал Валерий Васильевич, глядя на сидящих напротив него «легендарных». – Видите ли, товарищи, первоначально начало операции «Барбаросса» было назначено Гитлером на 10 мая уже известного вам года. Но весной 1941 года Муссолини увяз в Греции, как муха в патоке, а в Югославии произошел проанглийский военный переворот. Отложив вторжение в СССР, Гитлер перебросил часть своих сил на Балканы, что дало Красной Армии выигрыш времени в один месяц до наступления холодов.

На момент вторжения на территорию Советского Союза в вермахте отсутствовали средства ведения войны в зимних условиях, то есть зимнее обмундирование и снаряжение, смазка для оружия и механизмов, присадки к синтетическому топливу. Соответствующим образом были экипированы только горные егеря генерала Дитля, дислоцированные в Норвегии, которые должны были действовать против Мурманска. Если мы будем готовиться к 22 июня, а немцы нападут 10 мая, то получится, как в известной у нас поговорке: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». Какой бы план мы с вами ни разработали, он должен быть готов для исполнения к началу мая.

Генерал-полковник расстелил на столе огромную простыню карты.

– Вот смотрите, товарищи, план «Барбаросса», в том виде, в каком он был утвержден в нашем прошлом. Основные силы вермахта в составе 2-й и

3-й танковых групп и двух полевых армий сосредоточены в группе армий «Центр», наносящей главный удар по кратчайшему расстоянию на Москву. Фланговые группы армий «Север» и «Юг» имеют в своем составе по одной танковой группе и две полевые армии. Они наносят вспомогательные удары, соответственно, на Ленинград и на Киев. Основной задачей немецких войск по этому плану является окружение и уничтожение основных сил Красной Армии западнее Днепра и, в течение последующих шести недель, выход немецких войск на линию «А – А» – Архангельск – Астрахань, на чем, как считают немецкие стратеги, война и будет закончена.

– Наполеон тоже так считал, – твердо сказал Шапошников.

– Коллеги, – сказал Путин, – перед нами сейчас не Наполеон, который и сам не знал, зачем он полез в Россию, как перед этим он не знал, какого черта его понесло в Египет. Перед нами Гитлер – человек-зверь, да простят меня дикие животные за такое сравнение. Он с самого начала провозгласил своей задачей борьбу с жидобольшевизмом, уничтожение неполноценных народов и отвоевание для арийской расы жизненного пространства на Востоке. Переубедить его, коллеги, можно только одним способом – взяв за шиворот и посадив в клетку. Постарайтесь отнестись к этому вопросу максимально серьезно, речь пойдет о жизни и смерти нашего народа.

– Что вы конкретно готовы предложить? – на правах руководителя делегации спросил маршал Шапошников.

– Мы предлагаем вам совместно выступить против фашистской Германии, – ответил президент России. – Кроме Экспедиционного корпуса, который будет участвовать в сражениях с первого дня войны на самом главном, центральном, направлении, Российская Федерация предлагает сформировать, вооружить и обучить ударную группировку численностью около двухсот пятидесяти тысяч штыков, при четырех тысячах танков, пяти тысячах гусеничных боевых машин пехоты и десяти тысячах колесных броневых автомобилей высокой проходимости.

Президент кивнул в сторону своих генералов.

– Как говорят специалисты, совместной ударной группировки, при ее надлежащем обучении, вполне хватит на то, чтобы, измотав германскую армию вторжения в приграничном оборонительном сражении на заранее подготовленных естественных рубежах, несколькими решительными контрударами расчленив ее, окружить и полностью уничтожить. Ну, а потом мы хотим предложить советскому командованию своего рода «контрблицкриг» – в течение двух-трех месяцев последовательных наступательных операций выйти на рубеж атлантического побережья

Европы. Вам всем будет предоставлена возможность лично ознакомиться с образцами предлагаемого к поставке вооружения и боевой техники, от стрелкового оружия до тяжелых танков и боевых самолетов, и убедиться в их высочайших боевых возможностях. А поскольку, как говорил Суворов, воюют не числом, а умением, то мы покажем вам и те полигоны, на которых будет вестись обучение.

– Скажите, – спросил генерал-майор Захаров, – а нам на вооружение поступят ваши самолеты?

– Наверное, что-то поступит, но в весьма ограниченном количестве, – ответил Президент. – Вашим летчикам будет сложно освоить нашу реактивную технику в столь сжатые сроки, да и к тому же отсутствуют достойные цели для столь скоростной авиации. – Путин кивнул каким-то своим мыслям и улыбнулся. – Вам, Георгий Нефедович, будет предоставлена возможность объездить каждого нашего небесного скакуна, сначала на наземном тренажере, потом в небе под руководством опытного инструктора. Я думаю, вы лично убедитесь в правоте моих слов. С авиацией вопрос вообще сложный. Если сухопутные войска мы можем от и до вооружить прямо с мобскладов, то с самолетами придется поступить по-иному. Товарищ Рогозин, сообщите коллегам, что у нас подготовлено по авиационному вопросу.

Вице-премьер-министр открыл кожаную папку.

– Тут, товарищи, прыжки выше головы грозят поломанной шеей, и поэтому в первую очередь Российская Федерация предоставит Советскому Союзу всю необходимую техническую документацию на производство самых удачных моделей боевых самолетов периода Великой Отечественной войны. Начнем с истребителя МиГ-3, выпуск которого советская промышленность уже осваивает. Отличный высотный чистильщик и перехватчик, он уступает истребителям противника в маневренности на высотах ниже четырех километров. Вдобавок серийная модификация обладает слабым пулеметным вооружением. Наши специалисты считают, что этот самолет может быть выпущен весьма ограниченной серией для использования по прямому назначению – удержания господства по высоте в воздушном бою. Все. Ни для каких иных целей, кроме разве что перехвата высотных разведчиков, этот истребитель использован быть не может. После выпуска установочной серии его место на конвейере должен занять истребитель товарища Поликарпова И-185 со звездообразным мотором АШ-82Т мощностью 1900 лошадиных сил. Что интересно, соответствующие самолеты давно списаны, но как выяснилось, законсервированные новенькие моторы исправно хранятся на мобскладах.

Также на советские авиамоторные заводы будет передана полная технологическая карта на производство этой самой совершенной версии известного вам двигателя М-82. Одновременно на заводах, выпускающих в настоящее время устаревшие самолеты И-153 и И-16, необходимо развернуть выпуск истребителя И-180 конструкции все того же Поликарпова...

Поликарпов и Ильюшин ревниво переглянулись – двигатель М-88, который Поликарпов поставил на И-180, уже использовался в дальнем бомбардировщике ДБ-3 конструкции Ильюшина. В нашем прошлом уже готовый к производству истребитель И-180 не пошел в серию из-за неготовности безредукторной версии мотора М-88. Вместо него советской промышленности пришлось выпускать иные по технологии истребители, такие как Як-1 и ЛаГГ-3.

Заметив некоторое смятение в рядах своих гостей и откровенно скукающих генералов, президент быстренько свернул тему разговора.

– Коллеги, – сказал он, – наверное, лучше сделать так. Если все согласны с тем, что лучше быть сильным и здоровым, чем слабым и больным, то перейдем к тому вопросу, как этого добиться. Сейчас мы экипируем всех вас в соответствии с климатом и местными реалиями. А потом товарищи Захаров, Поликарпов и Ильюшин поедут в ЛИИ ВВС, обговаривать вопросы со специалистами. Сразу хочу сказать, мы планируем, что на новые советские самолеты будут устанавливаться электрооборудование, системы связи и вооружение нашего производства. Чтоб, если попал летчик хоть одним снарядом в «юнкерс» или «хейнкель», так сразу все вдребезги. И нам приятно, и немцы долго мучиться не будут.

Товарищ Катуков поедет в родные пенаты – на полигон в Кубинку, тут совсем недалеко. Там ему покажут натуральный «Мир танков», а также «Танковый балет» и «Танковый биатлон». Вместе с ним на ознакомление с нашей техникой можно отправить товарища Рокоссовского, как, несомненно, самого опытного войскового. Товарищи генералы и маршалы Шапошников, Василевский, Шойгу, Герасимов, Шаманов уединятся в соседней комнате и займутся стратегией. Очень серьезно займутся. Коллеги Рогозин и Косыгин... – заметив недоуменный взгляд Косыгина, Путин пояснил: – Привыкайте к мысли, Алексей Леони... тьфу ты, Николаевич, и вас не минует доля сия. А вы как думали, с чего это вдруг нарком текстильной промышленности вдруг угодил в такую командировку? Вы у нас числитесь как самый лучший руководитель советского правительства за все семьдесят четыре года советской власти. Вот вам и доверили представлять СССР в нашем времени. Кадры, как говорится,

решают всё. Могу дать вам совет – просите больше, Дмитрий Олегович, если ради пользы дела, у нас не жадный.

Президент посмотрел в конец стола, где тихонько, не привлекая ничьего внимания, сидели два чекиста, и неожиданно произнес:

– А вот коллег Архипова и Судоплатова я попрошу остаться и побеседовать со мной с глазу на глаз.

9 августа 1940 года, 07:30. СССР, Подмосковье

Когда автобус с советской делегацией скрылся в туманном облаке, полковник Омелин повернулся к Берии и вежливо, но твердо сказал:

– Товарищ генеральный комиссар государственной безопасности. Вы уж меня извините, но у меня есть приказ моего высшего руководства, во избежание каких-либо недоразумений, все вопросы подобного рода обсуждать только в присутствии товарища Сталина. А приказы, как вы понимаете, требуется исполнять. Я полагаю, что нам с вами лучше обговорить те вопросы, что непосредственно входят в нашу общую компетенцию.

Берия, для которого слова полковника стали чем-то вроде ушата холодной воды, побагровел от ярости, засопел, хотел было что-то сказать резкое, но в последний момент удержался и лишь пробормотал под нос несколько слов по-грузински. Полковник Омелин, отработавший в свое время «Пятидневную войну» в Южной Осетии от звонка до звонка, усмехнулся про себя и сделал вид, что не понял слов Берии.

– Пожалуй, вы правы, товарищ полковник, – сказал немного погодя отошедший от вспышки гнева Лаврентий Павлович, – действительно, будет лучше, если товарищ Сталин первым сможет переговорить с вами на интересующие его темы. Да и приказы руководства тоже надо выполнять.

– Но тогда давайте поговорим о наших, чисто чекистских делах. Надеюсь, что на это у вас есть разрешение от вашего руководства? – с ехидцей поинтересовался Берия.

– Что касается чекистских вопросов, – спокойно ответил полковник Омелин, – то вам, товарищ Берия, лучше переговорить с моим заместителем, майором Федеральной Службы Безопасности Филимоновым. Госбезопасные дела – это его стихия. Мы же, военные разведчики, работу на дом, как правило, не берем, а ваши коллеги крайне редко ездят на гастроли. Хотя тоже бывают исключения из правил.

Майор Филимонов оказался невысоким, крепким, улыбчивым командиром в возрасте «слегка за тридцать». Как опытный чекист, Берия тут же разглядел за маской балагура и весельчака опытного сотрудника, не

желающего привлекать к себе лишнее внимание. Очень полезный навык для оперативного работника. Поэтому он только кивнул в сторону своей машины:

– Садитесь, товарищ майор, и вы, товарищ полковник, тоже. Немного поговорим по дороге. И о немцах, и о тех, которые «наши», будь они три раза неладны.

На проселочной сельской дороге «эмка» тряслась и подпрыгивала, да так что зуб на зуб не попадал. Так что толком поговорить не удалось. На небольшой, огороженной высоким забором даче они оставили своих товарищей и грузовики с аппаратурой. Пока Берия зашел в дом для того, чтобы отдать последние распоряжения и переговорить с Хозяином по телефону, майор с полковником на скорую руку перекурили у машины под присмотром подозрительно поглядывавшего на них водителя.

Были они из конкурирующих «ведомств», которые издавна соперничали друг с другом. Но по нынешним обстоятельствам все противоречия отступали в сторону. Из багажа они оставили при себе лишь по большой черной спортивной сумке со странными для аборигенов надписями – «Адидас» у полковника и «Босс» у майора. В этих сумках лежал очередной «привет из будущего» для Сталина. Только он и, в его присутствии, Лаврентий Берия, могли увидеть содержимое этих баулов. Человек, пославший сюда их обоих, очень точно рассчитал тот момент, когда Сталин переварит ту информацию, которая уже была ему доставлена, и потребует добавки. По всем расчетам это состояние острого сенсорного голода должно было наступить у Сталина еще примерно сутки назад.

Минут через пятнадцать Лаврентий Берия коlobком выкатился из дома и махнул рукой своему водителю:

– Заводи!

Одинаковыми жестами майор с полковником швырнули недокурные сигареты в жестяную урну и со своими сумками полезли внутрь «эмки» на заднее сиденье. Берия сел вперед рядом с водителем, и легковушка выехала из ворот спецдачи.

– Ну-с, товарищи, – полуобернулся он на сиденье, – что интересного, к примеру, вы мне можете рассказать?

– Ну, для начала, – вежливо улыбаясь, ответил майор Филимонов, – должен вам сообщить о том, что операция в Мексике, запланированная на конец августа этого года, пройдет успешно. Товарищ «Раймонд» выполнит поставленную задачу, а его знаменитый ледоруб войдет в историю. Но, к сожалению, за это он получит двадцать лет тюрьмы, которые и отсидит, что называется, «от звонка до звонка». Мы, например, можем предложить вам

свой способ проведения операции «Утка». Объект гарантированно отправится в «страну вечной охоты», а товарищ «Раймонд» избежит двадцатилетнего проживания в мексиканской каталажке.

Лаврентий Берия, поняв, что его коллегам из будущего хорошо известны подробности такой сверхсекретной операции НКВД, как ликвидация Троцкого, на некоторое время потерял дар речи. Но он быстро успокоился, вспомнив, что для майора Филимонова все секреты этого времени и не секреты вовсе, а просто документы из архива. Кроме того, это означало, что как минимум майор Филимонов действительно тот, за кого себя выдает. Он немного подумал, а потом осторожно спросил:

– А вы что молчите, товарищ Омелин? Вот, товарищ Филимонов полагает, что есть другие варианты проведения операции «Утка»? А каково ваше мнение на этот счет?

Полковник Омелин вздохнул.

– Товарищ Берия, все зависит от того, как будет поставлена задача. Если требуется, чтобы клиент однажды тихо уснул и больше не проснулся, то тогда обращайтесь к майору Филимонову и его коллегам. Смерть от якобы естественных причин – это их «модус операнди». В случае, если объект «Утка» должен быть показательно распылен на атомы вместе со своими близкими и дальними, то тогда это дело по части военной разведки. Так что, товарищ генеральный комиссар государственной безопасности, и тут имеются варианты.

Берия на некоторое время задумался, потом произнес:

– Товарищи, наверное, после беседы у товарища Сталина этот вопрос нам надо будет обсудить подробнее? Скажите, а что вы, в своем будущем, думаете о данном персонаже?

– Ничего хорошего, товарищ Берия, – ответил полковник Омелин, а майор Филимонов добавил:

– Когда у нас кого-то хотят назвать безответственным демагогом, то говорят: «Трындит, как Троцкий...» Мы будем рады посодействовать вам в успешном проведении операции по его ликвидации. Жаль только, что вместе с ним нельзя ликвидировать и уже причиненное им зло.

Остаток пути ехали молча. Потом «эмка» миновала небольшой еловый лесок, и Омелин с Филимоновым увидели за четырехметровым деревянным забором невысокий двухэтажный дом с двускатной крышей. Это и была Ближняя дача Сталина в Кунцево.

Чекист, стоявший на посту у въезда на дачу, увидев знакомые номера на машине, спецпропуск под стеклом, а, главное, срисовав знакомое лицо наркома внутренних дел, распахнул створки ворот. При этом майор

Филимонов поморщился как от зубной боли. Техническими средствами ХХІ века можно было подделать все что угодно, даже самого Лаврентия Павловича Берия.

Машина свернула направо и замерла на стоянке. Вот здесь не обошлось без проверки документов. Дежурный, мельком взглянув на удостоверение Берии, долго изучал документы полковника Омелина и майора Филимонова, с подозрением косясь на двуглавого орла на печатях. Но, видимо, будучи предупрежден заранее о чем-то подобном, лишь сверил фотографии в удостоверениях с оригиналами и, приложив руку к фуражке, жестом предложил прибывшим проследовать к даче по узкой асфальтированной дорожке. Тут же боец охраны забрал у них сумки и зашагал следом за Берией.

Перед входом в дачу был небольшой бассейн, облицованный камнем, в котором бил фонтан. Тихое журчание водяных струй сливалось с пением птиц. Через небольшой тамбур они вошли в прихожую, где их лично встретил сам Хозяин этой дачи и всего СССР.

Полковник Омелин и майор Филимонов внутренне были готовы к встрече со Сталиным, но тем не менее испытали что-то вроде трепета, увидев невысокую фигуру вождя и услышав негромкий голос с едва заметным грузинским акцентом.

– Здравствуйте, товарищ Омелин, – сказал Сталин, – здравствуйте, товарищ Филимонов, я очень рад вас видеть. Тем более, как я понимаю, вы прибыли к нам не с пустыми руками.

В ответ на это заявление и полковник, и майор повернулись в сторону охранника, несущего следом их сумки, как бы подтверждая, что, да, действительно, не с пустыми руками.

Вопросительно приподняв одну бровь, Сталин жестом предложил Омелину, Филимонову и Берии проследовать за ним. Пройдя через жилую комнату, они вышли на полукруглую открытую веранду, где стояли несколько стульев и небольшой столик. Сталин пригласил гостей присесть. Сам же, взяв из лежавшей на столе коробки «Герцеговина Флор» папиросу, прикурил ее, бросил в пепельницу горелую спичку, а потом, обратившись к Омелину, спросил:

– Скажите честно, товарищи из будущего, у вас есть информация о заговоре военных, результатом которого стало поражение Красной Армии в начальном периоде войны с гитлеровской Германией? Информация, полученная нами из переданных из будущего книг, носит слишком общий характер. Мне хотелось бы получить от вас более конкретные сведения.

– Товарищ Сталин, – ответил майор Филимонов, – данные из наших

архивов тоже не всегда полны и исчерпывающи. В годы правления Хрущева была проведена генеральная чистка архивов, откуда были изъяты и уничтожены документы, которые компрометировали многих высших советских военачальников и государственных деятелей.

А полковник Омелин добавил от себя: «Товарищ Сталин, так же в 1956 году огульно были оправданы и реабилитированы бывшие военачальники, осужденные, как в 1936 году по делу Тухачевского, так и те, кто был судим вследствие катастрофы РККА летом 1941 года. Их дела были полностью изъяты из архивов и заменены справками о реабилитации».

– Но все же кое-какими сведениями мы располагаем. Впрочем, по этому вопросу вам следует обратиться к майору госбезопасности Филимонову, который в нашей команде специализируется по «врагам внутренним». Моя же епархия – враги внешние.

– Хорошо, товарищ Омелин, – кивнул Сталин, – о том, как нам отделить агнцев от козлиц, мы отдельно переговорим с товарищем Филимоновым. Ну, а вы пока поведайте нам о намерениях наших противников, с которыми менее чем через год нам предстоит воевать.

– Товарищ Сталин, – начал полковник Омелин, – в ОКВ уже вовсю идет разработка плана нападения на СССР. И самое главное – Гитлер уже твердо решил, что нападение на СССР произойдет в период с 15 мая по 15 июня 1941 года, даже в том случае, если десантная операция на Британские острова не состоится, как намечено до октября 1940 года. В нашем прошлом планы немцев были сорваны необходимостью провести незапланированную войну против Югославии в апреле 1941 года, что отодвинуло начало войны относительно первоначального крайнего срока, – полковник указал на сумки, которые чекист, сопровождавший их, поставил в угол, перед тем как скромно удалиться.

– Мы приготовили для вас все необходимые документы, по которым вы сможете сделать выводы о планах, целях и задачах Гитлера и его окружения. Теперь немного о союзниках фашистской Германии.

Во-первых, Италия. Гитлер скрывал от дуче подготовку к войне с СССР до самого нападения 22 июня 1941 года. Только в ночь перед нападением Муссолини был извещен об этом событии. Итальянский вождь тут же поручил главе МИД Чиано Галеаццо сообщить советскому посланнику о том, что Италия, в соответствии с имеющимся у нее с Третьим рейхом Договором о союзе и дружбе, подписанном в мае 1939 года, объявляет войну СССР. А потом Муссолини написал послание Гитлеру с предложением направить итальянские войска на Восточный фронт. Но фюрер не оценил душевный порыв дуче, прекрасно зная

боеспособность итальянских войск – вермахту уже приходилось выручать итальянцев из трудного положения. Муссолини настаивал: «Италия не может отсутствовать на новом фронте и должна активно участвовать в новой войне». Для войны с СССР было создано специальное подразделение: «Экспедиционный итальянский корпус в России». В его состав входили три дивизии. Всего в корпусе было 62 тысячи человек. Командовал корпусом генерал Джованни Мессе.

Во-вторых, Финляндия. После поражения в так называемой «Зимней войне» финны мечтали о реванше. И не только мечтали. В октябре 1940 года в Финляндии начинается вербовка в батальоны СС. Завербовалось порядка двух тысяч человек, из них более четырех сотен стали офицерами дивизии СС «Викинг», а остальные стали финским батальоном СС и в 1942 году влились в тот же «Викинг». В январе 1941 года начальнику финского генштаба генералу Хейнриксу во время визита в Германию намекнули о разрабатываемом плане «Барбаросса». Генерал с восторгом отозвался о намерениях Гитлера напасть на СССР. А в мае 1941 года в Финляндии началось формирование администрации оккупированных территорий.

За день до начала войны 21 июня в 16.15 финские армия и флот начали операцию «Регата» – вторжение на Аландские острова. Согласно Женевской конвенции 1921 года и договору с СССР от 12 марта 1940 года эти острова были объявлены демилитаризованной зоной. За одну ночь с материка на архипелаг на 23 кораблях были переброшены 5 тысяч солдат с боевой техникой, в том числе 69 орудий. Операцию прикрывали оба финских броненосца. Персонал советского консульства (31 человек) на Аландских островах (в Маариенхамине) был арестован и 24 июня вывезен в Турку.

21 июня в 22 часа 59 минут немецкие заградители начали ставить минные заграждения поперек Финского залива, чтобы запереть в нем Балтийский флот. Одновременно три финские подводные лодки поставили минные банки у эстонского побережья, причем их командиры получили приказ атаковать советские корабли, «если попадутся достойные цели».

В наше время, товарищ Сталин, нашлись историки, которые жаловались на то, что, дескать, СССР первым напал на Финляндию в 1941 году, и финны вынуждены были, «в целях самозащиты», искать помощи у Гитлера.

В-третьих, Румыния. 6 сентября 1940 года румынский король Кароль Второй был вынужден отречься от престола Румынии в пользу своего сына Михая, а сам бежал с женой в Югославию. Новое правительство окончательно взяло курс на союз с Третьим рейхом, планируя восстановить

«Великую Румынию» за счет СССР. 23 ноября 1940 года Румыния присоединилась к Берлинскому пакту. Румынские политики планировали не только получить Бессарабию, но и присоединить к стране земли вплоть до Южного Буга, наиболее радикальные считали, что границу надо провести по Днепру и даже восточнее, создав, по примеру Германии, свое «жизненное пространство», «Румынскую империю». К началу войны с СССР к границе были подтянуты две румынские армии – 342 000 солдат и офицеров. В Румынии грядущую войну объявили «священной».

В-четвертых, Венгрия. Гитлер до последнего скрывал от Будапешта свои планы в отношении СССР. Еще 24 апреля 1941 года фюрер заверял Хорти, что германо-советские связи «весьма корректны» и Германской империи с востока ничего не угрожает. Немецкие военные планы не предусматривали участие Венгрии в войне – с точки зрения ОКВ слабая и плохо вооруженная венгерская армия была мало пригодна для боевых действий против СССР.

Но уже весной 1941 года начальник венгерского генштаба генерал Хенрик Верт требовал и от Хорти, чтобы он поставил вопрос перед Берлином об участии венгерских войск в «крестовом походе» на СССР. Но адмирал Хорти выжидал, а венгерское правительство было против войны. Поэтому была организована провокация: 26 июня 1941 года была организована «бомбардировка» якобы советскими самолетами города Кошице, после чего Венгрия объявила СССР войну. Провокация была организована немцами или румынами, при согласии военного командования Венгрии. В конце июня – начале июля на фронт были отправлены войска Карпатской группы, в составе 8-го Кошицкого корпуса и подвижного корпуса (две моторизованные и одна кавбригада). Карпатская группа была придана 17-й немецкой армии в составе группы армий «Юг» и 1 июля вступила в бой с 12-й советской армией.

А по большому счету, товарищ Сталин, против СССР воевала вся Европа. Кто активно – с оружием в руках сражаясь против Красной Армии на фронте, кто пассивно – изготавливая для нужд вермахта боевую технику, снабжая войска нацистов продовольствием и амуницией. Словом, это был «крестовый поход» против нашей страны. Добровольно в вермахт и СС вступили более 800 тысяч человек из различных стран Европы. Ну, а все остальное европейское население усердно работало на гитлеровскую Германию в промышленности и сельском хозяйстве.

– Да, товарищ Омелин, – сказал Сталин после затянувшейся паузы, – нам придется очень нелегко. Правда, у нас совершенно неожиданно появился могучий союзник, который, как мы надеемся, сможет оказать

Советскому Союзу неоценимую помощь. И не только техникой и вооружением, но и непосредственным участием в войне. Я ведь правильно говорю, товарищ полковник?

– Правильно, товарищ Сталин, – сказал Омелин, – Российская Федерация готова направить на советско-германский фронт пятидесятитысячный Экспедиционный корпус, имеющий на вооружении тысячу двести танков. Мы готовы оснастить, вооружить и полностью обучить еще три Ударные армии РККА общей численностью в двести пятьдесят тысяч штыков и четыре тысячи танков.

Мы также поделимся с СССР как информацией военно-стратегического характера, так и окажем помощь в научно-исследовательских и конструкторских работах, имея в виду, что после успешного разгрома гитлеровского фашизма СССР предстоит схватка с англо-американским империализмом. Именно для этого мы и прибыли в ваше время.

В сумках, которые мы привезли с собой, вы найдете всю информацию о текущей международной обстановке и закулисных планах Германии, Британии, Японии и США. Также имеется компромат на руководителей государств, как противников СССР, так и его союзников. Хотя с такими союзниками, как Англия и США, нам и никаких врагов не надо. Кроме того, мы привезли с собой из будущего аппаратуру, которая позволит, оставаясь абсолютно незамеченными, вести разведывательную и контрразведывательную деятельность в отношении внутренних и внешних врагов.

– Да, это очень ценная информация, товарищ Омелин, – сказал Сталин, обменявшись взглядами с Берией. – Когда вы сможете приступить к своей работе?

– Немедленно, товарищ Сталин, – ответил Омелин. – Для начала разведывательной деятельности на западном направлении нам необходимо разместить наших специалистов и аппаратуру, вместе с прикомандированными сотрудниками ГУГБ НКВД на объекте, желательно расположенном на западе Белоруссии и имеющем соответствующий режим секретности. А также статус, согласно которому этот объект подчинялся непосредственно Москве и не зависел от командования Западного Особого военного округа.

– Товарищ Берия, – сказал Сталин, – прошу вас лично взять под ваш контроль охрану аппаратуры, которую привезли с собой наши потомки, и оказать всю необходимую помощь для того, чтобы мы как можно быстрее начали получать очень важную для нас информацию. Заберите у армии

какой-нибудь объект, например, аэродром в Белостоке...

– Белосток не годится, товарищ Сталин, – возразил майор Филимонов, – там кишмя кишит шпионами: польская «двуйка», немецкий абвер... Одним словом, клубок змеиный. Лучше бы подыскать другое место.

– Хорошо, товарищ майор, – кивнул Сталин, – допустим, Белосток не подходит, а Барановичи вам сгодятся?

– Да, товарищ Сталин, – одновременно кивнули Омелин и Филимонов, – Барановичи подойдут.

– Давай, Лаврентий, – сказал Сталин, с нетерпением поглядывая на две большие сумки, стоящие в углу, – забирай аэродром в Барановичах и приступай к работе. Надеюсь, двух дней тебе для этого хватит.

27 февраля 2017 года, 13:25. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

– Приступим, товарищи, – сказал министр обороны Российской Федерации, когда массивная дверь переговорной комнаты закрылась, отрезав генералов от внешнего мира. – Прошу садиться, – он указал на длинный стол, на котором уже была расстелена карта, показывающая приграничные советские округа на западном направлении от Балтики до Черного моря.

– Разрешите задать вопрос? – сказал маршал Шапошников, пройдя на указанное ему место и с интересом глядя на карту. – Как так получилось, что начало войны обернулось для Красной Армии такой катастрофой? Я до сих пор не могу в это поверить. Должна же быть для этого какая-то причина?

– Борис Михайлович, причин тому несколько, – ответил Шойгу, подходя к столу, – но подробнее вам ответит командующий Экспедиционным корпусом генерал Шаманов.

– Начнем с того, – начал генерал, – что армия вторжения вермахта по общей численности вдвое превосходила противостоящий ей Первый стратегический эшелон РККА. Немецкое командование сосредоточило свои главные ударные группировки на четырех основных направлениях, создав на них десятикратное преимущество. Советские же дивизии прикрытия границы были растянуты примерно на сотню километров по фронту и семьдесят километров в глубину. Такая дивизия, не имеющая возможности собраться вместе и занять оборонительный рубеж, не сможет остановить наступающий через ее боевые порядки моторизованный корпус вермахта. Она будет неизбежно разгромлена и рассеяна. Ну, а завтра этот же

мотокорпус раздавит очередную такую же стрелковую дивизию, в пешем порядке срочно выдвигающуюся из глубины.

С теми же мехкорпусами, которые к началу войны вы уже успели сформировать, вообще вышла полная чехарда. В их составе оказалось много танков третьей и четвертой категорий. Как вы помните, третья категория – это техника, требующая ремонта в окружных мастерских (средний ремонт), а четвертая категория – техника, требующая ремонта в центральных мастерских и на заводах (капитальный ремонт). В лучшем случае эти танки можно было бы использовать в качестве неподвижных огневых точек.

С началом войны мехкорпуса начали раздергивать на дивизии, полки, батальоны, роты и даже отдельные танки. Длительные марши сжигали их и так малый моторесурс. Удалившись от мест постоянной дислокации, от корпусных и дивизионных складов, советские танковые части лишились снабжения запчастями, топливом и боеприпасами. Большая часть потерянной советской бронетехники была не уничтожена в бою, а брошена в чистом поле в результате поломок или отсутствия топлива. Хорошо, если еще догадывались подорвать ценные боевые машины, чтобы они не достались врагу. А ведь иногда бросали и как есть, в полной исправности.

Еще надо учесть то, что с первых же дней войны люфтваффе захватило полное господство в воздухе. Главную роль в этом сыграли внезапность удара, быстрое продвижение вражеских механизированных соединений и неразвитость советской аэродромной сети. Авиаполки, вынужденные передислоцироваться вглубь собственной территории, оказывались без снабжения топливом и боеприпасами. Основная причина потерь авиапарка в первые месяцы войны все та же, что и бронетехники – большая часть потерянных самолетов была брошена по причине поломок и отсутствия топлива и запчастей.

Шаманов обвел взглядом собравшихся.

– Теперь, товарищи, перейдем, так сказать, к причинам причин. Их три. Предательство, халатность и разгильдяйство, а также отсутствие опыта и низкий уровень подготовки войск...

– Предательство? – скептически спросил Шапошников, покосившись на Рокоссовского. – Легче всего все списать на предательство.

– Борис Михайлович, – терпеливо сказал Шаманов, – мы с вами люди военные. Если командующий округом получает директиву из Генштаба, завизированную наркомом обороны и главой государства, а в войска передает команду прямо противоположного толка? Или вообще ничего не передает? Что это? Вы найдете в русском языке иное слово? Если в

нарушение всех норм и инструкций с началом лета части не выводятся в полевые лагеря, а остаются в казармах, расположенных в прямой видимости от границы – это как понимать? Если после получения директивы о повышении боеготовности с самолетов снимают вооружение, снарядные ленты разряжают, а из стрелковых и артиллерийских полков изымаются боеприпасы, оставляя по дюжине снарядов на пушку и по две обоймы на винтовку? Чем бойцы воевать должны были? Если в танковых и механизированных частях топлива было четверть нормальной заправки, а боеприпасов – до половины боекомплекта. Что это, если не предательство?

После этих слов Шаманова Шапошников и Василевский мрачно переглянулись и, не сговариваясь, начали что-то строчить в своих рабочих блокнотах. Рокоссовский же едва заметно кивнул, словно подтверждая сказанное Шамановым. Очевидно, что об идиотизме вышестоящих начальников в войсках он знал гораздо лучше, чем генштабисты. Тем более что сам Константин Константинович, недавно пострадавший по ложному навету, не испытывал никакой жалости к настоящим предателям, дуракам и карьеристам.

– Все, товарищи, – нарушил повисшую в помещении тишину Сергей Шойгу. – Пусть с теми, кто виноват, с дураками и предателями, разбираются в ведомстве Лаврентия Павловича. А наша с вами сегодняшняя задача состоит совсем в другом. Именно мы должны остановить немецкий блицкриг и загнать агрессора обратно к берегам Атлантики. Никто, кроме нас, больше не сможет решить эту задачу.

– Мы должны сделать это втроем? – с легкой иронией поинтересовался Василевский. – А что, в Красной Армии больше нет способных командиров?

– Способные командиры конечно же есть, – кивнул Шаманов. – Но состав вашей делегации формировали совсем не мы. То, что вы сидите здесь, это знак, как раньше говорили, высочайшего доверия. А по способным и даже талантливым генералам навскидку скажу, что их в Красной Армии немало. Из генштабистов, например, Ватутин. Из будущих командующих фронтами: Жуков, Конев, Малиновский, Черняховский, Толбухин, Говоров. Из танкистов, кроме уже известного вам Катуква: Рыбалко, Лелюшенко. Из кавалеристов: Доватор, Плиев, Белов... Это только несколько фамилий навскидку. Кроме них есть еще товарищи, которые героически погибли или попали в плен в самом начале войны и не успели себя проявить. Такими, например, были генералы Карбышев, Петровский, Потапов...

– Кстати, Борис Михайлович, – добавил Шойгу, – сразу после этого

совещания вас будет ждать машина, которая отвезет вас в госпиталь имени Бурденко на обследование. Туберкулез и рак желудка – это совсем не то, что нужно советскому маршалу в дни войны. В наши дни эти болезни в ранней стадии вполне излечимы. Считайте это обязательным элементом вашего пребывания в нашем времени. Кстати, на этот счет имеется прямое указание товарища Сталина.

Шапошников кивнул, задумавшись о чем-то своем. А Шойгу тем временем продолжил:

– Владимир Анатольевич, изложите нашим товарищам план операции «Гроза плюс».

– В качестве исторической преамбулы скажу, что мы уже неоднократно приходили в Европу. Этот марш-бросок обычно начинался у Москвы, а заканчивался в Париже, Берлине, Варшаве. Ну, а теперь по существу. Создав четыре ударных танковых группы, немцы, конечно, сильно выиграли в пробивной способности. Но скажите, что произойдет, если три из четырех групп будут остановлены на рубежах в 80–100 километрах от линии границы, а их армейским корпусам вне направлений главного удара не удастся сбить с позиций наши части прикрытия границы? Вот смотрите: Вторую танковую группу необходимо остановить вот здесь, на рубеже Брест – Жабинка – Кобрин. Третью танковую группу – на рубеже Алитус – Гродно. Четвертую танковую группу – севернее Каунаса, на рубеже реки Неман. Задачу остановить главные силы армии вторжения, 2-ю и 3-ю танковые группы, мы предлагаем возложить на части нашего Экспедиционного корпуса, которые должны усилить дислоцированные на этих рубежах части РККА. Также мы считаем необходимым удержать за собой города Брест и Августов. Части, занявшие эти рубежи, должны быть готовы к круговой обороне в течение недели...

– А потом? – заинтересованно спросил Рокоссовский.

– А потом начнется вынос тела, – ответил Шаманов. – Выносить будем вермахт. Наличие в составе нашего корпуса тяжелой ствольной артиллерии с дальностью до 90 километров, а реактивной – до 120 километров, поставит под удар как прорвавшиеся на нашу сторону немецкие части, так и склады, резервы и командные пункты, все еще находящиеся по ту сторону границы. Оборона на рубежах должна быть организована, с одной стороны, надежно, с другой стороны, немцам должно казаться, что еще один нажим, еще десяток танков, батальон пехоты, и они прорвут нашу оборону и беспрепятственно рванут к Москве.

На той войне так уже было под Сталинградом. Тогда они сильно попались. Но здесь надо сделать еще умнее. На территории, куда будет

позволено прорваться немцам, не должно остаться никаких складов. Оттуда должно быть эвакуировано мирное население, а также запасы продовольствия и фуража. Потому что когда примерно на пятый день они полностью загонят туда свои ударные группировки вместе с резервами, мы сделаем вот так, – генерал Шаманов показал направление удара резервных частей, – и на седьмой день захлопнем две эти мышеловки. После чего Ударные армии РККА, которые мы поможем сформировать, обучить и вооружить, наносят удары в глубину. Из района Кобрин – Бреста – на Люблин – Краков – Прагу. Из района Белостока – на Варшаву – Франкфурт-на-Одере, и из района Гродно – на Данциг – Штеттин. Самое главное, чтобы ситуация не вышла из-под контроля в Прибалтике и на Украине. Хотя, насколько нам известно, эти группы армий у немцев наносят вспомогательные удары и, чтобы противостоять им, достаточно будет административных мер по наведению порядка и перегруппировки сил.

– И вы, думаете, получится? – с сомнением спросил Шапошников. – Немцы – противник серьезный.

– Да и мы не лыком шиты, – ответил Шойгу, – особенно когда разозлимся. У вас есть лучшие в мире советские бойцы и командиры. Правда, они пока еще плохо обучены. У нас есть боевая техника, оружие, которым вермахту нечего противопоставить, а также запасы боеприпасов, приготовленные для войны, которая в нашей истории уже не случится.

Объединив все это на учебных полигонах и добавив девять месяцев изнуряющих тренировок, мы должны в итоге получить ту силу, которая уничтожит агрессора. Не думайте, что двести тысяч бойцов – это очень мало. На самом деле это только режущая кромка советского меча.

Вы пока подумайте над сказанным, поговорите с генералом Захаровым, полковником Катуковым, конструкторами Симоновым, Поликарповым и Ильюшиным. Завтра мы снова с вами встретимся и переговорим еще раз, но уже предметнее.

Министр обороны Российской Федерации обвел присутствующих взглядом и кивнул какой-то внутренней мысли.

– Все, товарищи генералы и маршалы, – негромко сказал он, – сейчас вас разместят в гостинице и обеспечат всем необходимым, в том числе и справочной литературой. Вот наверстаете программу по истории военного искусства с сорокового по две тысячи семнадцатый год и поймете все то, что Ахиллес мог сделать с несчастной черепахой.

27 февраля 2017 года, 13:30. Российская Федерация, Московская область, резиденция Президента РФ

Президент Путин с любопытством смотрел на сидящих напротив него майоров Судоплатова и Архипова. Те, в свою очередь, разглядывали своего коллегу из будущего, сумевшего в переломный момент возглавить огромную страну. Одного такого человека они уже знали. И теперь невольно сравнивали их между собой. Чекисты, единственные из всей делегации получили перед отъездом возможность ознакомиться с уже полученными из будущего материалами. Кто может сказать – кто был страшнее для страны: покойник Березовский или пока еще живой Троцкий?

Владимир Владимирович первым прервал эти своеобразные «смотрины»:

– Знаете, Павел Анатольевич, – сказал он, обращаясь к Судоплатову, – были в моей жизни моменты, когда мне бы очень хотелось услышать ваше мнение, как профессионала. И вот я получил такую возможность. Но те времена минули, и, похоже, теперь уже вы будете задавать мне вопросы.

– Товарищ Путин, – начал было говорить Судоплатов, но Владимир Владимирович остановил его жестом руки. – Давайте без титулов и званий, Павел Анатольевич. Мы с вами не на парадном приеме, так что давайте разговаривать как коллеги и единомышленники. Мое имя и отчество вы уже знаете...

– Хорошо, Владимир Владимирович, – кивнул Судоплатов. – Действительно, у нас много вопросов к вам, в том числе и чисто профессиональных. Прежде всего, мне хотелось узнать ваше мнение о том, как необходимо вести разведывательную работу в тылу врага? Насколько мы знаем, у вас имеется значительный личный опыт.

– Хм, – ответил Путин, устраиваясь поудобнее в кресле. – Павел Анатольевич, вести непосредственную агентурную разведку придется, скорее всего, вашему ведомству и вашим коллегам из ГРУ. Мы, со своей стороны, можем помочь вам техническими средствами. Например, мы уже направили в СССР аппаратуру и соответствующих специалистов, предназначенных для перехвата и расшифровки вражеских радиопереговоров. Поверьте, у нас есть возможность очень быстро взламывать вражеские шифры любой степени сложности. И наоборот, мы в состоянии обеспечить СССР такими средствами связи, что противник не то что не сможет расшифровать, но даже и перехватить передаваемые сообщения. В свою очередь, что касается проводной связи, то у нас есть возможность обеспечить наши штабы системами с высокой степенью защиты переданной информации. Системы ЗАС гарантируют секретность переговоров. И лишь болтун останется находкой для шпиона. Еще мы предлагаем оснастить наших разведчиков-нелегалов компактной

аппаратурой связи, передачи которой невозможно запеленговать, а сообщения не поддаются расшифровке.

– Это было бы очень здорово, – радостно воскликнул Судоплатов, – ведь перехват радиogramм и захват радистов часто является причиной провала нашей агентуры.

– Да, – сказал Путин, – коллега Мюллер дело свое знает туго. Кстати, об агентуре, – он протянул Судоплатову черную пластиковую папку, – вот здесь подборка документов по нашим проваленным агентам. Открыв эту папку, вы сможете узнать причины провалов, получить информацию о том, как вели себя задержанные агенты, кто из них не пошел на сотрудничество с противником, а кто не выдержал и «запел». Как разведчик, Павел Анатольевич, вы должны понять – насколько важна эта информация.

– Да, – кивнул Судоплатов, – этой папке нет цены! Огромное вам спасибо! Теперь множество наших людей будут спасены от гибели, а сколько ценной информации мы еще от них получим...

– Это еще не все, Павел Анатольевич, – продолжил Путин, – вот в этой папке, – он протянул Судоплатову еще одну папку, только синего цвета, – компромат на высокопоставленных чиновников и высших офицеров гитлеровской Германии и ее союзников. Советский Союз вправе распорядиться полученными от нас документами по своему усмотрению. В свою очередь, мы готовы, по вашей просьбе, разумеется, проконсультировать вас о возможных вариантах использования полученного компромата. То есть стоит ли привлечь этих лиц к сотрудничеству с советской разведкой, или, передав документы через третьи руки заинтересованным лицам, таким путем добиться отставки, финансового разорения и полного физического уничтожения этих потенциально опасных для нас людей.

Павел Анатольевич, в годы войны и в послевоенное время прекрасно себя показали так называемые силы специального назначения. В 1941 году в нашей истории началось формирование ОМСБОНа – отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Бойцы этого спецподразделения очень неплохо поработали в тылу врага. Я полагаю, что и в вашей истории будут нужны такие части. У нас они называются разведывательно-диверсионными. Поэтому мы предлагаем вашему руководству создать учебный центр по массовой подготовке таких спецподразделений. Инструкторов, необходимое снаряжение и вооружение мы вам обеспечим.

Судоплатов, внимательно слушавший Путина, кивнул и снова сделал какие-то пометки в своем блокноте.

– Владимир Владимирович, – сказал он, – я при первой же возможности доведу полученную от вас информацию до товарищей Сталина и Берия. Я думаю, что все ваши предложения будут с благодарностью приняты.

– И вот еще, – сказал Путин, – мы хотим предложить советскому руководству создать Единый аналитический центр, в котором будет собираться, аккумулироваться и обобщаться вся полученная вами из самых разных источников информация о противнике. С помощью наших устройств для хранения и обработки информации, называемых компьютерами, она будет анализироваться, перепроверяться и храниться в их электронной памяти. В случае необходимости эта информация может быть отпечатана на бумаге или передана в электронном виде туда, где в ней возникнет необходимость.

– Интересное предложение, – сказал Судоплатов. – Над этим стоит подумать. Мне кажется, что создание такого Центра сильно бы облегчило работу нашим аналитикам, которые зачастую не имеют информации о том, чем занимаются их коллеги, делают одну и ту же работу, дублируя друг друга. Только, Владимир Владимирович, здесь нам не обойтись без ваших специалистов и вашей техники.

– Если руководство СССР отнесется положительно к созданию такого Центра, – ответил Путин, – то и техника, и специалисты будут вам выделены. Есть и другие предложения, Павел Анатольевич, но я думаю, что их будет можно решить, так сказать, в рабочем порядке.

– Ну, а теперь, закончив с делами внешними, поговорим о делах внутренних, – Путин повернулся к старшему майору Архипову. – Товарищ старший майор, простите, я не знаю вашего имени и отчества?

– Павел Сергеевич, товарищ Путин, простите, Владимир Владимирович, – ответил Архипов.

– Так вот, Павел Сергеевич, – сказал Путин, – как вы уже догадались, для вас я тоже приготовил кое-что интересное. Вот здесь, – президент протянул Архипову какую-то маленькую штучку зеленого цвета, – хранится информация о высшем командном составе Красной Армии, который в нашей истории не совсем правильно вел себя, как в ходе боевых действий, так и попав в плен. Также там есть информация и о высшем партийном руководстве ВКП(б) и о его действиях после 1953 года.

Только, Павел Сергеевич, прочитать хранящуюся на этой флэшке информацию – так у нас называют этот предмет – можно лишь с помощью наших компьютеров. И при этом еще необходимо знать код доступа. В случае необходимости наши люди, которые будут прикомандированы к

ведомству Лаврентия Павловича Берия, по личному указанию товарища Сталина отпечатают на бумаге то, что его интересует.

– А вы не могли, передать свое сообщение более традиционным способом, – спросил Архипов, убирая флэшку в нагрудный карман, – а то, знаете ли, как-то это все сложно.

– Не мог, – вздохнул Путин, – для традиционного способа потребовался бы вагон и еще тележка бумаги. Эта маленькая штучка является хранителем огромного объема информации. На нее без остатка можно было бы записать Ленинскую библиотеку в Москве, Британскую в Лондоне, и Библиотеку Конгресса США в Вашингтоне, и, по-моему, осталось бы еще место. Павел Сергеевич, вы должны понимать, что эта информация предназначена лишь для первого лица государства, и вы в данном случае будете кем-то вроде фельдъегеря. Теперь, думаю, вы понимаете, почему я передаю товарищу Сталину информацию именно в таком виде.

Старший майор Архипов лишь кивнул в ответ и показал, что он готов слушать дальше.

– Теперь о том, что можно передать в обычном порядке, – сказал Путин, передавая старшему майору папку красного цвета. – Вот здесь наши предложения по борьбе с вражеской агентурой и о ведении радиоигр, в ходе которых противник, получая сведения, содержащие дезинформацию, раскрывает нам свои разведсети, словом, работает вхолостую, бесполезно тратя свои ресурсы. Кстати, это неплохо получалось у Виктора Семеновича Абакумова. В нашей истории через полгода он станет начальником Управления Особых отделов НКВД. А в апреле 1943 года он возглавит контрразведку СМЕРШ, которая вчистую обыграет ведомство адмирала Канариса. Среди переданных вам материалов имеются описания проведенных СМЕРШем радиоигр и успешных контрразведывательных операций. Далее, вот здесь, – Путин протянул Архипову новую, на этот раз фиолетовую папку, – находятся документы об известных нам лицах, работавших на вражескую разведку. Мы тщательно перепроверили архивные документы и выбрали из списка лиц, осужденных за сотрудничество с противником, тех, кто действительно был завербован немецкими и прочими спецслужбами и своими действиями нанес реальный вред Советскому Союзу. Ведь были среди осужденных и те люди, которые угодили под суд по... гм... – тут Путин скосил глаз на сидевшего напротив него Архипова, – ...скажем так, надуманным обвинениям. И таких людей тоже было немало.

Товарищ Архипов, нам известно, что такие вот любители

«скорострельных» судов очень часто рано или поздно сами оказывались на месте своих жертв. Но, к сожалению, они успевали наломать немало дров. Поэтому информацию о любителях расправляться со своими недругами и конкурентами руками НКВД мы тоже подготовили, и она отдельным документом лежит в этой же папке.

Вам, так же, как и уважаемому Павлу Анатольевичу, я хочу предложить создать учебный центр, где можно было бы повысить квалификацию сотрудников особых отделов Красной Армии и органов госбезопасности, обучить их пользоваться нашей аппаратурой, с помощью которой можно более успешно и наверняка обнаруживать вражеских агентов и их пособников. Такой учебный центр можно было бы создать при участии нашей ФСО – Федеральной Службы Охраны. У этой службы есть опыт и соответствующая материальная и техническая база для организации учебного центра. Впрочем, на этом пока всё. Более подробно эти вопросы лучше обсуждать непосредственно с товарищами Берия и Сталиным. Сейчас вам покажут ваши комнаты. Поверьте, мы не собираемся держать вас взаперти, но для человека вашего времени выход на улицы Москвы XXI века – немалый стресс. Так что к нему надо подготовиться. Для начала вам будет предоставлен доступ ко всем средствам массовой информации, как отечественным, так и зарубежным, и лишь затем, пройдя определенный инструктаж, вы сможете выйти на улицу в сопровождении наших сотрудниц.

– Владимир Владимирович, может, вы хотели сказать «сотрудников»? – спросил улыбнувшийся Судоплатов.

– Павел Анатольевич, не мне вас учить, – подмигнул ему Путин, – вы прекрасно знаете о том, что если вы хотите остаться неузнанным, то лучше всего вам идти под ручку с хорошенькой девушкой. Все прохожие будут глазеть на нее, не обращая внимания на вас. Кроме того, они будут для вас экскурсоводами и телохранителями. Но все, товарищи, всему свое время.

Как только посланцы Берии оказались в отведенных для них помещениях, они первым делом спрятали полученные от российского президента документы в имеющиеся там сейфы, после чего сели писать подробные донесения своему начальству о только что состоявшейся беседе с первым лицом России XXI века.

27 февраля 2017 года, 14:45. Российская Федерация, Московская область, полигон Кубинка

Полковника Катукова привезли в хорошо известное ему место, на танковый полигон в Кубинке. Первым делом ему выдали теплый зимний,

неожиданно легкий танковый комбинезон, с соответствующими званию погонами, зимние ботинки и шлемофон на меху. Это было хорошо, поскольку Михаил Ефимович в своих хромовых летних сапожках уже через пять минут на двадцатиградусном морозе начинал давать дубака. Потом, в раздевалке ему показали железный шкафчик с табличкой «п-к М. Е. Катуков». Такая же бирка красовалась на левом нагрудном кармане комбеза. Дав переодеться, его отвели в класс, где толстый командир с одной звездой на двухпросветных погонах, майор, как подсказал сопровождающий, наскоро пробубнил ему правила техники безопасности и дал расписаться в каком-то журнале.

После инструктажа сопровождающий, который привез Катукова с дачи президента, передал его местному особисту, который отвел Михаила Ефимовича в отдельную комнату под названием «курилка». Там его уже ожидали трое молодых парней в таких же танковых комбинезонах, как на полковнике.

– Знакомьтесь, товарищ Катуков, – сказал особист, – это наш лучший экипаж. Старшина Кирьянов – командир танка, младший сержант Матвеев – наводчик, рядовой Бакрадзе – механик-водитель. Все трое – контрактники, по-вашему, сверхсрочники. Можете быть с ними вполне откровенным, товарищи прошли специальный отбор и признаны годными для работы с представителями СССР. Оставляю вас на их попечение. Они вам покажут самый настоящий Мир танков.

– Тац полковник, – спросил старшина, когда особист вышел, – а вы тот самый Катуков, который Михаил Ефимович?

– Да, тот самый, другого нет, – ничего не понимая, ответил полковник. – А что, это имеет какое-то значение?

– Для меня имеет, – ответил старшина, – прадед у меня, тац полковник, с вашей Первой гвардейской танковой армией пол-Европы прошел, от Москвы до Праги. Так что нам с вами сам Бог велел...

– Так ты что, старшина, и в Бога веришь? – удивленно спросил Катуков.

– На войне атеистов нет, – ответил старшина и загадочно добавил: – Не так важно, веришь ли ты в Бога, как то – верит ли Он сам в тебя. Идемте, тац полковник, покажу вам в деле воплощенный в металл ужас панцерваффе...

– Выражайтесь яснее, старшина, – уже выйдя на улицу, раздраженно сказал Катуков, – что такое панцерваффе и что за ужас?

– Панцерваффе – род войск в вермахте, по-немецки дословно «бронированное оружие», – пояснил старшина Кирьянов, – курируются

лично Гитлером и являются его любимой погремушкой. А их ужас... да вот он, тащ полковник, перед вами.

Они вошли в танковый парк. Ворота боксов были раскрыты. Внутри, урча дизелями на холостом ходу, стояли танки. Нет, не так – ТАНКИ! Катуков подумал, что будь он немецким танкистом, то он действительно бы испугался этой бугристой, как у доисторического ящера брони, этой приплюснутой башни и широких гусениц, что придавало машине вид присевшего, изготовившегося к прыжку хищника. А самым главным была длинноствольная пушка, считай что корабельного калибра.

Судя по всему, эта зверюга была создана для того, чтобы бороться с себе подобными, и танки сороковых годов двадцатого века для нее были только на один зубок.

Катуков положил руку на остро скошенный лобовой лист и ощутил мелкую дрожь работающего на холостых оборотах двигателя. В воздухе пахло разогретым маслом и сладковатым соляровым угаром. Рядовой Бакрадзе поднялся на броню, сдвинул в сторону люк механика-водителя в центре корпуса и скользнул на свое место. Газанув пару раз для пробы, он вывел танк из наполненного сизым соляровым угаром бокса на площадку перед воротами.

– Значит так, тащ полковник, – обратился к Катукову старшина, – сейчас вы садитесь на мое командирское место, и Сережа потихоньку отвезет нас на исходную. Там ребята сделают вам вывозной и покажут мастер-класс.

– А вы, старшина? – неожиданно хрипло спросил Михаил Ефимыч.

– Для четырех человек внутри места нет, – ответил старшина Кирьянов, – поэтому до исходной я буду на броне, а потом Сережа начнет исполнять свое родео. Так что я лучше пешком постою. Да вы не бойтесь, тащ полковник, вам ничего делать не придется. Сидите и смотрите. Ребята выучили это упражнение, как таблицу умножения. Когда вернетесь, будете знать, о чем спрашивать. Ну что, по коням?

– По коням, товарищ старшина, – ответил Катуков и полез на броню. Ему вдруг захотелось объездить эту тихо урчащую громадину и понять, так ли уж она хороша, как кажется с первого взгляда.

Внутри танк был, мягко выражаясь, тесноват. Все свободное место в боевом отделении занимал казенник пушки, автомат заряжания и прицел. Михаил Ефимович чувствовал себя селедкой, которую не очень гуманно засунули в бочку, почему-то забыв залить рассолом. Еще разница видимого внешнего и осязаемого внутреннего объемов башни говорила о толщине брони, и эта толщина доставляла полковнику Катукову особое

удовольствие. Этот танк был по-настоящему толстокожим. Еще Михаила Ефимыча заинтересовал неожиданно плавный ход тяжелой машины.

– Сергей, – окликнул он мехвода, – какая тут подвеска?

– Торсионная, тащ полковник, – ответил механик-водитель.

– А скажи, почему ты – Бакрадзе, и вдруг Сергей? – неожиданно спросил Катуков. – Да и на грузина ты не очень похож.

– Кхе! – ответил механик-водитель. – Да мы в Москву еще считайте при Иване Грозном приехали. Так что у меня только фамилия грузинская...

– Сережа у нас москвич в ...дцатом поколении, – добавил наводчик, – и очень этим гордится.

– Да ладно вам, ребята... – проговорил мехвод и добавил: – Стоп! Исходная! – Танк, дернувшись, остановился. – Провожающих просим покинуть поезд.

Старшина Кирьянов склонился к уху полковника Катукова:

– Тащ полковник, сейчас вы за командира танка, так вам будет интересней. Ваша задача обнаружить цель и дать целеуказание наводчику. Ну, ребята, счастливо!

Михаил Ефимович не столько услышал, сколько шестым чувством почувствовал, что старшина спрыгнул с брони на землю. Потом дизель взревел всеми своими восемьюстами сорока лошадками, танк рванулся вперед, и полковник Катуков почувствовал, что он летит... По сторонам мелькали заснеженные елки, впереди моталась раздолбанная, присыпанная снежком колея танкодрома. Вот танк взметнулся на эскарп, и полковнику Катукову захотелось закричать: «Мама!» – томительные десять секунд свободного полета.

Немного отдышавшись, он подумал, что если эти танки будут вот как степные тушканчики прыгать по полю боя, то противнику еще понадобится время, чтобы привыкнуть к этому мельтешению. А весит такой «тушканчик», ни много ни мало, сорок тонн. И при этом прыгает как колесно-гусеничный БТ.

Но вот лес кончился и впереди открылось чуть всхолмленное мишенное поле. Ухватив в окулярах командирского перископа размытый силуэт, полковник скомандовал:

– Танк противника, лево двадцать.

– Вижу! – подтвердил наводчик, и ствол башни быстро пополз в указанном направлении. Михаил Ефимович ожидал, что сейчас последует команда «Короткая», танк остановится, наводчик прицелится и выстрелит. Но вместо этого ствол пушки, смотрящей на цель как привязанный, вдруг окутался облаком дыма. Танк дернулся, и по ушам ударил выстрел. А

секунды через четыре мишень разлетелась облаком обломков. Переведя дух, полковник начал лихорадочно искать новую цель для пушки, а в голове билась только одна мысль: «Четыре тысячи таких танков пройдут Европу, как раскаленный нож сквозь кусок масла!»

Когда дистанция закончилась, и танк, тихо урча дизелем, вернулся на исходную, Михаил Ефимович почувствовал, что его комбинезон мокрый, хоть выжимать. Ну и еще, в придачу, приятное чувство глубокого удовлетворения.

Перед тем как расстаться с экипажем старшины Кирьянова, полковник Катуков задал только один вопрос. Его интересовал ресурс пробега этих танков. Кроме этого, у него уже были все данные для доклада маршалу Шапошникову, оставался только этот, как он тогда думал, последний штрих. Полученный ответ его буквально шокировал, ибо шестьдесят тысяч километров пробега означали для него бесконечность.

Но просто так от российских танкистов ему отделаться не удалось. После горячего душа, под одобрительные кивки особиста, Михаил Ефимович был увлечен в комнату отдыха, где под большим портретом сурового человека в морской форме уже кипел электрический самовар. Так что те полчаса, пока шла высланная за ним машина, полковник Катуков коротал не на улице, а за чашкой чая.

Завтра он снова приедет сюда, только с самого утра, как и послезавтра, и в последующие дни. Словом, пока делегация СССР пребывает в РФ. Вот так же он должен «пощупать» еще две модели танков, три – самоходных орудий, две боевые машины пехоты, и прочая, прочая, прочая...

А потом написать товарищу Сталину большой доклад на тему того, как он видит развитие бронетанковых сил РККА в свете полученных им новых знаний. Если вся остальная техника будет хотя бы вполовину так хороша, как тот танк, на котором он ездил сегодня, то советские бронетанковые силы станут непобедимыми.

27 февраля 2017 года, 15:05. Российская Федерация, Московская область, аэродром в Жуковском

На летном поле аэродрома в Жуковском в один ряд, как на параде, были выстроены боевые самолеты. А также те машины, которые сопровождавший их немолодой авиационный генерал называл ударными и транспортными вертолетами.

– В отличие от наших коллег-танкистов, – говорил он, медленно двигаясь вместе с гостями вдоль рядов самолетов и вертолетов, – номенклатура предлагаемой нами авиатехники очень ограничена. При

переводе на хранение она очень быстро приходит в негодность, а еще быстрее фатально устаревает. Также, по причине высокой стоимости и небольшой механической прочности дюралюминия, разделка авиатехники куда менее трудоемка и более выгодна, чем разделка, к примеру, танков. Танковую броню еще разрежь...

А с самолетом все просто – гидравлическими ножницами чик, чик, чик... Короче, ломать – не строить.

Из того, что осталось, мы сможем предложить СССР десять-пятнадцать восстановленных дальних бомбардировщиков Ту-95. Еще до конца не ясно, сколько из них пригодно к снятию с хранения. Но десять единиц мы сможем гарантировать точно. Каждая такая машина способна доставить двадцать тонн боевой нагрузки на расстояние шести тысяч пятисот километров. Ее плюсом является то, что она вполне может быть освоена советскими пилотами из состава авиации дальнего действия. Минусом – потребность в трехкилометровой бетонированной посадочной полосе первого класса. Кстати, в паре с летающим танкером Ил-78, радиус действия такого самолета с территории СССР становится неограниченным.

– Вы имеете в виду применение этих ваших спецбоеприпасов? – спросил генерал Захаров. – Ведь в противном случае даже две сотни тонн бомб не являются особо выдающимся средством поражения.

– Это вы зря, Георгий Нефедович, – парировал возражение хозяин. – Решение о применении спецбоеприпасов принимает первое лицо государства, и не нам это обсуждать. Да и двести тонн – это боевая нагрузка почти двух дивизий АДД, вооруженных самолетами ДБ-ЗФ. Полет эти самолеты выполняют на высоте десяти-двенадцати километров, что делает их неуязвимыми для зенитной артиллерии и истребительной авиации. Ну и кроме обычных фугасных и зажигательных авиационных боеприпасов, применяются еще и высокоточные бомбы, в том числе кассетные и объемно-детонирующие, единичной массой до пяти тонн, которые мало чем уступают ядерным и в то же время совсем не раздражают международную общественность.

– Опять я вас не понимаю, Константин Николаевич, – вздохнул Захаров, – что значит высокоточные и объемно-детонирующие, поясните, пожалуйста.

– Высокоточные – это те, что имеют управляемую траекторию падения, – ответил Захарову сопровождающий, – такие бомбы поражают не среднеарифметическую площадь, а какую-то конкретную цель. Чем меньше круговое отклонение от намеченной точки, тем точнее боеприпас. Если вы способны уложить в круг радиусом метр бомбу, способную

пробить пятьдесят метров бетона и гранита и взорваться в самой сердцевине вражеского центра управления, то значит, что вы этим самым получаете возможность достигать стратегических целей единичными ударами.

То же самое ОДАБ, то есть боеприпас, снаряженный вместо обычной взрывчатки, ну, к примеру, бензином. Первый, внутренний, детонатор вызывает распыление горючей смеси в воздухе, а несколько внешних, закрепленных на корпусе, сработав с задержкой в одну-две секунды, вызывают ее воспламенение. Процесс напоминает работу поршневого двигателя, лишь с той разницей, что энергия взрыва канализуется не в работу мотора, а в создание ударной и термической волны.

Ударная волна настолько мощная, что единичной бомбы, попавшей в здание германского Рейхстага или Вестминстерского аббатства, хватит для того, чтобы эти сооружения превратились в кучу мелкого щебня высотой в полтора-два метра. Искать человеческие тела под руинами будет бесполезно, ибо эти боеприпасы превращают их в фарш.

– Ну да, – вздохнул Захаров, – война дело страшное. Кстати, а это что за громила, – он указал на стоящий сразу за Ту-95 Ан-22, – тоже бомбардировщик?

– Нет, Георгий Нефедович, – ответил сопровождающий, – это Ан-22, военно-транспортный самолет. Способен доставить 60 тонн груза на три тысячи километров и на той же заправке вернуться обратно. Не нуждается в бетонированных площадках, достаточно полутора километров просто ровного поля. В двухпалубном варианте способен перевезти до семисот человек без экипировки. Имеющиеся в нашем распоряжении двенадцать единиц мы хотим предложить в качестве средства обеспечения связи находящихся в рейде Ударных армий с Большой землей. Туда – боеприпасы, топливо, медикаменты, людское пополнение, обратно – наши раненые и ценные пленные. Один-два рейса в день, в зависимости от удаленности маршрутов...

Генерал Захаров переглянулся с Ильюшиным и Поликарповым, потом кивнул.

– Спасибо, Константин Николаевич, мы доложим по команде...

А Ильюшин добавил:

– Все возможно, если цена при этом не будет чрезмерной.

– Не будет, – усмехнулся их экскурсовод, – но это уже не наш с вами вопрос, на это товарищ Косыгин есть, у него на то права есть, пусть он о цене договаривается. Кстати, товарищ Ильюшин, обратите внимание, штурмовик Су-25 в какой-то мере – наследник вашего знаменитого Ил-2.

Бронированный, скорость до девятисот километров в час, боевая нагрузка до четырех с половиной тонн. Дадим Георгию Нефедычу на нем полетать и, если будет добро, предложим к поставке до полутора сотен единиц.

На этом, товарищи, извините, с готовыми самолетами все, вся прочая авиатехника нашего времени, даже фронтовая, требует бетонных аэродромов и срока освоения, превышающего год, а значит – не является предметом нашего сегодняшнего обсуждения. Но разговор на этом не закончен, товарищи, у нас еще есть тема для разговора. Прошу пройти в то здание...

Там же, полчаса спустя

В небольшой комнате гостей из СССР ожидало несколько человек самых разных возрастов. Человек, сопровождавший их по комплексу лётно-испытательного института, сначала представил Поликарпова, Ильюшина и Захарова, а потом сказал:

– Товарищи, когда руководство страны обратилось к нам с просьбой составить аналитический обзор на тему того, что можно было бы изменить в советских ВВС и авиационной промышленности с помощью современной России, мы попросили заняться этим делом группу наших молодых, но уже проявивших себя сотрудников. Товарищи Поликарпов и Ильюшин, попрошу вас не обижаться на претензии и внимательно отнестись к предложениям. На стороне этих молодых людей свежий взгляд и знание основных путей развития авиатехники. Кто будет докладывать? Ты, Сергей? Прошу.

– Итак, – вышел вперед один из молодых людей, – начнем с главного – с двигателей. Единственным удачным поршневым мотором, на который до нашего времени сохранился полный набор конструкторской документации, является АШ-82Т мощностью в 1900 лошадиных сил, известный товарищам под именем М-82. После передачи всей документации его производство может быть развернуто на советских заводах в самые кратчайшие сроки. Кроме того, на наших базах хранения в качестве ЗИПов к уже снятым с вооружения самолетам и вертолетам, находится около 1200 таких же новых, что называется, «в масле», моторов. АШ-82 без переделки конструкции может быть установлен на бомбардировщики ТБ-7, Ер-2 и Ту-2, а также истребитель И-180...

– Не пойдет, – покачал головой Поликарпов, – М-82 на двести килограммов тяжелее штатного М-88. Центровка будет нарушена необратимо.

– Николай Николаевич, – ответил молодой человек, – я ждал этого

вопроса. Ребята, тушите свет! Проектор!

В наступившем полумраке, на побеленной стене нарисовался прямоугольник проекционного экрана, на котором появилась продольная схема И-180.

– Смотрите, – сказал Сергей, – мы забираем М-88 и устанавливаем М-82... – На экране один мотор сменился другим, и появилась большая синяя стрелка, тянущая нос самолета вниз. – Вроде бы Николай Николаевич прав, и наш уродец никогда не взлетит. Но! У АШ-82Т форса в мощности над М-88 в восемьсот лошадей, товарищи, то есть почти вдвое.

Сначала у нас возникла мысль утяжелить хвостовую часть самолета для восстановления баланса, полусотни килограммов под костыль вполне бы хватило. А потом мы подумали – а зачем самолету таскать мертвый вес?! – При этих словах кабина пилота вдруг опоясалась бронезащитой. – Шесть миллиметров брони, общим весом 170–200 килограммов восстановят центровку и надежно прикроют летчика и кабину от пуль винтовочного калибра, направленных с хвостовых курсовых углов. Это как раз тот случай, когда одним выстрелом мы убиваем двух зайцев.

И вот еще что, товарищ Поликарпов – это я вам говорю от лица советских пилотов, которые скромные и потому молчат. Спилите гаргрот, сделайте фонарь каплевидным и дайте нашим летчикам обзор на триста шестьдесят градусов, чтоб ни одна фашистская тварь не могла подкрасться к ним с хвоста. И выкиньте к черту эти пулеметы-спринцовки. Обидно читать воспоминания тех, кто летал на пулеметных «ишаках». Тратить полный боекомплект для того, чтобы сбить один «юнкерс» или «хейнкель» – это никуда не годится. Две-три пушки ВЯ-23, или, на худой конец, ШВАК. Чтоб наши летчики могли одним нажатием пальца превратить в обломки любой вражеский самолет, хоть тот же «юнкерс», хоть «ланкастер», хоть Б-17... По этому вопросу у меня всё!

Наступила тишина, Поликарпов внимательно разглядывал предложенную схему и не находил в ней серьезных изъянов. Запас прочности в конструкцию был заложен значительный, и после переделки нагрузки вполне укладывались в рамки нормативов.

– Скажите, молодой человек, – вдруг спросил он, – а И-180 в вашем прошлом был принят в серию?

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул Сергей. – Безредукторный двигатель М-88 так и не удалось довести. Таким же мертворожденным оказался и ваш И-185 из-за проблем с мотором М-71. Пока мы тут разговариваем, заводы продолжают гнать вал по устаревшим И-16. Мы знаем, что И-180 может сменить его в производстве без смены оснастки, а в

частях – без переучивания летчиков.

– Тогда надо попробовать, – сказал Поликарпов, – только вот у нас на заводе это будет сделать сложновато. В последнее время там творится прямо какой-то саботаж в отношении этой машины...

Человек, который привел в эту комнату гостей из СССР, прокашлялся.

– Товарищ Поликарпов, я думаю, что в течение одного-двух дней мы сумеем решить вопрос о передаче нам одного экземпляра самолета И-180 и летчика-испытателя, к примеру, Степана Супруна. Тем более что полеты на И-180 еще не запрещены. Модернизацию проведем на наших мощностях и покажем товарищу Сталину уже готовую машину. Сергей, – повернулся он к докладчику, – у тебя было еще что-то к товарищу Ильюшину?

– Да, – ответил тот, – по штурмовику Ил-2. Но это наскоро лучше не объяснять, там переделки должны быть куда серьезнее, и не все так однозначно. Была мысль установить ему под капот вместо АМ-38 тот же АШ-82Т или наш ВК-2500. В первом случае придется кардинально менять форму бронекорпуса, но все прочее останется «как есть». Во втором случае бронекорпус остается прежним, мы будем иметь выигрыш в мощности в тысячу коней и экономию в тонну массы. Тут при перецентровке листом брони не обойдешься, тут получается фатально задняя центровка. А значит, проблема с обратным знаком. Никакой батареей пушек на освободившемся месте под капотом это не выправить. Пусть лучше сначала товарищ Ильюшин познакомится с нашими газотурбинными двигателями, а потом сам решает, стоит ли огород городить. А мы, если что, поможем.

По остальным самолетам я уже сказал: одна модель истребителя И-180, одна модель штурмовика Ил-2, одна модель фронтового бомбардировщика Ту-2 и одна модель тяжелого бомбера ТБ-7, он же Пе-8. Бомбардировщики или с моторами АШ-82Т, или с нашими ВК-2500... Во втором случае надо проводить усиление центроплана, чтобы брать на борт бомбы особых калибров. Три тонны для Ту-2 и семь тонн для Пе-8. Вот теперь в принципе все.

27 февраля 2017 года. 18:15. Российская Федерация, Московская область, резиденция премьер-министра РФ

Разговор между вице-премьером Российской Федерации Дмитрием Олеговичем Рогозиным и будущим председателем Совета Министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным был лаконичным и конкретным.

Хотя Косыгин в то время был еще относительно молод – всего 36 лет – и занимал сравнительно скромную должность среди высшей советской

госпартноменклатуры, но опыт работы у него уже был немалый. Недаром на третий день войны Сталин назначил его заместителем Совета по эвакуации при Совнарком. А если учесть тот факт, что главой этого Совета был товарищ Каганович, являвшийся скорее политическим свадебным генералом, чем фактическим руководителем, то получается, что молодой нарком текстильной промышленности фактически возглавил важнейшее мероприятие, проводимое руководством СССР – эвакуацию заводов и фабрик из прифронтовой полосы в глубокий тыл. В результате его работы тысячи заводов и фабрик, вместе с оборудованием и рабочим персоналом, были перемещены в Сибирь и Среднюю Азию, где и были созданы новые экономические районы, уже зимой сорок первого – сорок второго года давшие первую продукцию фронту.

Вот и сейчас, немного хмурый и малоразговорчивый, он сразу же приступил к делу. Косыгин достал из портфеля стопку отпечатанных бумажных листов и вопросительно посмотрел на российского вице-премьера.

– Ну что, товарищ Рогозин, приступим? – спросил он. – Для начала я назову те виды товаров, в которых нуждается экономика СССР и которые мы хотели бы получить от вас, а вы мне скажете, что из запрашиваемого нами вы сможете поставить и в каких объемах.

Рогозин поставил на стол свой ноутбук, открыл крышку, включил и, щелкнув несколько раз «мышкой», приготовился отвечать на вопросы своего советского визави.

– Как мне сказали, поставки боевой техники и боеприпасов – не моя забота, – сказал Косыгин, – этот вопрос находится в компетенции наших военных и именно им его решать. Поэтому мы с вами поговорим в первую очередь об интересующих нас промышленных товарах, оборудовании, металлах и сырье. Прежде всего, СССР интересуют цветные металлы – алюминий, медь, олово. Вот список и объем поставок, которые мы бы хотели получить, – Косыгин протянул вице-премьеру Российской Федерации лист бумаги с колонкой цифр.

Тот внимательно прочитал переданную ему бумагу, пощелкал «мышкой», задумался, а потом утвердительно кивнул головой.

– Алексей Николаевич, все вами перечисленное может быть поставлено в трехмесячный срок. Причем половину от всего запрошенного вами мы можем отгрузить в СССР немедленно, лишь немного потревожив фонды Госрезерва.

– У вас в Госрезерве лежит металл? – удивленно спросил Косыгин.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Рогозин. – Металл у нас в

значительной степени идет на экспорт. А там разные коллизии встречаются – то спрос упадет, то производство где-нибудь не в меру вырастет. Цены падают, наши предприятия не могут продать свою продукцию и несут убытки. Чтобы этого не было, мы скупаем у них металл и помещаем его в Госрезерв. А потом или продаем, когда цена восстановится, или используем для государственных нужд, как сейчас. Мы, знаете ли, благодаря советскому прошлому, а конкретно вам, уважаемый Алексей Николаевич, производим металла значительно больше, чем может поглотить внутренний рынок.

– Да, очень интересно, – сказал немного ошарашенный Косыгин и протянул Рогозину следующую бумагу. – А это список необходимых нам машин и оборудования для развития железнодорожного транспорта, – сказал нарком. – Мы предполагаем, что в начальный период войны наши железные дороги могут быть разрушены в результате налетов вражеских бомбардировщиков, а подвижной состав выйдет из строя. В случае же, если планы, которые строят наши и ваши военные, успешно осуществляются и Красная Армия пойдет на Запад, ту же самую проблему придется решать на освобожденных от немецкого фашизма территориях, поскольку наши летчики тоже будут массово бомбить железнодорожные узлы во вражеском тылу и охотиться за эшелонами противника. Да и колея у них другая, придется ее перешивать, чтобы гнать к фронту эшелоны с техникой, боеприпасами и военным снаряжением. А это значит, что будут нужны рельсы, костыли, накладки и прочее.

Вице-премьер перечитал, взял со стола желтый маркер и отчеркнул на листке несколько строчек.

– Уважаемый Алексей Николаевич, – сказал Рогозин, – насчет рельсов и, условно говоря, вагонов – вопросов нет. То же самое могу сказать и об оборудовании для ремонта и восстановления железнодорожного полотна. Но паровозов у нас нет. Точнее, есть некоторое количество, стоящее на длительной консервации. Я не совсем уверен в их сохранности – ведь прошло столько лет. Мы, конечно, можем их вам уступить за совершенно символическую цену, но это количество не покроет и сотой части вашей заявки. Взамен могу предложить разместить на наших заводах заказ на магистральные и маневровые тепловозы. Впрочем, давайте я отложу эту бумагу и немного позже посоветуюсь со специалистами. Точный ответ вы получите в течение трех дней.

Косыгин кивнул и вытащил из своей папки очередной документ.

– Еще один вопрос, который надо решить, это – продовольствие, – сказал нарком. – Мы надеемся на свои силы, но война требует мужчин,

которые трудятся в сельском хозяйстве. Их надо кормить. К тому же у нас еще очень плохо поставлено дело с переработкой сельскохозяйственной продукции. Не везде и не всегда есть возможность длительно хранить продукты питания. Холодильников в частях, находящихся вне гарнизонов, нет. Поэтому было бы желательно, чтобы вы поставили нам те продукты, которые могли бы храниться длительное время в обычных походных условиях. Я уже знаю, что у вас уже достигнуты большие успехи в этом деле. Поэтому вот перечень продуктов питания, которые мы хотели бы от вас получить. Это мясные и рыбные консервы, яичный порошок, животные жиры, сгущенное молоко, галеты... В общем, здесь все написано. – Косыгин протянул российскому вице-премьеру еще одну бумагу.

Тот перечитал список, кивнул и снова защелкал «мышкой». Потом почесал свою, уже начавшую лысеть голову и сказал:

– Не беспокойтесь, товарищ Косыгин, поможем. На первых порах потрясем склады Госрезерва. Возможно, кое-что подкупим за границей. Но Красную Армию продовольствием обеспечим. – Рогозин отложил бумагу в сторону и побарабанил пальцами по столу. – У меня к вам, Алексей Николаевич, встречное предложение. Насколько я знаю, когда у нас зима, у вас лето. На долгую перспективу мы можем ту часть вашего урожая, которую вы не можете переработать самостоятельно, перерабатывать у нас. Тут как раз будет межсезонье и недогруз мощностей. Мука, макароны, выпечка, растительное масло, свекловичный сахар... Да те же самые мясо и рыба пойдут на переработку в консервы. Если рассчитывать на более длительный срок, то давайте договариваться о поставках соответствующего оборудования.

– Я передам ваши предложения товарищу Сталину, – ответил Косыгин, – они хотя и очень интересные, но далеко выходят за пределы моих полномочий. Думаю, что, в конце концов, этот вопрос будет решен к взаимному согласию.

– Теперь об обмундировании, – продолжил он. – Чтобы одеть и обусть тех, кто будет мобилизован первой очередью, имеющихся в наличии запасов у нас на складах Наркомата обороны хватит. Но, как вы знаете, во время войны обмундирование и обувь изнашиваются быстро. Нам бы хотелось, чтобы вы помогли нам в их изготовлении. Тем более что наши военные специалисты уже высказывали мысль о необходимости переодеть бойцов действующих частей Красной Армии в форму нового образца, в определенной степени приближенную к вашей. Мы можем развернуть производство новых образцов обмундирования и обуви на наших швейных и обувных фабриках. – Косыгин заглянул в одну из своих бумаг и прочитал

непривычное для него слово: – Так называемые «камуфляжку» и «берцы». Я бы попросил вас прислать специалистов и образцы материалов, чтобы помочь наладить это производство у нас. А также нам нужны соответствующие выкройки и ТУ. Все это нужно сделать в кратчайшие сроки, поскольку к первому мая тысяча девятьсот сорок первого года два миллиона комплектов нового летнего обмундирования должно быть уже передано в войска приграничных округов и роздано в частях.

Российский вице-премьер кивнул и забегал пальцами по клавиатуре своего ноутбука. Потом он взглянул на Косыгина и кивнул.

– Алексей Николаевич, мы сделаем то, что вы просите. Только переход на новую форму надо как-то залегендировать... Необходимо распространить слух, что ее изготавливают для частей, дислоцированных на Дальнем Востоке или в Средней Азии... Впрочем, я думаю, что это будет поручено соответствующим компетентным органам – это как раз их задача решать подобные вопросы.

– Разумеется, – кивнул Косыгин и продолжил: – Также будет необходимо изготовить для бойцов новое соответствующее снаряжение... – он снова посмотрел на лежащий перед ним листок, – «разгрузку». Тут вопрос, аналогичный с изготовлением обмундирования – мы просим прислать специалистов, образцы материалов и выкройки. Думаю, что это тоже решаемо?

– Вполне, Алексей Николаевич, – ответил вице-премьер, – как и с другими элементами обмундирования, которые вы хотите заимствовать у нас. Думаю, что надо выделить этот швейно-обувной вопрос в особую тему и назначить соответствующих профильных специалистов, которые будут им непосредственно заниматься.

Теперь кивнул Косыгин, продолжая перебирать лежащие перед ним бумаги. Вот он выудил из их стопки еще одну и положил на стол перед собой.

– Товарищ Рогозин, – сказал советский нарком, – для развертывания производства новых видов вооружения нам понадобятся дополнительные мощности. Нам будут необходимы станки, оборудование для заводов, инструменты, сверла, резцы, способные обрабатывать бронелисты, словом... – Косыгин протянул Рогозину очередную бумагу, – здесь все изложено.

Вице-премьер России внимательно изучил документ, взял маркер и сделал на нем несколько пометок.

– Алексей Николаевич, – сказал он, – помимо того, что вы запрашиваете у нас, мы хотим предложить вам новые технологии и новые

инструменты и станки. Они способны во много раз увеличить производительность труда и более качественно изготавливать детали.

К примеру, роторные линии для производства боеприпасов к стрелковому вооружению. На тех же площадях производство можно будет увеличить сразу на порядок. Или оборудование для электродуговой сварки, в том числе корпусов кораблей и подводных лодок, что в несколько раз сократит производственный цикл на советских судостроительных заводах.

И еще в вашей заявке не упомянуто об электростанциях. Небольших, но мобильных и очень мощных, в которых, я уверен, у вас будет большая нужда. Ну, и многое другое, – российский вице-премьер сложил полученные от Косыгина листы бумаги аккуратной стопочкой. – Вы здесь не последний день, и мы в любой момент сможем вернуться к любому вопросу, а окончательные корректировки внесем во время финальной правки всех документов.

В ответ на это предложение Косыгин кивнул, показывая, что он не возражает. Потом разговор зашел о поставках в СССР каучука – в ответ Рогозин предложил изготавливать камеры и покрышки в России XXI века. Косыгин запросил о возможности поставок некоторых легированных сталей и материалов, производимых в Советском Союзе в крайне недостаточных количествах – в ответ Рогозин пощелкал «мышкой» и сказал, что некоторые из этих материалов уже не производятся, но можно подобрать их аналоги того же назначения, но более высокого качества.

Потом настала очередь российского вице-преьера задавать вопросы. Он достал из пластиковой папки листы бумаги с отпечатанным на принтере текстом и предложил Косыгину с ними ознакомиться. Это был список сырья и товаров, который он назвал «встречными поставками».

В списке фигурировали некоторые виды пищевого сырья, экологически чистые продукты, в общем, все то, что производилось в СССР 40-х годов XX века и имело реальную ценность и в начале XXI века. Косыгин изучил список, после чего заявил, что он с точки зрения экономии золотого запаса, в общем, считает его вполне приемлемым. Но окончательное решение, разумеется, может принять лишь товарищ Сталин.

Вице-премьер, прекрасно зная, какая жесткая вертикаль власти была в СССР в предвоенные годы, не стал возражать и кивком согласился с Косыгиным.

На этом первый тур торговых переговоров между СССР 1940 года и Российской Федерации 2017 года можно было считать законченным. Стороны расстались, как говорят в подобных случаях, довольные друг другом.

11 августа 1940 года, 08:05. СССР. Москва. Центральный аэродром имени Фрунзе

Летчик-испытатель Евгений Георгиевич Уляхин

Лишь только шеф-пилот КБ Поликарпова Евгений Уляхин переступил порог проходной Центрального аэродрома имени Фрунзе, как его остановил подтянутый сотрудник ГУГБ НКВД с тремя кубарями в петлицах.

– Уляхин Евгений Георгиевич? – спросил чекист сухим и скрипучим голосом, с немного неприятным прибалтийским акцентом.

– Да, это я, – ответил летчик, почувствовав, что в горле у него неожиданно пересохло. Пусть он и не чувствовал за собой никакой вины, но определенная жутковатая аура, витающая вокруг сотрудника органов, не способствовала душевному спокойствию.

Но, к удивлению как самого летчика, так и окружающих, фраз типа «вы задержаны», «гражданин, пройдемте», «прошу следовать за мной», не последовало. Вместо этого чекист достал из планшета простой почтовый конверт без марки и сказал:

– Товарищ Уляхин, это вам. Мне поручено доставить и проконтролировать исполнение.

Разорвав конверт, летчик вытащил из него сложенный вдвое листок бумаги, на котором неровным шрифтом пишущей машинки было напечатано:

«В целях выполнения особо важного государственного задания Уляхину Е. Г. поручается немедленно перегнать самолет И-180 М-88 № 25211, находящийся на заводе № 1, на аэродром ЛИИ ВВС в Кратово. По прибытию к месту назначения самолет и летчик поступают в распоряжение старшего майора ГУГБ НКВД П. Архипова».

И подпись красным карандашом в правом нижнем углу: «И. Ст.».

Сотрудник НКВД, особенно такой нарочито колоритный, действует на производственные процессы, как скипидар на муравейник. Все немедленно начинают суетиться и изображать трудовую активность. Евгений Уляхин уже начал опасаться, чтобы скорость подготовки самолета к вылету не привела бы к аварии, и особо тщательно осмотрел машину перед полетом,

но ничего подозрительного не нашел. Все было в порядке.

Когда же летчик надел парашют и собирался подняться в кабину перед запуском двигателя, чекист неожиданно подошел к нему вплотную и тихо сказал:

– Товарищ Берия просил вам передать, что возможно этим делом вы спасете жизнь себе и многим хорошим людям. Он пожелал вам успеха.

Взревел мотор, и окрыленный чекистским напутствием Евгений Уляхин вырулил машину на старт. Полет прошел без особых происшествий, да и лететь-то было меньше четверти часа.

В Кратово его уже ждали. Дежурный по аэродрому указал ему на дальний угол летного поля, сейчас уже оцепленный бойцами НКВД. Было тревожно. Никто ничего не объяснял, скорее всего, исполнители и сами не были посвящены в конечный замысел начальства. Зарулив на указанное ему место, летчик заглушил мотор и выбрался из кабины. Коротко взвыла сирена и по этому сигналу персонал начал торопливо, не оглядываясь, покидать летное поле. По этой же команде чекисты из оцепления повернулись лицом наружу. Все выглядело так странно, что в воздухе откровенно запахло серой.

К Евгению подошел чекист в расстегнутом полушубке и сдвинутой на затылок шапке, возрастом чуть постарше того, что провожал его на аэродроме имени Фрунзе.

– Старший майор ГУГБ НКВД Павел Архипов, – представился он. – Ваши документы?

Евгений подал ему командирскую книжку и с каким-то безразличием наблюдал, как чекист листает ее, сверяясь с записями в своем блокноте. Потом документ вернулся к владельцу, а старший майор, козырнув, сказал:

– Все правильно, товарищ Уляхин. Должен довести до вашего сведения, что вам поручено выполнять важное правительственное задание, – Павел Архипов посмотрел на часы. – Все, время...

И тут летчик порадовался тому, что по совету старшего лейтенанта надел перед вылетом меховые унты и теплую куртку на меху для высотных полетов. Сзади вдруг дохнуло ледяным холодом, и, обернувшись, Евгений увидел раскрывшуюся вдруг дыру, ведущую, как ему показалось, в ледяной ад. Там, под низким серым небом мела поземка, а на летном поле, закутанные в брезент, стояли грозные остроносые машины, лишь отдаленно напоминающие хорошо знакомые ему самолеты.

Из дыры выехал бортовой грузовик, отдаленно напоминающий полуторку, из его кузова горохом посыпались люди, которые, откинув задний борт, через «Раз, два, взяли», подхватили хвост его «сто

восьмидесятки» и занесли его в кузов грузовика. Заурчал двигатель, и чудная машина потащила за собой истребитель в дыру.

Евгений так бы и стоял разинув рот, глядя на это бесцеремонное похищение, но старший майор хлопнул его по плечу и, коротко сказав:

– Следуйте за мной, – повел летчика туда, прямо в зимнюю метельную круговерть. Там их ждала легковая машина неизвестной марки, скорее всего, заграничной, в которую его вежливо усадили. Оглянувшись, он увидел, как позади захлопнулась дверь в такой знакомый, теплый и ласковый мир.

– Где мы, товарищ старший майор? – спросил Евгений, глядя на проплывающие за стеклом затянутые брезентом и присыпанные снегом острые носы грозных, явно боевых, машин.

– Как где? – удивленно переспросил чекист. – Разве вы не узнаете место? Мы по-прежнему на аэродроме в Кратово.

– Но зима... И эти аппараты? – мотнул головой летчик в сторону закутанного в чехлы Ту-22МЗ.

– Товарищ Уляхин, – строго сказал старший майор, – мы не где, мы когда. Сейчас мы находимся на том же аэродроме в Кратово, но 1 марта 2017 года.

Летчик обалдело посмотрел на чекиста, потом за окно, а потом снова на него. Все сказанное им было абсолютно очевидно и так же абсолютно невероятно. Быстро справившись с растерянностью – а как же, все же он летчик-испытатель – Евгений спросил:

– А что я тут буду делать?

– Как что? – удивился чекист. – Я же вам сказал, товарищ Уляхин, что вы будете выполнять особо важное правительственное задание. А если конкретно, то испытывать вот этот самолет – И-180, после того как над ним поработают местные товарищи. Николай Николаевич Поликарпов попросил прислать именно вас.

– Он тоже здесь? – спросил летчик, глядя, как грузовик с самолетом на прицепе заезжает в распахнутые ворота ангара.

– Тоже, – ответил чекист, – и не только он.

Подъехав к воротам ангара, которые уже почти закрылись за самолетом, водитель повернулся в их сторону и сказал:

– Все, товарищи, выходим, конечная. Трамвай дальше не идет.

Внутри ангара было тепло, светло и полно народу. Площадка, на которой стоял уже снятый с буксира истребитель, была со всех сторон окружена яркими прожекторами. Люди в рабочих спецовках подбили под колеса самолета колодки и со всех сторон облепили несчастный самолет,

будто муравьи гусеницу. Электрические гайковерты со свирепым урчанием взялись за свое дело, болт за болтом убирая крепление капота...

Николай Николаевич Поликарпов первым заметил своего шеф-пилота. Одетый в такую же, как и у остальных рабочих, спецовку, он подошел, вытирая руки ветошью.

– Здравствуй, Евгений, – сказал он, пожимая Уляхину руку, – у нас тут такое дело. Товарищи подобрали новое сердце нашей птичке. – Поликарпов махнул рукой в сторону тележки, на которой был закреплен еще один радиальный поршневой двигатель. – Только он в некотором роде тяжелее и длиннее. Но это не важно. Важно то, что он подходит по диаметру к фюзеляжу, а самое главное – его мощность и ресурс. Тысяча девятьсот лошадей и тысяча двести часов межремонтного интервала...

– А центровка? – почти автоматически спросил Уляхин.

– С центровкой, Женья, дела вообще головокружительные, – ответил Николай Николаевич. – Мне предложили установить на кабину пилота бортовые бронез экраны. Сейчас их прикрутят поверх обшивки, но в серии они будут монтироваться с внутренней части стрингеров. Ты представляешь, истребитель с бронированной кабиной. Правда, защищает она только от пуль винтовочного калибра и только с хвостовых кормовых углов. Но ты же знаешь, что в бою это самый вероятный ракурс обстрела, не считая лобовой атаки. Ну, а там, сам понимаешь, пилота прикрывает мотор. Но это потом, а сейчас пойдем, я познакомлю тебя с одним интересным человеком, а тут мы с тобой нужны будем только в момент окончательной центровки...

– Погодите, Николай Николаевич, – остановил Поликарпова Уляхин, – как это вообще все получилось? Откуда оно вообще взялось, это будущее?

– Война, Женья, – вздохнул Поликарпов. – Большая война. Через десять месяцев, 22 июня 1941 года, вероломно нарушив пакт о ненападении, Гитлер нападет на нас. Мы все равно его победим, но немецкая армия дойдет до Ленинграда, Москвы, Сталинграда и Новороссийска. Погибнут десятки миллионов наших людей. Это будет не просто завоевательный поход, как у Наполеона, это будет война на истребление нашего народа.

Когда наши потомки, после атома и космоса, смогли победить само время, они тут же пришли к нам, чтобы предупредить и помочь. В их прошлом И-180 так и не был принят на вооружение, а наши ВВС в начале войны были внезапным ударом деморализованы и разгромлены. Все-таки И-16 и «Чайки», как ни печально, совсем не те самолеты, которые на равных могут бороться с люфтваффе. Устарели они к тому времени.

Наша с тобой задача, Женья, в самые кратчайшие сроки создать и

облетать новую машину. Она должна быть быстрой, маневренной, мощной и хорошо вооруженной. Ее можно будет начать выпускать немедленно, и она станет настоящим истребителем самолетов, которыми так гордится люфтваффе. Именно она должна будет ссаживать с неба «экспертов» люфтваффе на всех этих «Эмилях», «Фридрихах» и «Густавах». Ну, ты об этих самолетах еще узнаешь... Вот, Женя, знакомься, генерал-майор Георгий Нефедыч Захаров. Летчик-истребитель, герой Китая и Испании. Над этой машиной вам работать вместе. Один из вас испытатель, другой боевой летчик. Надеюсь, что вы сработаетесь.

– А это что, товарищ генерал? – Уляхин показал на металлический стол, на котором в строгом порядке были разложены металлические изделия. В них было нетрудно узнать авиационные пушки и пулеметы.

– Наши новые друзья в самых недвусмысленных выражениях попросили нас вытащить из боевых самолетов пулеметы ШКАС и прочие трещотки винтовочного калибра. В этой войне, как тут говорят, «рулить» будут пушки, от двадцати миллиметров и до тридцати семи. Пулеметы УБ – только как вспомогательное оружие.

– Но англичане ставят на свои новые истребители «Спитфайр» по восемь пулеметов винтовочного калибра, – возразил Уляхин.

– Это потому, что они делали истребитель для сопровождения своих тяжелых бомбардировщиков к нашим городам, заводам и нефтяным вышкам, – возразил Евгению подошедший сзади человек средних лет в рабочей спецовке, но больше похожий на инженера, – потом планы немножко изменились. Только началась «Битва за Англию», они узнали, как это тяжело валить «дорнье», «хейнкели» и «юнкерсы» из пулеметов винтовочного калибра. Скоро вооружение изменится на шесть пулеметов Браунинга 50-го калибра, то есть 12,7 мм, или две пушки 20 мм и четыре пулемета калибра 7,7 мм. Как там говорят: «Дурак учится на своих ошибках, а умный – на ошибках дураков».

– Знакомься, Женя, – сказал Поликарпов Уляхину, – мой помощник, инженер и специалист по самолетам нашего времени, к тому же твой тезка, Евгений Козавец. Именно он был автором проекта этого, как здесь говорят, «тюнинга». А это, товарищ Козавец, мой ведущий летчик-испытатель, Евгений Уляхин, можно сказать, крестный отец этой машины. Так что, я думаю, товарищи, сработаемся!

– На страх врагам, – добавил Евгений Козавец. – Пусть гансы сразу вешаются, все равно их смерть придет, – и, пожав руку Уляхину, сказал: – Сегодня мои рабочие поменяют движок, а завтра мы с Николаем Николаевичем займемся центровкой. Послезавтра, наверное, можно будет

сделать рулежку. И если все будет нормально – обкатаете птичку в воздухе. Но будьте осторожны, машина получится – мустанг из прерий, и к тому же еще не обьеженный. По расчетам, в пикировании скорость может значительно превысить 700 километров в час, а это чревато катастрофой. Для полетов на таких скоростях нужны совершенно иные профили крыла и конструкции хвостового оперения. Но это – уже совершенно иная машина, и сейчас на ее проектирование и строительство просто нет времени.

– Товарищ Архипов, – повернулся он к чекисту, – вы не будете против, если я возьму товарищей Поликарпова, Захарова и Уляхина и отвезу их в свое хозяйство. Пусть посмотрят мою коллекцию, может, какие интересные мысли и придут им в голову.

– Какую коллекцию? – подозрительно спросил чекист.

– Самолетов, конечно, – ответил инженер и предприниматель Козавец, – кто-то коллекционирует марки, а я – летающие самолеты прошлого. Пусть товарищи посмотрят, пощупают, полетают, наконец. Для хороших людей ничего не жалко.

2 марта 2017 года. Ижевск, улица Бородина, 19, Музей имени М. Т. Калашникова. Симонов Сергей Гаврилович

Все время своего пребывания в ХХІ веке я находился в постоянных разъездах. Для того чтобы познакомиться со всем тем новым, что наизобретали люди в области огнестрельного оружия за восемьдесят лет, я побывал в Ижевске, на знаменитом оружейном заводе. В мое время он делал винтовки Мосина, а сейчас тут выпускали автоматы АКС-74У и гранатометы. Кстати, в моем родном Коврове, на заводе имени Дегтярева, теперь выпускались станковые пулеметы «Печенег» и крупнокалиберные «Корд». Очень порадовало, что завод назван в честь Василия Алексеевича – не забыли потомки старика!

За время этой поездки мне удалось увидеть много интересного. Но не все новинки нам подойдут. Многие упирается в новый для нас патрон, который здесь называют «промежуточным». Калибров у таких патронов собственно два. Калибр одного «образца 43 года» такой же, как и у нас – 7,62 мм, а у второго «образца 74 года» калибр уменьшен до 5,45 мм. Этот самый патрон «образца 74 года» матерят все специалисты, с кем я встречался, но на вооружении в войсках стоит именно он.

Да, кстати, сам промежуточный патрон, независимо от калибра, сильно напоминает винтовочный, но с укороченной на 20 мм гильзой. Сделано это для уменьшения мощности винтовочного патрона, избыточной для автоматического оружия. Я и сам долго работал над автоматической

винтовкой, и именно избыточная мощность патрона, разрушающая механизм при автоматической стрельбе, была моей основной головной болью.

Но все же я думаю, автоматы у нас под этот патрон будут. Мне тут сообщили ошеломляющую цифру – на армейских складах скопилось огромное количество автоматов Калашникова – более десяти миллионов единиц! Хватит на две войны, которые ожидают СССР. Пару миллионов стволов, как раз под патрон «образца 43 года», они обещали продать Советскому Союзу за чисто символическую плату. А вместе с ними – по пятьсот патронов на ствол со складов мобрезерва и роторные линии Кошкина для производства боеприпасов этого калибра, законсервированные сейчас на здешних патронных заводах. Как я с удивлением узнал, гильзы этих патронов не требуют дефицитной латуни и меди, а выпускаются из покрытого специальным составом тонкого стального листа. Эти линии очень производительны, и СССР сможет производить такие патроны десятками миллиардов штук.

Кроме того, нам передадут документацию для производства пистолетов-пулеметов Судаева, сокращенно ППС. Оружие дешевое в изготовлении, но достаточно надежное, очень компактное и удобное для использования в качестве оружия самообороны экипажами танков и бронемашин. Я видел этот автомат, держал его в руках и даже стрелял. Действительно, конструкция до удивления проста, пистолет-пулемет практически полностью собирается из штампованных деталей, соединяемых на сварке и заклепках. То есть его можно изготовлять почти на любом механическом производстве и даже, при желании, в кроватной мастерской. Дешево и сердито! Ну, а патронов калибра 7,62 мм для пистолета ТТ у нас и у самих достаточно.

А сегодня мы поехали в Ижевск, где, как мне сказали, сейчас находится «оружейная столица России». И вот я в музее величайшего оружейного конструктора мира, Михаила Тимофеевича Калашникова. Именно он создал лучшее оружие всех времен и народов, оружие, которое еще при его жизни вошло в легенду. Автомат для солдата. Простой, надежный, удобный. Автоматы Калашникова составляют шестьдесят процентов от числа всех стволов, существующих в этом мире. Оружие, которое можно встретить в любой точке мира и которое помещено в гербах и на флагах нескольких государств.

Автор же этого оружия в нашем времени служит простым механиком-водителем танка в Киевском Особом военном округе.

Я видел этот автомат, разбирал и стрелял из него. Действительно,

удивительно простое до гениальности оружие, ничего лишнего. Любой боец, даже совершенно неграмотный, легко освоит его. Если его осваивали африканские бушмены и вьетнамские крестьяне, афганские кочевники и арабские феллахи, для которых мотыга – вершина технической мысли, то чем хуже советские колхозники и рабочие?

Полный армейский курс обучения владением автоматом Калашникова занимает всего десять часов. При всем этом автомат очень надежен – он может эксплуатироваться в любых условиях, ему ничто не страшно – ни пыль, ни вода, ни снег, ни грязь. После того, как нам поставят это оружие, огневая мощь РККА увеличится многократно. Это оружие наилучшим образом может пойти на вооружение стрелковых, десантных и морских частей.

Кроме автоматов Калашникова, нам могут поставить и ручные пулеметы его же конструкции, которые, по сути, представляют собой те же автоматы, под тот же боеприпас 7,62Ч39R, только с более длинным и тяжелым стволом на сошках. Очень удобный и легкий, намного практичнее и мощнее ДП. В качестве замены дедушке русской армии, пулемету «Максим», нам предлагают станковый пулемет все того же Калашникова. При почти тех же тактико-технических данных ПКМ значительно легче «максима». Семь с половиной килограммов на сошках и двенадцать килограммов с трехногим станком. И это против шестидесяти двух килограммов у «максима».

Правда, если вспомнить, что при своем рождении в далекой Англии «максим» весил полторы тонны, то наглядно видны семимильные шаги прогресса, отбрасывающие все лишнее и оставляющие только самую суть. Российское правительство готово продать нам до ста тысяч таких пулеметов, и за чисто символическую сумму передать лицензию на производство.

Я ходил по музею и не верил своим глазам. Оружейник, закончивший всего девять классов средней школы, по сути, самоучка, создал такой образец стрелкового оружия, который был изготовлен в умопомрачительном количестве – более 100 миллионов единиц. Его копировали в других странах, оно состояло на вооружении около пятидесяти стран. Это только официально. А неофициально – никто не может сказать.

Я читал, смотрел и, если сказать честно, завидовал. По-хорошему завидовал. Я уже успел узнать, что моя автоматическая винтовка, принятая на вооружение в 1936 году, была с началом войны снята с вооружения, как слишком сложная и ненадежная в эксплуатации. Виной тому, как я уже

говорил, был слишком мощный для такого вида оружия винтовочный патрон, и конструкция, которая была слишком сложна для технически неподготовленных призывников в Красную Армию.

А вот другая моя винтовка, точнее, карабин, сделанный под тот самый «промежуточный патрон образца 43 года», был принят на вооружение в 1949 году и неплохо себя показал. Его выпустили в количестве около 15 миллионов единиц. Потом было решено, что основным оружием Советской армии станет автомат Калашникова, и СКС ушел в запас.

Много карабинов СКС до сих пор хранится на складах мобрезерва Министерства обороны Российской Федерации, и довольно крупная партия этого оружия будет поставлена Красной Армии. Не везде нужно стрелять очередями, для пограничных и караульных частей, а также для охраны складов и объектов как раз лучше подойдет мой карабин.

Поговорили мы и о той моей самозарядной винтовке, над которой я работал перед поездкой сюда. Оказывается, на вооружение ее так и не приняли и в серию не поставили. Но местные товарищи, показав мне бельгийскую винтовку FN-FAL, сказали, что если я доведу свою конструкцию до того же уровня, Российская Федерация даже будет закупать у СССР некоторое количество таких винтовок.

Но я даже не мог мечтать о такой популярности, которую имел в СССР, в России и во всем мире автомат Михаила Тимофеевича Калашникова. Ну что ж, каждому свое...

Не отказали мне и в экскурсии по заводу в Ижевске, на котором здесь выпускают автоматы Калашникова. Моя записная книжка, которую я взял в дорогу чистой, была уже почти полностью заполнена. Я все время заносил туда все, с чем мне довелось ознакомиться: все данные о выпускаемом в XXI веке стрелковом оружии, импортном и российском, все новые идеи и способы изготовления как самого оружия, так и отдельных его частей, все фиксировалось и записывалось мною.

Теперь, когда мне почти все ясно, надо будет вернуться в гостиницу, сесть за стол и написать специальную докладную для товарища Сталина, в которой я должен изложить текущее положение дел, предложения о возможных поставках уже готовых образцов оружия из будущего и свои мысли о дальнейшем развитии стрелкового оружия.

Я думаю, что части Красной Армии, вооруженные новым совершенным оружием, смогут дать отпор любым агрессорам, рискнувшим напасть на нашу страну...

Часть 4. Путь к победе

17 августа 1940 года, 10:55. СССР, Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина

Делегацию, вернувшуюся из Российской Федерации, сразу же без задержек доставили на Ближнюю дачу Сталина. Расслабляться было некогда. На западе после капитуляции Франции продолжалась воздушная «Битва за Британию». Обе стороны несли тяжелые потери в самолетах, и мало-помалу воздушная война начинала перерастать в террор против гражданского населения Англии. До первых массированных бомбежек Лондона был еще почти месяц, но уже сейчас было понятно, что проиграв чисто военную кампанию и не сумев полностью подавить Королевский Воздушный флот, люфтваффе неизбежно будет вынуждена перейти к ночным налетам на промышленные центры.

Дневники Гальдера стали у товарища Сталина настольной книгой, и он каждый день заглядывал в них, делая пометки о наличии или отсутствии совпадений. Совпадений было много, очень много, История шла по своему маршруту, как паровоз по рельсам, и следовало готовиться к тому, что Гитлер все же пойдет на нападение на СССР, так и не победив Англию.

Там, на Западе, все шло, как обычно, но в СССР обстановка уже менялась. Эти изменения были пока с трудом заметны даже для осведомленного наблюдателя, но они были. Например, пошла ко дну головокружительная карьера Александра Сергеевича Яковлева. Его проект ББ-22, он же Як-4, был нещадно раскритикован, а сам Александр Сергеевич потерял свободный доступ к вождю и корочки референта по авиационным делам. Одновременно был смещен с должности начальник авиационного завода в Горьком Паншин, до этого вставлявший Поликарпову палки в колеса.

Сразу же после этого события Сталин имел длительную ночную беседу с главкомом ВВС генерал-лейтенантом Павлом Рычаговым. Впечатления у вождя от этой встречи остались самые тягостные. Предварительно тщательно изучив вопрос и его предысторию, Сталин сделал вывод, что Рычагов занимаемой должности не соответствует. Как был лейтенантом, так им и остался. «Советского Геринга», в комплексе воспринимающего все вопросы войны в воздухе, из него не вышло. Да, Павел Рычагов был честным человеком, храбрым и грамотным летчиком, но при этом весьма посредственным командиром и совсем никудышным

военачальником. Вопрос личной судьбы генерал-лейтенанта Рычагова был не столь важен, как общее состояние дел в советских ВВС. Короткая записка маршала Шапошникова, поступившая с ТОЙ СТОРОНЫ с курьером, только подтверждала эти подозрения. Если организационные дела в сухопутных войсках и на флоте, по мнению Бориса Михайловича, можно было решить в рабочем порядке, то организационное строительство Военно-воздушных сил как рода войск фактически надо было начинать с нуля.

Но это были еще цветочки. В Наркомате внутренних дел решением наркома с понижением в должности на периферию были переведены несколько весьма влиятельных руководителей отделов. Кроме того, вместо ожидаемого непосредственного включения в состав РККА армий буржуазной Литвы, Латвии и Эстонии, Президиум Верховного Совета СССР под давлением Сталина и Берии вынес решение об их полном расформировании и решении судьбы каждого офицера и солдата в индивидуальном порядке. Так же было принято решение о направлении для прохождения службы всех призывников с так называемых «освобожденных территорий» в части Дальневосточного, Забайкальского и Среднеазиатского военных округов и о недопущении их локальной концентрации в каких-либо воинских частях.

Эти события, а также просочившиеся в высшие партийные круги невнятные слухи о тайных контактах товарища Сталина с какими-то неизвестными личностями, необычайно встревожили некоторых советских руководителей. На стол Лаврентия Берия легло донесение начальника ГУГБ НКВД комиссара государственной безопасности 2-го ранга Всеволода Николаевича Меркулова о зафиксированных внеслужебных контактах некоторых членов Политбюро. Началось все с участившихся встреч Маленкова с Кагановичем, к которым впоследствии примкнул первый секретарь КПУ Хрущев. Никита Сергеевич в течение пяти дней два раза летал в Москву из Киева, что было для него нетипично. Также были отмечены попытки контактов Маленкова с Ворошиловым и Молотовым. Но те от участия в таких «посиделках» демонстративно уклонялись. Хуже было то, что одновременно с Хрущевым из Ленинграда в Москву прилетал командующий ЛВО генерал-лейтенант Михаил Кирпонос, а во время второй встречи, пятнадцатого числа, к ним присоединились и командующий ЗапОВО генерал-полковник Дмитрий Павлов, и новоназначенный начальник Генштаба генерал-лейтенант Кирилл Мерецков. В воздухе отчетливо запахло тридцать шестым годом и тухачевщиной.

– Лаврентий, – сказал тогда Сталин Берии после прочтения этого донесения, – ты их людей от себя убирать начал, вот они и зашевелились. Раз уж так вышло, то создай по этому делу особую группу. Старшим назначь майора Филимонова, в замы ему дай кого-то из своих, понадежней. Секретность чтоб была высочайшая. И пусть роют со всей чекистской дотошностью. Если надо – до самого центра земли. И докладывай мне по этому вопросу ежедневно. ЭТИ могут быть страшнее любого Гитлера. Мы-то с тобой уже знаем, чем закончилось подобное у наших потомков.

Случился этот разговор вчера вечером, а сегодня, после недельной командировки из РФ вернулась советская делегация. Вместе с ними прибыли и посланцы РФ более высокого ранга, чем в первый раз. Сразу у пункта перехода всех усадили в автобус и повезли на дачу к Хозяину. Из Кремля спешно выехал другой, не менее охраняемый кортеж. Покинул свой кабинет в здании на Лубянке и человек в пенсне.

На Ближнюю дачу они подъехали почти одновременно. Сначала «Паккард» Сталина, затем автобус с делегацией, потом и «эмка» Берии.

– Здравия желаю, товарищ Сталин, – сдержанно поздоровался с вождем маршал Шапошников, первым вышедший из автобуса, – вот мы и вернулись из будущего.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, – Сталин пожал Шапошникову руку и с ног до головы оглядел стоявшего перед ним маршала. – Вы неплохо выглядите. Как ваше здоровье?

– Ничего, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – нормально.

– А мне докладывали, что вам нужна операция, – прищурившись, сказал Сталин. – Борис Михайлович, относитесь к своему здоровью серьезнее, дела, которые нам предстоят, воистину государственной важности. А потому мы просто обязаны заботиться о своем здоровье. Так что сразу после сегодняшнего совещания сдайте все дела в группе товарищу Василевскому и возвращайтесь в госпиталь. Есть мнение, назначить вас на очень ответственный пост, разумеется, после прохождения вами полного курса лечения. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – есть сдать дела в группе генерал-майору Василевскому и пройти полный курс лечения.

– Ну, зачем же так официально? – уже мягче сказал Сталин. – Просто вы, Борис Михайлович, нужны нам живым, здоровым и в хорошем самочувствии. Впереди у нас еще много очень важных дел и болеть нам будет некогда.

– Спасибо, товарищ Сталин, за оказанное доверие, – кивнул маршал, –

постараюсь не подвести нашу партию и правительство, – Шапошников оглянулся. – Разрешите, говоря по-старорежимному, представить вам генерал-полковника Шаманова Владимира Анатольевича, прибывшего к нам с ознакомительным визитом для согласования совместных действий.

– Здравия желаю, товарищ Сталин, – сказал Шаманов, с интересом разглядывая стоявшего перед ним Вождя Народов.

– Здравствуйте, товарищ Шаманов, – ответил Сталин, с не меньшим интересом смотревший на стоящего перед ним генерала. – Скажите, а почему вы тогда, в две тысячи восьмом, заранее объявили о своем наступлении на Зугдиди. Прямо какой-то князь Святослав получился. «Иду на вы». Противник-то и разбежался.

– Крови лишней не хотел, товарищ Сталин, – ответил Шаманов, – ни своей, ни чужой. Да и какие они нам чужие? В России грузин живет чуть ли не больше, чем в самой Грузии. Были бы на их месте какие-нибудь натовцы, тогда да, светопреставление было бы обеспечено. Храбрости у них еще меньше, чем, простите, у грузин, а жалости к ним у наших людей нет совершенно никакой.

– А немцы, – с интересом спросил Сталин, – как вы думаете, товарищ Шаманов, они могут стать для нас своими?

– Точно не знаю, товарищ Сталин, – ответил Шаманов, – но думаю, что в настоящий момент вряд ли. Сейчас они в эйфории от идеи национальной исключительности и от перспективы установить свое господство над миром. Драться за обещанные им Гитлером поместья и славянских рабов они будут ожесточенно, и истреблять их надо без всякой жалости. Может быть, когда-нибудь потом, они и сумеют перевоспитаться. Если кто на это способен, то только немцы, не зря же они чуть ли не со времен Ивана Васильевича начали переезжать из своей Германии в Россию.

– Понятно, – сказал Сталин, здороваясь с только что подошедшим Берия, – думаю, что мы еще с вами переговорим на эту очень интересную тему. А сейчас я попрошу всех пройти в дом. Раз все в сборе, то пора бы нам уже и начать...

Пятнадцать минут спустя, там же на Ближней даче. Рабочая комната Сталина

Сидящий во главе стола Сталин обвел всех присутствующих внимательным взглядом.

– Начнем, товарищи. Кто выступит первым?

В ответ на эти слова вождя со своего места поднялся сидевший напротив Сталина маршал Шапошников.

– Мы вас слушаем, Борис Михайлович, – кивнул Сталин.

– Я бы предложил первым дать слово товарищу Косыгину, – сказал маршал, – потому что после его доклада у вас сможет сложиться вполне определенное понимание цены обсуждаемого вопроса. Да и Алексею Николаевичу, наверное, будут совсем неинтересны наши, чисто военные, рассуждения по вопросам стратегии и тактики. Потом я предлагаю заслушать товарища Симонова, потом – полковника Катукова, ну, а вопросы ведения грядущей войны мы можем обсудить уже исключительно в кругу старшего комсостава.

– Наверное, вы правы, Борис Михайлович, – кивнул вождь, – начинайте, товарищ Косыгин.

– Товарищ Сталин, – волнуясь, сказал поднявшийся со своего места Алексей Николаевич Косыгин, – свой доклад я хочу начать с цены золота, которым, если будет заключено соответствующее соглашение, мы будем расплачиваться с нашими поставщиками из двадцать первого века. Так вот, за истекшие с этого момента семьдесят лет цена золота выросла примерно в восемьдесят-девять раз и колеблется в диапазоне между тысяча двести – тысяча пятьсот американских долларов за тройскую унцию. Это обстоятельство ставит нас, как покупателей, в крайне выгодное положение.

– Очень хорошо, товарищ Косыгин, – сказал Сталин, – вы можете привести пример, чтобы мы могли сравнить.

– Хорошо, товарищ Сталин, – кивнул Косыгин, – поскольку здесь в большинстве своем люди военные, то я и пример приведу соответствующий. Производство нового танка Т-34 обходится нашей промышленности при пересчете на золотой эквивалент в сто тридцать килограммов драгоценного металла, а танк Т-72, многократно превосходящий его по, гм, производственным возможностям, будет стоить РККА в пятьдесят килограммов золота. Причем только половина этой суммы уплачивается вперед. С промышленным оборудованием картина та же самая. Вдвое-втрое дешевле, чем аналогичное американское или германское, и при этом в пятнадцать-тридцать раз производительнее. Я пока не говорил о цене чисто сырьевых товаров: стали, в том числе и броневой, каучуке, алюминии, легирующих присадках, химических удобрений. Сейчас это было бы слишком долго, да и неинтересно многим здесь присутствующим. Все это имеется в составленном мною докладе на ваше имя.

С этими словами Косыгин передал Сталину увесистую красную папку. Взяв доклад в руки, вождь бегло пробежал глазами несколько первых страниц.

– Очень хорошо, товарищ Косыгин, – сказал он, закрывая папку, – теперь скажите, это какие-то специальные цены для товарища Сталина, или все эти товары действительно там столько стоят?

– Нет, товарищ Сталин, – ответил Косыгин, – это цены товарной биржи, взятые, как говорится, по максимуму. Если иметь дело непосредственно с производителем, приобретая большую партию и платя за нее вперед, то и с этих цен еще можно скинуть процентов десять-пятнадцать.

– Это хорошо, – кивнул Сталин, положив папку с докладом на край стола. – И последний вопрос, точнее, даже два вопроса. Товарищ Косыгин, чем можно объяснить такое, я бы сказал, неожиданное при капиталистической системе хозяйствования, удешевление товаров?

Косыгин на минуту задумался, а потом сказал:

– Наверное, все дело в общем росте производительности труда. Например, скорость обработки металла на токарных станках за прошедшие годы выросла примерно в пятьдесят раз. Кроме того, большие объемы производства тоже удешевляет конечный продукт. Чтобы вам было понятней, скажу, что лишь один российский стальной трест «Северсталь» выплавляет в их времени столько же стали, сколько в наше время вся Германия. А алюминиевый трест «Русский Алюминий» производит столько же алюминия, сколько сейчас производит весь мир. И это при том, что часть мощностей законсервирована из-за перепроизводства.

– Мы вас поняли, товарищ Косыгин, – сказал Сталин, немного подумав, – в принципе, с позиций марксизма, все сходится. Теперь скажите нам, что мы со всем этим должны делать дальше?

После этого вопроса пришло время задуматься уже Косыгину.

– Наверное, – сказал он после минутной паузы, – как говорят товарищи военные, к «Часу Ч» мы ничего сделать просто не успеем – слишком мало осталось времени. Подобрать площадки, построить цеха, завезти оборудование, обучить персонал, провести пуско-наладочные работы – на все это надо года два. Даже при всем советском энтузиазме и стахановских методах – от десяти месяцев до года. Получается, что к началу войны мы просто не успеваем. То есть в лучшем случае возможна отдельная модернизация существующих производств, расширяющая узкие места. На этом этапе, который я назвал бы нулевым, все то, что для РККА не сможет произвести наша промышленность, мы должны импортировать из Российской Федерации. Потому, в первую очередь, мы должны закупать оборудование и развивать те производства, которые у нас еще отсутствуют или развиты крайне слабо. Я бы отдельно выделил электронную

промышленность, нефтехимию, органический синтез, производство синтетических волокон. И порекомендовал бы строить сразу крупные предприятия, с возможностью выпуска большого количества продукции для получения максимального экономического эффекта от появления новых товаров собственного производства. И, на последнем этапе, уже можно будет строить новые и модернизировать старые предприятия на уже существующих производствах. На этом у меня всё, – сказал Косыгин.

– Спасибо, – ответил Сталин, – мы обдумаем ваши предложения. У кого-нибудь есть вопросы к товарищу Косыгину?

Ответом вождю была тишина.

– Если вопросов нет, – сказал Сталин, – тогда вы, товарищ Косыгин, можете быть пока свободным. Отправляйтесь домой и как следует отдохните. Мы встретимся с вами позже, после изучения доклада, и поговорим обо всем более подробно. До свидания.

Когда за Косыгиным, ушедшим в сопровождении одного из охранников, закрылась дверь, взор Сталина обратился к сидящему справа от него конструктору-оружейнику.

– Товарищ Симонов, – сказал вождь, – мы вас слушаем. Только, пожалуйста, говорите коротко и по существу.

– Хорошо, товарищ Сталин, – сказал конструктор, – буду краток. Итак, к принятию на вооружение частями РККА, НКВД и пограничных войск предлагаются следующие образцы стрелкового оружия... Это, прежде всего, автомат Калашникова образца сорок седьмого года под промежуточный патрон 7,62 на 39, который в прошлом наших потомков был принят у нас на вооружение в сорок третьем году... Точнее, даже не так.

Нам предлагают принять на вооружение этот патрон и поставить под него целый комплекс стрелкового вооружения. Это – сам автомат Калашникова в количестве около двух миллионов экземпляров – сколько их имеется точно, еще не подсчитано, но наши потомки обещают, что отдадут все. Далее, ручной пулемет Калашникова в количестве около трехсот тысяч стволов, затем – самозарядный карабин Симонова, в наличии имеются около четырехсот тысяч экземпляров. Кроме того, нам предлагается приобрести недостающий у нас станочный парк для собственного производства вышеуказанных вооружений, а также законсервированные сейчас в Российской Федерации роторные линии Кошкина для производства боеприпасов данного типа с гильзой не из дорогой дефицитной латуни, а из тонкой плакированной стали.

– Товарищ Симонов, – хитро прищурился Сталин, – скажите, как вы

думаете, в чем причина такой щедрости потомков?

– Дело в том, товарищ Сталин, – ответил Симонов, – что в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году в армии, тогда еще СССР, с принятием на вооружение патрона 5,45 на 39, произошла реформа стрелкового оружия и калибр 7,62 оказался невостребованным. Но поскольку у интендантов нет такой привычки что-либо выбрасывать, то все это оружие хранилось в мобзапасах на случай большой войны.

Сейчас нам предлагают приобрести все, что относится к этому патрону, освободив склады для запасов более новых образцов. Кроме того, нам предлагают некоторое количество станковых и танковых пулеметов Калашникова, под трехлинейный патрон образца 1908 года, а также около двухсот тысяч пистолетов-пулеметов Судаева образца сорок третьего года под патрон ТТ.

– Комплексный подход – это очень хорошо, – сказал Сталин и добавил: – Я вижу, что товарищ Рокоссовский хочет что-то сказать. Говорите, товарищ генерал-майор, не стесняйтесь.

– Товарищ Сталин, – сказал генерал-майор Рокоссовский, – мы с Сергеем Гавриловичем подробно обсудили этот вопрос. Автоматы, ручные и станковые пулеметы можно будет поставить в первую линию стрелковых и мотострелковых подразделений. Это будет неприятным сюрпризом для немецкой пехоты. Конечно, при таком подходе основной упор в частях надо будет сделать на обучении бойцов навыкам прицельной стрельбы одиночными выстрелами и короткими очередями. Самозарядными карабинами Симонова можно вооружить расчеты буксируемой артиллерии, зенитчиков, железнодорожников и другие технические войска в прифронтовой зоне. Стрелять им придется нечасто, но такие случаи вовсе не исключены. Компактные пистолеты-пулеметы Судаева со складывающимся металлическим прикладом очень хорошо подойдут для вооружения экипажей боевых машин и боевых самолетов...

– Вы предлагаете вооружить летчиков автоматами? – с удивлением спросил Сталин. – Разве пистолетов им недостаточно?

– Товарищ Сталин, – вместо Рокоссовского вождю ответил генерал Захаров, – как говорят товарищи из будущего, реально пистолет летчику нужен только для того, чтобы застрелиться. Зато компактный пистолет-пулемет и несколько запасных магазинов дают вполне реальный шанс отбиться от поисковой группы, пусть даже и с собаками, и вернуться к своим. А, как говорят у нас, летчиков, за одного сбитого двух несбитых дают...

– Очень хорошо, товарищи, – сказал Сталин, – я вижу, что вы между

собой уже обо всем договорились, и это меня радует. Может быть, товарищ Симонов хочет еще что-нибудь добавить?

– Совсем немного, товарищ Сталин, – сказал Симонов. – Вопрос касается модернизации пехотных и танковых пулеметов Дегтярева, стоящих сейчас на вооружении РККА. Несложное переходное устройство, чертежи которого были переданы мне в Российской Федерации, позволит использовать в них вместо дисков ленты от пулеметов Калашникова, что значительно увеличит боевые возможности этого пулемета. Кроме того, есть предложения по модернизации крупнокалиберного пулемета Дегтярева-Шпагина и переводу его с колесного хода на легкий трехногий станок с возможностью ведения зенитного огня... В общем, что касается стрелкового вооружения, все подробно изложено в моем докладе.

– Очень хорошо, товарищ Симонов, – Сталин посмотрел на часы, – я вижу, что вы подошли к вопросу в комплексе и советовались с авторитетными товарищами. Есть мнение отпустить товарища Симонова и после короткого перерыва на чай продолжить обсуждение чисто военных вопросов тактики и стратегии. Вопросы, возражений нет? Все, товарищ Симонов, вы свободны...

Еще полчаса спустя, там же

После перерыва, когда все расселись по своим местам, слово снова взял маршал Шапошников.

– Товарищ Сталин, – сказал он, – у меня есть предложение по ведению нашего собрания...

– Говорите, Борис Михайлович, – ответил вождь, раскрывая свой любимый блокнот, – мы вас слушаем.

– Посоветовавшись с товарищами, мы пришли к выводу, – сказал Шапошников, – что состав нашего собрания идеально подходит для ведения классического военного совета. Присутствует высшее политическое руководство, два генштабиста, два генерала-войскови́ка, летчик, танкист, представители разведки и контрразведки. Поэтому я предлагаю не отпускать полковника Катукова и генерала Захарова после их докладов, а всем вместе обсудить вопросы ведения грядущей войны и подготовки к ней, так сказать в полном объеме. У нас тут не хватает только моряков, но основной театр военных действий – чисто сухопутный, где флот играет лишь вспомогательную роль, поэтому вопросы взаимодействия с наркомом товарищем Кузнецовым можно будет обсудить чуть позже. На этом у меня все, товарищ Сталин.

Сталин и Берия переглянулись, и оба чуть заметно кивнули друг другу.

– Очень хорошо, Борис Михайлович, – сказал вождь, – попробуем обсудить грядущую войну, как вы правильно выразились, в полном объеме. Поэтому начнем, как говорится, сверху. Нам хотелось бы услышать мнение товарища Захарова о том, как нам сделать так, чтобы наша авиация с самого начала войны действовала, как положено, а не в силу разумения каждого отдельного летчика или комэска. Наша задача, товарищи, состоит не в том, чтобы наши летчики героически погибали за нашу советскую Родину, а в том, чтобы немцы погибали за своего фюрера.

– Для успешной войны в воздухе, – начал Захаров, – нужна связь, связь и еще раз связь. Связь летчика с аэродромом, связь с наземным пунктом наведения, связь самолетов между собой и связь аэродрома с командованием. Без связи вместо полноценной войны у нас выйдет драка слепых со зрячими. Только при наличии качественной связи можно будет говорить о возможности полноценного управления воздушным сражением со стороны командования.

После решения проблем с управлением и связью можно заняться и вопросом новых скоростных самолетов с пушечным вооружением, и индивидуальной и групповой подготовкой пилотов, а также созданием полноценной аэродромной сети в будущей прифронтовой зоне, находящейся сейчас явно в неудовлетворительном состоянии.

– Очень хорошо, – сказал Сталин, – в смысле хорошо то, что вы понимаете важность вопросов связи и управления, важных в любой области. А так, конечно, все очень плохо, можно сказать, хуже некуда. То, что вы сейчас мне сказали, я должен был услышать от главкома ВВС товарища Рычагова, а не от командира истребительной дивизии генерала Захарова. Ведь это именно товарищ Рычагов распорядился снять с самолетов все рации, чтобы они «не отвлекали летчиков в бою». Но нам хотелось бы знать, как сам генерал-майор Захаров собирается управлять авиацией в бою?

– Товарищ Сталин, – ответил Захаров, – я считаю, что не бывает какой-то особой отдельной воздушной войны. Военно-воздушные силы над полем боя должны действовать, прежде всего, в интересах сухопутных войск и спрашивать с авиационных командиров надо за конкретный результат или его отсутствие.

Действия противника надо упреждать, и тут как никогда высока роль систем управления и связи. Посты ВНОС, радары, прослушивание частот люфтваффе станциями радиоразведки, а также барражирующие на высоте самолеты-разведчики должны заблаговременно вскрывать замыслы противника, чтобы советские истребители могли своевременно их пресечь.

В ТОТ РАЗ в ходе войны было замечено, что немецкие истребители принимают свои бомбардировщики под охрану у самой линии фронта. Возникает закономерное желание – получив от радарных постов заблаговременное предупреждение о приближающемся противнике, осуществить перехват вражеских бомбардировщиков до их встречи со своими истребителями.

То же самое, но только со знаком минус, должно применяться при атаке нашими ударными самолетами вражеских наземных войск. Нашим бомбардировщикам и штурмовикам необходимо обеспечить надежное истребительное сопровождение, задача которого была бы не уничтожение немецких истребителей, а предотвращение их атак на сопровождаемые ими ударные самолеты. При неподавленном ПВО противника, для сокращения времени воздействия вражеской зенитной артиллерии и сведения к минимуму собственных потерь атака цели ударными самолетами должна осуществляться не более чем в один заход. Соответственно возрастает роль как тактико-технических характеристик самолетов, так и их вооружения...

– Товарищ Захаров, тут далеко не все летчики, – Берия блеснул стеклышками пенсне, – объясните нам, пожалуйста, все то же самое, но обыкновенными словами и поподробнее... Ваши слова об истребительном прикрытии наших бомбардировщиков и штурмовиков я понял, а вот дальше – нет.

– Товарищ Берия, – ответил Захаров, – В ТОТ РАЗ основные потери наша ударная авиация несла при выполнении второго и, особенно, третьего захода на цель. Противник, пришедший в себя после нашей внезапной первой атаки, разворачивал против наших самолетов всю мощь своего ПВО. Чтобы избежать напрасных потерь, цель должна быть уничтожена с первого захода, для чего наши ВВС должны иметь соответствующую материальную часть, летную подготовку пилотов и тактические схемы.

– Теперь мы вас поняли, товарищ Захаров, – кивнул Сталин, – а потому давайте теперь поговорим о материальной части. Ведь с этого все начинается?

– Да, товарищ Сталин, – коротко ответил Захаров, – вы абсолютно правы. Каждый самолет требует от пилота индивидуальных навыков и имеет свои особенности тактического применения.

– Тогда ответьте нам, только честно, – Сталин внимательно посмотрел на генерала, – какие типы самолетов вы хотели бы видеть на вооружении наших ВВС? Я говорю это потому, что у нас пока еще есть возможность внести изменения в производственные планы авиационной промышленности. Ведь в отличие от стрелкового оружия, бронетанковых

войск и артиллерии мы не ожидаем массированных поставок авиационной техники из Российской Федерации. Не так ли, товарищ Шаманов?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил Шаманов, – в составе нашего Экспедиционного корпуса, конечно, будет и авиационная группировка, но за некоторым исключением у нас отсутствует авиационная техника, пригодная к немедленному принятию на вооружение в ВВС РККА. Поставленный на длительное хранение самолет или вертолет приходит в полную негодность куда быстрее, чем танк или самоходное орудие.

– Значит, я был прав, – удовлетворенно кивнул Сталин. – Мы вас слушаем, товарищ Захаров.

– Поскольку эта тема мне наиболее близка, то начну я с истребителей, – сказал Захаров. – Из всех новых моделей самолетов, готовящихся к запуску в производство или уже стоящих на конвейере, я бы остановился на модернизированном с помощью товарищей из Российской Федерации истребителе И-180 конструктора Поликарпова. Суть модернизации заключается в установке нового мотора М-82, мощностью 1850 лошадиных сил, бронировании кабины с целью уравновесить новый, более тяжелый мотор, и вооружении истребителя тремя синхронными авиационными пушками калибром 23 миллиметра. Кроме того, под крыльями за пределами зоны ометания винта имеется возможность подвешивать до двухсот пятидесяти килограммов дополнительного вооружения. На выбор это могут быть: два подвесных контейнера с четырехствольными пулеметами ЯкБ-12,7, четыре противотанковых ракеты «Атака-В» или четыре ракеты Р-60, класса «воздух-воздух». Помимо нового мотора, основного и дополнительного вооружения, на самолет установлена мощная компактная радиостанция, защищенная от прослушивания противником.

– У вас прямо какой-то Змей Горыныч получился... – задумчиво сказал Сталин, – но, если мне не изменяет память, то именно при испытаниях этого самолета погиб в авиакатастрофе наш лучший летчик-испытатель товарищ Чкалов. Не так ли, Лаврентий?

– Да, товарищ Сталин, – твердо ответил генерал-майор Захаров, – в свое время, при испытаниях этого самолета, в катастрофе разбился наш лучший летчик-испытатель Валерий Чкалов. Но дело в том, что тогда причиной катастрофы был не сам самолет, а не доведенный до готовности двигатель М-88Б и допущенное руководством завода и аэродромным начальством грубейшее нарушение правил авиационной безопасности.

Скажу лишь, что я лично облетал модернизированный И-180 и могу ругаться за то, что это – машина-зверь. Капризный, конечно, зверь и

своенравный, но при этом хищный и кровожадный. Скорость у земли в горизонтальном полете – шестьсот десять километров в час, скорость на высоте – шестьсот пятьдесят. По высоте горки И-180 на триста метров превосходит «мессершмитт», а по горизонтальной маневренности он почти не уступит «ишаку». В нынешней угрожающей обстановке у истребителя И-180 есть еще три несомненных и очень важных достоинства. Во-первых, заводы, выпускавшие И-16, могут перейти на И-180 без замены станочного парка и оснастки. Во-вторых, на складах имеется значительный запас ранее невостребованных двигателей М-82. В-третьих, новый самолет совместим с И-16 не только по своей конструкции, но и по особенностям пилотирования. Поэтому процесс переучивания должен занять у летчиков минимальное время. На этом у меня всё. Товарищ Поликарпов считает, что истребитель И-180 хоть сейчас готов к показу высшему руководству и к запуску в серийное производство. Не забывайте, что наши заводы каждый день выпускают все новые и новые устаревшие машины, которые почти наверняка окажутся невостребованными в грядущей войне.

– Завтра утром, – после недолгих размышлений сказал Сталин, – вы покажете нам этот самолет на полигоне в Кубинке. Ведь, как я понимаю, товарищи Шаманов, Рокоссовский и Катуков приехали к нам тоже не с пустыми руками, и им тоже будет, что нам показать. На этом тему нового истребителя будем считать временно закрытой. До особого распоряжения. Теперь нам хотелось бы знать, что вы думаете о тех самолетах, которые все же производились серийно в прошлом наших потомков?

– Товарищ Сталин, в первую очередь я хотел бы сказать об истребителе Як-1, конструктора Яковлева. Машина легкая, маневренная, доступная в пилотировании даже летчику-новичку. Недостатком машины является откровенно слабое вооружение, недостаточное для поражения современных цельнометаллических бомбардировщиков. Истребитель истребителей. Рекомендуются модернизировать до уровня Як-3 образца сорок третьего года, и в таком виде использовать для сопровождения наших ударных самолетов. Рекомендации по модернизации Як-1 в Як-3 приведены в моем докладе отдельным приложением.

Истребитель МиГ-1, он же – МиГ-3, конструкторов Микояна и Гуревича. Высотный скоростной истребитель. Недостатки: строгий в управлении, имеет высокую посадочную скорость, плохую маневренность на средних и малых высотах и чисто пулеметное вооружение. После перевооружения на спаренную 20-мм пушку пригоден в роли высотного перехватчика и чистильщика. Рекомендуются к выпуску ограниченной серией, по сто машин в ВВС каждого фронта, и по пятьдесят машин в ПВО

Москвы, Мурманска, Севастополя и Баку.

Истребитель ЛаГГ-1, он же – ЛаГГ-3. Из достоинств у него только цельнодеревянная конструкция, не требующая дефицитного дюралю. Выдающиеся скоростные характеристики были получены путем лакировки и последующей полировки изделия, за что самолет получил кличку «Рояль». По спектру применения ЛаГГ-1 конкурирует с И-180 и будущим истребителем Поликарпова И-185. В случае крайней необходимости возможен выпуск на перепрофилированной мебельной фабрике и под мотор М-82.

– То есть вы сомневаетесь в необходимости производства самолета конструкции товарищей Горбунова, Лавочкина и Гудкова? – неожиданно спросил Захаров Сталин.

– Да, товарищ Сталин, сомневаюсь, – ответил летчик, – в условиях отсутствия дефицита дюралюминия и при запуске в серию И-180 данная конструкция полностью утрачивает свой смысл.

– Хорошо, – сказал вождь, – мы подумаем об этом. Теперь, что вы, товарищ Захаров, можете сказать о других перспективных самолетах: Ил-2, Су-2, Пе-2, Ту-2, а также о нашем новом тяжелом бомбардировщике ТБ-7?

– Ил-2 и Пе-2 необходимо как можно скорее довести до готовности и запустить в серию, – ответил Захаров, – в бою они нам будут нужны как воздух. Су-2 себя не оправдал полностью, поэтому производить его нет смысла. Насчет же Ту-2... Надо как-то довести до товарища Туполева, что ждать готовности моторов М-120ТК-2 нет смысла. И в серию машину необходимо ставить с моторами М-82. Те же самые М-82 необходимо ставить и на ТБ-7, что резко увеличит его общую энерговооруженность, бомбовую нагрузку и радиус действия. Конкретнее сказать не могу, поскольку я все-таки летчик-истребитель, а не бомбардировщик.

– Вы и так немало сказали, – кивнул вождь, – у вас есть что-нибудь еще?

– Никак нет, товарищ Сталин, – ответил Захаров, передавая главе советского государства толстую красную папку, – вот мой рапорт, где все сказанное мной изложено в письменном виде с приложением дополнительных справочных материалов.

– Очень хорошо, – сказал Сталин, положив папку на край стола, – присаживайтесь, товарищ Захаров, и давайте вместе послушаем, что нам сейчас скажет товарищ Катуков. Ведь, по мнению некоторых, на поле боя все решают именно танки...

– Это не совсем так, товарищ Сталин, – ответил Катуков, – конечно, основная ударная сила сухопутных войск – танки. Но и они бессильны без

сопровождения мотострелками, без поддержки самоходной артиллерии и фронтовой авиации. По сути, формируемые сейчас на западной границе СССР механизированные корпуса являются несбалансированными, а потому небоеспособными формированиями, укомплектованными в основном устаревшей техникой. Следовательно, создание механизированных войск надо начинать с нуля...

– Вы предлагаете расформировать эти механизированные корпуса? – прервал Катуква Сталин.

– Совсем нет, товарищ Сталин, – ответил Катуква, – скорее, их требуется переформировать. Вместо двух танковых и одной мотострелковой дивизии я предлагаю сформировать четыре или пять компактных механизированных бригад. Мотострелков при этом можно посадить десантом на танковую броню, а высвободившийся автотранспорт использовать как базу для средств ПВО и для организации материального снабжения соединения.

Часть устаревших легких танков Т-26 считаю желательным переделать в противотанковые самоходные орудия, по образцу не пошедшей в серийное производство САУ АТ-1. В качестве артиллерийской платформы для создания таких САУ можно использовать качающуюся часть зенитных орудий З-К, дающих при разрыве зенитного снаряда недостаточное количество крупных осколков, способных поразить современные цельнометаллические самолеты. Но при этом бронебойный снаряд, выпущенный из этой пушки, способен поражать практически все виды бронетехники, а, следовательно, она вполне пригодна для применения в качестве орудия противотанковой артиллерии. Предлагаю укомплектовать каждую такую механизированную бригаду шестьюдесятью танками с пушечно-пулеметным вооружением, тридцатью противотанковыми САУ и примерно двумя тысячами бойцов личного состава, вооруженными пистолетами-пулеметами и самозарядными винтовками.

– Скажите, товарищ Катуква, – спросил Сталин, – какова может быть тактика и назначение подобных механизированных бригад?

– Активная оборона на второстепенных направлениях, – ответил танкист, – поддержка пехоты, рейды по ближним тылам, имитация танковых контрударов. Надо понимать, что немецкие генералы исповедуют принцип «танки с танками не воюют», поэтому, при попадании в засаду и при малейшей угрозе танковых атак, они будут сдавать назад, пытаясь прикрыться своей традиционно сильной противотанковой артиллерией и вызвав в качестве поддержки штурмовую авиацию. Это должно сильно сковать их маневр и замедлить продвижение.

– Мы вас поняли, – кивнул вождь, – конечно, разумное использование уже имеющихся ресурсов необходимо, но мы хотели услышать ваши соображения по поводу поставок техники из 2017 года и ее применении.

– Извините, товарищ Сталин, – сказал Катуков, – я как раз собирался перейти к этому моменту. Дело в том, что нам к поставке предлагается до четырех тысяч основных танков, две тысячи САУ калибров 122 и 152 мм, пять тысяч гусеничных боевых машин пехоты, две с половиной тысячи мобильных установок ПВО и около полутора тысяч единиц инженерно-саперной техники. Такое количество – пятнадцать тысяч гусеничных машин – потребуют от РККА наличие хотя бы механиков-водителей с как минимум начальной подготовкой. Добавьте к этому еще потребность в водителях для примерно двадцати пяти тысяч колесных бронетранспортеров, разведывательно-дозорных машин и прочего автотранспорта, необходимого для сбалансированного укомплектования группировки...

Сталин и Берия переглянулись, и полковник Катуков замолчал. В комнате повисла напряженная тишина.

– Товарищ Сталин, – сказал маршал Шапошников, – разрешите вам пояснить некоторые моменты, упущенные товарищем Катуковым?

– Мы вас внимательно слушаем, Борис Михайлович, – кивнул Сталин.

– Во-первых, объем запрашиваемой нами техники, – сказал маршал, – зависел, с одной стороны, от замысла операции по противодействию вторжению Гитлера, а с другой стороны, от возможностей Российской Федерации нам эту технику поставить.

– Мы согласны с этим утверждением, Борис Михайлович, – кивнул Сталин, – говорите дальше.

– Во-вторых, замысел операции, – продолжил Шапошников, – базировался на необходимости гарантированно остановить, разгромить, окружить и полностью уничтожить части вермахта еще на этапе приграничного сражения, не допустив ни лишних потерь среди военнослужащих РККА, ни жертв среди гражданского населения и разрушений нашей промышленности и транспортной инфраструктуры.

– И это правильно, – сказал Сталин, сделав пометку в блокноте, – продолжайте.

Маршал Шапошников кашлянул.

– Для достижения этой цели товарищи из будущего предложили нам использовать концепцию решающего превосходства. Именно так в прошлом европейцы воевали с дикарями.

– Товарищ Шапошников, вы предлагаете низвести вермахт до уровня

африканских дикарей? – подозрительно спросил Берия.

– Почти что так, – кивнул маршал, – тактико-технические характеристики предложенной нам техники настолько превосходят современные германские образцы, что различие будет несущественным. Кроме того, плотное построение противника в один эшелон у самой границы, которое в тот раз дало ему определенные решающие преимущества, в этот раз должно обернуться катастрофой. Но это лучше объяснять на карте. Разрешите?

Сталин кивнул, и Василевский с Рокоссовским расстелили на столе огромную карту-склейку от Балтики до Черного моря, с нанесенным на ней положением советских и германских частей на 21 июня 1941 года.

Маршал Шапошников взял карандаш.

– Видите, товарищ Сталин, как близко придвинуты к границе немецкие резервы и как пусто у них даже в оперативном тылу? Это, конечно, дает возможность немецкому командованию спешно вводить в дело дополнительные силы, но в этой возможности и кроется ловушка. Основные удары по плану «Барбаросса» противник нанесет в Белоруссии и Литве 2-й и 3-й танковыми группами. Для того чтобы сорвать замысел немецких генералов, необходимо остановить противника, 3-ю танковую группу генерала Гота вот здесь – у Алитуса, и 2-ю танковую группу генерала Гудериана вот здесь – у Кобрина. Основная задача не дать немцам сомкнуть клещи вокруг частей наших 4-й, 10-й и 3-й армий.

– Так вы, Борис Михайлович все же планируете допустить немцев на советскую территорию? – спросил Сталин.

– На отдельных участках это неизбежно, товарищ Сталин, – ответил маршал Шапошников, – общая численность РККА пять миллионов штыков, полтора миллиона из них находятся на западных рубежах в первом стратегическом эшелоне, миллион во втором, остальные обеспечивают безопасность наших рубежей на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Таким образом, противник в начале войны будет иметь более чем двукратное превосходство над нашими частями первого и второго стратегических эшелонов, которое на направлениях главных ударов можно будет считать десятикратным. А за счет растянутости наших войск в глубину может получиться и так, что наша рота при поддержке двух танков и батареи сорокопятаков должна будет противостоять полнокровной немецкой пехотной дивизии. Чтобы хотя бы сравняться с группировкой вторжения, нам надо будет за полгода до начала войны провести всеобщую мобилизацию и довести численность РККА до уровня военного времени в десять-пятнадцать миллионов штыков.

– Нет, – сказал Сталин, подумав, – на такой шаг мы пойти не можем. Войну, как вы правильно сказали, вначале необходимо выиграть исключительно армией мирного времени. Именно для этого мы и собираемся воспользоваться помощью наших потомков. Продолжайте, Борис Михайлович.

Маршал Шапошников кивнул и сказал:

– Все именно так, товарищ Сталин. Мы с коллегами рассчитали, что если даже убрать растянутость наших частей в глубину и более рационально перегруппировать войска на приграничных территориях, то немцы все равно будут превосходить наши части по живой силе и технике. На второстепенных направлениях – примерно в полтора раза, а на направлениях главных ударов – в пять-шесть раз. При этом, как я уже говорил, у немецкого командования будет возможность быстро снимать силы с второстепенных участков, перебрасывая их на направления главных ударов. Без помощи из будущего самым реалистичным был бы вариант поэтапного отступления с рубежа на рубеж с целью сохранить от уничтожения костяк армии мирного времени и, проведя мобилизацию, стабилизировать фронт по Днепру и Западной Двине. План, который мы рассматриваем сейчас, совершенно иной, и он основан на том, что численное превосходство германских войск будет с лихвой перекрыто превосходством в качестве вооружения, отличной выучкой и высоким боевым духом наших войск.

– Хорошо, – сказал Сталин, – давайте, как мы и собирались с самого начала, поговорим о вооружении. Товарищ Катуков, теперь вы нам расскажете о новых танках, которые мы можем приобрести у Российской Федерации?

Полковник Катуков прокашлялся.

– Танк Т-55М2, товарищ Сталин, имеет боевой вес тридцать семь с половиной тонн. Двигатель дизельный, мощностью в шестьсот двадцать лошадиных сил. Танк вооружен стабилизированной нарезной пушкой Д-10Т2С, калибром сто миллиметров и длиной ствола в пятьдесят шесть калибров, зенитным пулеметом ДШКМ калибром двенадцать и семь, и пулеметом СГМТ калибром семь шестьдесят два. Бронирование: лоб башни двести миллиметров, борт башни – сто шестьдесят миллиметров, лоб корпуса сто миллиметров, борт корпуса – шестьдесят миллиметров стальной брони. Танк способен поражать вражескую бронетехнику и пехоту на любых реальных дистанциях боя и практически неуязвим для вражеских средств ПТО. Угрозу ему могут представлять только минные поля. Но на этот случай предусмотрена установка танковых

противоминных тралов. Основные достоинства данного танка – высокие боевые характеристики, межремонтный ресурс около двадцати тысяч километров, простота в управлении и надежность механизмов. Немаловажным плюсом является и то, что к танковой пушке Д-10Т2С, в девичестве именовавшейся морским орудием Б-34, в СССР уже налажено производство боеприпасов.

Вся остальная техника: боевые машины пехоты, бронетранспортеры и самоходные гаубицы, также на порядок превосходят все современные образцы. Так что, товарищ Сталин, если вспомнить об изменениях в авиации, нашем новом стрелковом оружии, а также об изменениях в тактике, то считаю вполне реально перекрыть численный перевес противника нашим качественным превосходством. Не числом, как говорится, а умением.

– Очень хорошо, – сказал Сталин, искоса глянув на Берия, – теперь скажите мне, где, на каких участках фронта собираются воевать наши союзники из РФ?

– Экспедиционный корпус, товарищ Сталин, – сказал генерал-полковник Шаманов, – мы бы хотели поставить на самых опасных местах. По одной мотострелковой и две артиллерийских бригаде в районах Бреста и Августова, оттуда наша дальнобойная артиллерия сможет доставать тылы 2-й и 3-й танковых групп. По одной мотострелковой и одной артиллерийской бригаде в Гродно и Граево. Самые сильные группировки – по три мотострелковых, две артиллерийских и одной танковой бригаде планируется развернуть перед фронтом наступления основных ударных группировок гитлеровцев, в районы Кобрин – Жабинка, и Алитус – Друскининкай. Если мы сумеем остановить ударные группировки Гота и Гудериана, выбить немецкую технику, подорвать боевой дух противника, то все остальное, при некоторой подготовке, конечно, Красная Армия сумеет сделать и сама. По крайней мере, товарищ Шапошников считает, что у нас есть для этого шанс.

Сталин задумчиво повертел в руках карандаш.

– Хорошо, – сказал он после некоторой паузы, – в общем обстановка нам ясна. Есть мнение, что сначала нам необходимо лично посмотреть на образцы техники из Российской Федерации, увидеть ее, так сказать, в действии. Поэтому встречаемся завтра в восемь утра в Кубинке. Там, на месте и поговорим обо всем более предметно. А сейчас, товарищи, все свободны, за исключением товарища Берии. Все, до свидания.

Когда военные вышли, Сталин взял со стола трубку и, набивая ее табаком из разломанной папиросы «Герцеговина Флор», задумчиво сказал:

– Лаврентий, как говорят наши потомки в будущем, у меня к тебе есть вполне конфиденциальный разговор.

– Слушаю тебя, Коба? – сказал Берия, устало протирая пенсне.

– Видишь ли, Лаврентий, – начал Сталин, – есть некоторые вещи, которые я могу обсуждать только с тобой и ни с кем другим. Ты меня понял?

– Понял, Коба, – эхом отозвался Берия.

– Сейчас нам надо, наконец, принять окончательное решение, – жестко сказал Сталин. – Что нам поменять, а что оставить как есть. Тут и помимо нападения Гитлера открываются такие бездны, в которые и заглянуть-то страшно...

– Если ты, Коба, о «деле Клоуна», то это не бездна, а клоака, смердящая и зловонная, – ответил Берия. – Стоило чуть копнуть, и понесло таким троцкистским смрадом, что хоть святых выноси. Всех можно брать хоть завтра. Техника у потомков, конечно, мечта для чекиста: микрофоны размером с муху, аппараты, снимающие звук с оконного стекла, камеры, делающие снимок чуть ли не за километр.

– Лаврентий, – жестко сказал Сталин, – брать их пока не спеши. Надо будет посмотреть – кто еще примкнет к этой, так сказать, антипартийной группировке. Да и потом, не стоит сейчас затевать большой процесс, не время. Товарищ Путин меня об ЭТОМ особо предупреждал, и он прав. Тоньше нам надо работать и аккуратней. Но глаз с этой компании не спускай – мало ли что.

– Генералы? – спросил Берия. – Павлов?

– Павлов в Минске, – ответил Сталин, – и трогать его нельзя... Пока нельзя. Если мы его уберем, то немцы могут изменить планы, а нам этого не надо. Пока не надо. Убирать его, Лаврентий, мы будем в последний момент, когда Гитлеру уже будет невозможно что-либо изменить. Сейчас меня больше беспокоит Москва. Тимошенко меняет в Московском округе Буденного на Тюленева.

– Коба, – задумчиво сказал Берия, – по данным потомков, Тюленев числится «мутным». Вроде в архивах на него ничего нет, но он провалил, ну или провалит, все, что ему было поручено. Так же, как Мерецков, Козлов, Кузнецов, да и сам Тимошенко.

– Не нравится мне все это, – Сталин чиркнул спичкой, – с Павловым этот Тюленев где-нибудь пересекался?

– Да вроде нет, – ответил Берия. – А что?

– Видишь ли, Лаврентий, – сказал Сталин, сделав первую затяжку, – пуганая ворона куста боится. Сейчас мы с тобой знаем, что в тот раз что-то

пошло не так, и хотим это предотвратить. Правильно?

– Правильно, – кивнул Берия, – и в чем дело?

– А дело в том, Лаврентий, – сказал Сталин, – что исправляя наши старые ошибки, мы вполне можем наделать новых, ничуть не хуже прежних. Кадры же остались все теми же самими, да и мы с тобой все те же.

– Теперь мне понятно, – сказал Берия, – ты как всегда прав, Коба. Но в любом случае теперь нам известны как трусы и предатели, так и те, кто не сломался даже в самых тяжелых условиях немецкого плена. Алавердов, Ершаков, Макаров, Огурцов, Карбышев, Романов, Никитин...

– Карбышев, Карбышев... – Сталин как бы покатал фамилию на языке. – Дмитрий Михайлович, кажется?

– Так точно, Коба, – ответил Берия, – он самый.

– Есть мнение, – медленно проговорил Сталин, – что с назначением Тюленева нам надо переиграть. И вообще, в ТОТ РАЗ в начале войны у нас в высших эшелонах НЕ ТЕ люди оказались НЕ НА ТЕХ местах. Понимаешь?

В ответ Берия только кивнул, приготовившись слушать.

– Кадры решают всё! Это-то ты еще не забыл? – жестко сказал Сталин. – Поэтому! Карбышева – надо ставить на МВО. Шапошникова, как вылетится, – наркомом обороны. Василевского – на Генштаб. Жуков – пусть остается в Киеве, там его место. Конева – в Прибалтику. Говорова – на Ленинград. Одесскому округу передать всю полосу румынской границы и назначить туда командующим генерала Толбухина. Отдельно надо подумать, что нам делать с командованием Черноморского флота. Он должен будет поддерживать своими действиями приморский фланг Южного фронта, а у товарища Октябрьского в ТОТ РАЗ все выходило как-то не так. Военные корабли – это очень дорогие игрушки, и у меня волосы дыбом встанут от известия о том, что на четвертый день войны лидер «Москва» в окрестностях Констанцы был потоплен нашей же подводной лодкой, которую потом разбомбили наши же эсминцы... Придется, наверное, товарищу Кузнецову совмещать две должности – и главкома, и командующего Черноморским флотом. При нашем господстве на море и завоевании превосходства в воздухе вполне реальным становится наш десант в Болгарии и прямой выход на Балканы. Но об этом мы с товарищами Шапошниковым, Кузнецовым и Василевским еще подумаем.

– Пора посвящать Кузнецова? – спросил Берия.

– Да, пора, – кивнул Сталин, – флот, как я уже говорил, это очень дорогая штука, и нам надо иметь четкое представление о том, что мы

можем взять для него у потомков, а что нет. Тем более по таким ценам. Пожалуй, стоит пригласить адмирала Кузнецова на завтрашнее мероприятие в Кубинку.

Сталин положил на стол погасшую трубку.

– Конечно, на следующем этапе нам стоит почистить и начальников помельче, вроде командармов и командиров корпусов. Но, Лаврентий, тут надо действовать без фанатизма. Надеюсь, ты понял, что в канун войны нам совсем не нужны разговоры о новом тридцать седьмом годе?

Сталин подошел к окну и задумался.

– Все эти перестановки, – сказал он, – нам надо осуществить так, чтобы никто не понял истинного смысла происходящих событий. Действовать надо тоньше. Моральный облик, адюльтеры, участие в пьяных дебошах, разгильдяйство и бесхозяйственность, плохая подготовка войск, финансовые злоупотребления... Словом, все, кроме политики и шпионажа. Ты меня понял? У прочего командного состава и рядовых бойцов должно сложиться мнение, что мы очищаем нашу армию от дураков и бездельников, а отнюдь не занимаемся очередным разоблачением врагов народа. Целью операции должно быть точечное устранение нежелательных лиц с определенных должностей, а отнюдь не массовый террор. На этом всё. Дело «Клоуна» держи на особом контроле и осведомляй меня о нем ежедневно. Нам крайне важно знать, кто у нас в ЦК думает так же, как эти трое.

– Коба, – спросил Берия, – значит, ты все-таки решил?

Сталин опустил на свое место за столом и снизу вверх, исподлобья, посмотрел на наркома внутренних дел.

– Да, Лаврентий, я решил, – угрюмо сказал он. – Я не отдам этим шакалам ни своих детей, ни нашу страну, которую мы с таким трудом вытащили из разрухи, провели в ней индустриализацию и коллективизацию. Эх, скольких жизней все это стоило! – Сталин скрипнул зубами.

– Запомни, Лаврентий, – после минутной паузы продолжил он, – марксизм – это живое, эволюционирующее учение, руководство к действию. А эти идиоты пытаются заковать его в мертвые окаменевшие догмы. Драка у нас с ними будет страшная, но к тому моменту, когда на нас нападет Гитлер, никто не должен даже попытаться помешать нам сделать действительно все необходимое для окончательной и бесповоротной победы. Вот на этом, Лаврентий, у нас действительно всё!

18 августа 1940 года 07:25. СССР, Подмосковье, окрестности

полигона ГАБТУ РККА в Кубинке

Колонна военной техники, двигающаяся ранним утром по подмосковному лесу, могла бы вызвать у неподготовленного советского человека детский восторг и искреннее любопытство. Ну, а любой иностранный шпион, хоть германский, хоть британский, отдал бы за право увидеть это зрелище полжизни и правую руку с левой почкой в придачу. Особенно если это будут чужие полжизни и чужие руки и почки.

Но никто посторонний не мог встретиться им на пути – люди в васильковых фуражках, выставленные в это утро вдоль лесной дороги, хорошо знали свое дело. Каждый из них, видя это мерно взрыкивающее дизелями железное стадо, неудержимо прущее к своей цели, только еще больше проникался значимостью и важностью своей службы. Пока не пришло время, никто не должен знать, что у СССР появилась на вооружении такая техника.

Совсем недавно этих железных зверей пробудили от спячки, в которую они погрузились после распада СССР. Ловкие, вымазанные тавотом пальцы механиков и инженеров полностью перебрали металлические потроха, возвращая к жизни двигатели, трансмиссии и вооружение. Электрики заменили у них подгнившую проводку, а вооруженцы – помутневшую оптику прицелов и приборов наблюдения. Свежая краска на броне и новенькие ТПУ и рации внутри. Пусть российская военная промышленность после 2012 года и совершила невиданный рывок, каждый год наращивая производство на двадцать пять – тридцать процентов, но ради выполнения программы «Грозы плюс» Российской Федерации пришлось перенести на более поздние сроки модернизацию техники своих союзников по ОДКБ.

И вот он – первый запуск дизеля снятого с хранения танка. Это как первый крик новорожденного, возвещающий о том, что он появился на этот свет. Первые метры, которые машина преодолела самостоятельно, а не на буксире, это как первые шаги ребенка, пока еще робкие и неуверенные, но очень многообещающие.

Танки, САУ, БМП, КШМки, гусеничные тягачи, ЗСУ, БТРы, БРДМы, армейские «Газоны», «Уралы», «КамАЗы» и «Зилы»... Когда-то они были рождены для великой и ужасной последней войны, в которой должно было решиться все и в которой не могло быть победителей. Теперь у них появился второй шанс пойти в последний смертный бой и в этот раз все-таки решить все, победив и удивив. Это был шанс направить человечество к лучшей жизни, к звездам и новым свершениям, а не в засасывающую воронку Холодной войны, краха советской системы и мрачной серой

постистории Фукуямы-сана. Сейчас вся эта техника шла на встречу с человеком, который одной своей подписью на документе, одним словом и даже одним кивком мог решить всё.

В этих боевых машинах сидели российские экипажи, самые лучшие, самые преданные своей стране. Обычно среди людей военной профессии, как правило, не водится поклонников мадам Новодворской. Но все равно особая ответственность лежала на Павле Архипове, или, как его за глаза звали российские остряки – «товарище дважды майоре НКВД». Именно он давал добро на допуск того или иного человека туда, где он буквально рукой сможет дотянуться до товарища Сталина и других советских вождей.

Но обошлось. То ли местные, российские коллеги хорошо поработали, то ли действительно народ, с пометкой в личном деле «УБД», подобрался особенный, чуждый низкопоклонству перед Западом и гомофильной толерантности. Именно такие в свое время охранили Россию от окончательного развала. Они привыкли неполиткорректно называть вещи своими именами. Предателей они называли предателями, а героев – героями. Святая правда суровых времен была им гораздо ближе заунывного воя десталинизаторов и разоблачителей. Именно про таких, как они, шестнадцать лет назад президент Путин сказал: «Мне не нужна охрана, когда я среди наших солдат».

Но вот дошли. Поднялся шлагбаум на КПП, и невысокий белобрысенький красноармеец с детской улыбкой на лице глотал соляровый угар, глядя на проходящих мимо стальных монстров. Кто знает, может, через год эти машины спасут жизнь ему, его семье и всем его соседям и знакомым. Маленькую белорусскую деревню в декабре сорок второго вместе со всеми жителями не сожгут латышские каратели, а сам он перед тем не упокоится в заваленном снарядам окопе в отчаянной мясорубке Смоленского сражения. Ничего этого этот мальчик пока не знает, а если и узнает, то не поверит. Сейчас же он видит просто новейшие секретные, а потому неизвестные советские танки, которые пригнали сюда для показа САМОМУ товарищу Сталину, кортеж которого проследовал на полигон получасом ранее.

Сегодня рано утром, никому ничего не объясняя, Сталин собрал у себя тех людей, которых он считал самыми преданными своими соратниками. Теми, кому можно было доверить две самые большие тайны в СССР: факт неизбежности будущей войны с фашистской Германией и факт контакта с потомками из Российской Федерации, лидеры которой предлагали превратить эту войну в нечто совершенно ни на что не похожее.

Среди людей, удостоившихся высокого доверия были, конечно же,

Лаврентий Павлович Берия, участвовавший в этом предприятии с самого начала и фактически курировавший эту тему. Вторым по значимости человеком среди советских руководителей, привлеченных к этому проекту, был Лев Захарович Мехлис. Он испытал настоящий шок, когда вчера вечером, прибыв на Ближнюю дачу и оставшись один на один со Сталиным, узнал от него все подробности событий, произошедших за последние десять дней. Для Мехлиса известия о XX съезде и крахе СССР стали настоящей катастрофой, которую этот человек, впрочем, перенес довольно мужественно. Еще ничего не предрешиено окончательно, тем более что возглавляемый им Наркомат Госконтроля должен был сыграть немаловажную роль в последующих событиях. Ни в коем случае ничего нельзя было пускать на самотек, товарищи на местах могут такого нарулить, что ни на одну голову не налезет. В конце разговора Сталин передал Льву Захаровичу отпечатанный на печатной машинке список из двух десятков фамилий, возглавлял который всемирно известный любитель постучать по столу ботинком и сажать кукурузу в тундре.

– Есть мнение, – сказал он, – что Госконтролю необходимо обратить особое внимание на этих товарищей. Мы хотим знать – они действительно нам товарищи, или попутчики, обманом затесавшиеся в наши ряды в своих корыстных интересах? Я поручаю это тебе вместе с Берией. Но именно ты будешь в этом деле главным, поскольку в деле не должно быть никакой политики. Халатность и растраты, воровство и хищения, пьянки и аморалки – это да, политики – нет. Никаких врагов народа. Все, и в СССР, и за рубежом, должны видеть, что мы не проводим никаких репрессий, а просто наводим в доме порядок. И будь осторожен. Нам нужно аккуратно вскрыть нарыв, при этом не зарезав пациента. Никаких списков, лимитов и прочей ежовской дребедени – только сугубо индивидуальная работа. – Сталин вразвалку прошелся по комнате. – Лев, ты меня понял? Если ты в себе не уверен, я лучше попрошу сосредоточиться на этом деле именно товарища Берия, хотя он и так загружен выше головы. От этого дела зависит все будущее СССР.

Побелевший от волнения Мехлис вскинул подбородок и ответил:

– Спасибо за доверие, товарищ Сталин, я справлюсь.

Еще одному из приглашенных, так сказать по партийной линии, Клименту Ефремовичу Ворошилову, Сталин ничего объяснять не стал. Просто позвонил ему полшестого утра по телефону и, сказав:

– Клим, срочно приезжай на полигон в Кубинку, – и повесил трубку. Тиран и диктатор, что поделаешь...

Ни нарком обороны маршал Тимошенко, ни начальник Генерального

штаба Мерецков, ни начальник ГАУ маршал Кулик не были приглашены на эти секретные смотрины, что обещало в будущем новые перестановки в высшем командном эшелоне РККА. Зато тут были: генерал-майор Василевский, докладную записку которого Сталин прочел очень внимательно, что называется, с карандашом в руках, и новый начальник ГАБТУ генерал-лейтенант танковых войск Яков Николаевич Федоренко, который не только присутствовал среди приглашенных, но и, можно сказать, исполнял роль гостеприимного хозяина.

Последним из военных прибыл прилетевший из Ленинграда главком ВМФ, адмирал Николай Герасимович Кузнецов. Маршал Шапошников, который уже завтра должен был вернуться в российский госпиталь имени Бурденко, должен был прибыть вместе с колонной.

Сейчас, когда из-за поворота дороги вслед за двумя легковыми машинами одна за другой появлялись рычащие дизелями и лязгающие гусеницами бронированные машины, все присутствующие на полигоне, замерев, смотрели на них и не могли насмотреться.

Для сравнения, тут же у края поля, были выставлены участники минувшей Финской войны – новые тяжелые танки КВ-1 и КВ-2, новейший, только что принятый на вооружение средний танк Т-34 и самая последняя модель советского легкого танка БТ-7.

Разница между ними и пришельцами была видна сразу. Но если присмотреться еще внимательнее, то можно было заметить, что... ба, да это же родня! – без БТ не было бы Т-34, а без Т-34 и КВ не было бы и Т-55, Т-62 и Т-72, которые так вальяжно въехали сейчас на полигон. Черт возьми, оно случайно так получилось, или эта яма была вырыта специально – но, въезжая на трассу, российские танки как бы кланялись своим далеким предкам, присутствующим здесь по полному праву.

Вслед за танками Т-72, Т-62 и Т-55 на полигон въехали две башенных самоходки – «Акация» и «Гвоздика», похожие друг на друга как родные сестры, старшая и младшая. Следом за ними – две командно-штабные машины – командира батареи и старшего офицера. Потом появился очень компактный гусеничный тягач, за ним ошестинившаяся четырьмя стволами калибра 23 мм зенитная самоходка со смешным названием «Шилка».

Следующей шла бронированная машина с маленькой пулеметной башенкой на восьми огромных колесах. Башня была маленькой, зато пулемет внушал уважение. За ней еще одна колесная машина, на этот раз двухосная, но тоже вооруженная крупнокалиберным пулеметом. Как пояснил Сталину генерал-майор Василевский, это была бронированная разведывательно-дозорная машина.

Вслед за БРДМ из лесу показалось несколько грузовиков разных марок, от вполне обычных по размеру трехтонок и пятитонок до гигантов, рассчитанных на перевозку от восьми до десяти тонн груза. Демонстрируя хорошую советскую родословную, они вполне уверенно продвигались вслед за танками по раздолбанной в хлам трассе. В иную такую «ямку с водичкой» банальная «эмка» могла бы провалиться по самое не хочу. И даже знаменитая своей проходимостью полуторка ГАЗ-АА вполне бы могла сесть на брюхо. А этим выходцам из конца века было хоть бы что. Они шли и шли друг за другом, уверенно ныряя в ямы и вскарабкиваясь на ухабы.

Но вот, наконец, колонна остановилась, и из передних машин вышли люди, среди которых товарищ Сталин сразу же узнал маршала Шапошникова и президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Пока покинувшие машины экипажи не спеша строились перед ними, два человека, готовые определить судьбы этого мира, не спеша двинулись навстречу друг другу.

– Здравствуйте товарищ Путин, – сказал советский вождь, – мы очень рады вас видеть...

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – ответил президент России, – и мы тоже очень рады, что вы рады... Но давайте оставим церемонии китайцам и сразу будем говорить по существу.

– Давайте по существу, – согласно кивнул Сталин, – я тоже не очень люблю церемонии. Скажу сразу, что мы внимательно рассмотрели условия предложенного нам соглашения и можем признать, что они нас в общем устраивают. Есть мнение, что дальнейшая бесцельная трата времени – это преступление против нашего государства и нашего народа, и мы намерены прямо здесь подписать предлагаемый вами договор и немедленно приступить к его практической реализации. Мы внимательно изучили рапорты и отчеты товарищей Косыгина, Шапошникова, Василевского, Рокоссовского, Захарова, Симонова и Катукова, и мы понимаем – какую неоценимую помощь вы собираетесь нам оказать.

Сталин внимательно посмотрел на собеседника и добавил:

– Но возникает законный вопрос – а что вы будете с этого иметь, кроме чувства глубокого морального удовлетворения? Поскольку ваша Российская Федерация – это буржуазное государство, и, по нашему мнению, оно должно руководствоваться сугубо меркантильными соображениями.

– Не совсем так, товарищ Сталин, – ответил российский президент, – самые великие дела делаются именно ради этого самого чувства – глубокого морального удовлетворения. Вы уже, наверное, знаете, что

несколько лет назад мы успешно провели Зимние Олимпийские игры в Сочи. На взгляд людей, мыслящих исключительно материальными категориями, мы, затратив огромные средства и семь лет времени, не получили от этих вложений равноценной чисто материальной отдачи. Хотя наши экономисты говорят, что это не совсем так.

На самом же деле наш основной выигрыш заключался в росте нашего международного авторитета, в опыте осуществления таких крупных проектов, наконец, в той гордости, которую наши граждане испытали за свою страну. И вдобавок, в качестве материального довеска, мы получили полностью приведенный в порядок курортный регион. Дороги, мосты, линии электропередач, аэропорт. Материальный выигрыш пришел потом, когда наши граждане меньше стали ездить по Турциям и Египтам и больше – на наши черноморские курорты.

Сталин кивнул.

– Мы по своему опыту знаем, какой огромный выигрыш в тридцать шестом году извлек из Берлинской Олимпиады Гитлер. Но все же есть разница между Олимпиадой и войной. Особенно если это не ВАША война.

– А вот тут, товарищ Сталин, – ответил Путин, – вы не совсем правы – это и НАША война. Она останется НАШЕЙ навечно, даже спустя десятки лет после ее окончания. Мой отец защищал Ленинград, моя мать работала медсестрой в госпитале. И так у всех, – Владимир Владимирович кивнул головой в сторону экипажей, уже выстроившихся у своих машин. – Гитлер, находящийся сейчас по ту сторону границы, – это абсолютное зло, которое надо уничтожить полностью и без остатка. А двадцать шесть миллионов погибших советских людей – это огромная кровоточащая рана. У тех, кто в наше время умудрился об этом забыть, нет ни совести, ни разума. Вы слышали что-нибудь про «Бессмертный полк» – шествие по главным улицам российских городов в День Победы тех, у кого в ТОЙ войне погибли близкие, у кого воевали родственники? А таких в России – да и не только в России – большинство.

– Мы знаем об этом, – кивнул Сталин, – товарищу Архипову было поручено досконально изучить настроения ваших граждан. Мы внимательно прочитали все его донесения. Мы только не знали, разделяются ли эти настроения вашим высшим руководством. Вы понимаете, что у нас были основания сомневаться. Теперь мы видим, что наши опасения напрасны. – Вождь резко взмахнул рукой, словно отсекая будущее от прошлого. – Мы подпишем договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Российской Федерацией. А теперь давайте посмотрим – что собой представляет ваша техника...

Сталин повернулся к своей свите.

– Товарищ Федоренко, у вас всё готово?

– Так точно, товарищ Сталин, всё! – ответил начальник полигона.

– Тогда давайте команду, пусть начинают, – кивнул вождь и на правах радушного хозяина повел рукой, указывая гостям из Российской Федерации в сторону трибуны. – Пойдемте, товарищи, посмотрим на всё оттуда.

По взмаху флажка экипажи, словно спринтеры, бросились к своим машинам. Взревели, выбросив сизый выхлоп, дизеля. Еще один взмах, и первый танк рванулся вперед...

Генерал Федоренко скептически сказал Сталину:

– В качестве мишеней мы частично использовали приобретенные нами весной в Германии немецкие танки Т-III и Т-IV, рубежи пятьсот метров, километр и полтора. Так что посмотрим...

В этот момент головной танк, ныряющий между ухабов и рытвин танкодрома, прямо на ходу повернул башню, и секунду спустя ствол орудия окутался бледно-сизым, быстро тающим облаком. До гостевой трибуны донесся грохот выстрела. Тупоголовая бронебойная болванка пролетела километр с хвостиком и снесла башню у германского танка-мишени Т-III. Еще один Т-III разорвало на куски лопнувшим внутри осколочно-фугасным снарядом, а танк Т-IV оказался с восьмисотметрового расстояния прошит стомиллиметровым вольфрамовым БОПСом с Т-55 навывлет от лобового листа, через двигатель до самой кормы. Бедный германский пепелац аж перекосило на один борт.

Сталин хмыкнул и повернулся к Путину.

– Нам уже заранее немного жалко немецких танкистов. Кажется, что им сильно не повезет. Передайте своим героям, чтобы больше не портили нам дорогую импортную технику. Мы уже и так все поняли.

Потом вождь посмотрел на генерал-майора Василевского.

– Скажите, товарищ генерал-майор, какой ресурс пробега у этих замечательных танков?

– Пятьдесят тысяч километров у нового и двадцать тысяч после капремонта, товарищ Сталин, – ответил Василевский.

– Это просто замечательно, – восхищенно произнес Сталин. – Нам предлагают танк, который не боится грязи, бугров, ухабов. Танк, который можно подбить только из орудий крупного калибра и который сам способен уничтожить на поле боя любого противника. И при этом его цена составляет всего двадцать килограммов золота.

Дальше присутствующие товарищи вполглаза досматривали, как танки уничтожают доты и дзоты, утюжат траншеи, а БМП, БТРы и БРДМы

подавляют пулеметные гнезда и наблюдательные пункты. Даже самое начало демонстрации впечатляло. Настроение Вождя из приподнятого стало превосходным. Его дальнейшие решения были уже вполне очевидными. Следовало ждать или еще каких-то «изюминок», или на этом представление должно было закончиться, и Сталин стал бы раздавать присутствующим поручения.

Но «изюминка» все же последовала. Единственным, кто оказался предупрежден о ней заранее, был сам советский вождь и члены делегации, вернувшейся из РФ. «Изюминкой» оказался полностью испытанный, обкатанный и подготовленный к показу модернизированный истребитель И-180 с мотором АШ-82Т, бронезащитой пилота и новым пушечным вооружением.

Над изрытым ямами и ухабами, забрызганным грязью полем танкодрома, с ревом промелькнула красноразветвленная молния. Будто гордясь мощностью своего нового мотора, машина сделала свечу и ракетой взметнулась в летнее голубое небо. Прodelав там, на высоте, головокружительный каскад фигур высшего пилотажа, лобастый истребитель неожиданно ринулся в пики, и, выровнявшись над полем, буквально на уровне трибун пронесся, словно хвастаясь перед зрителями своей новой раскраской.

А посмотреть было на что. Неведомый российский дизайнер превратил самолет в настоящее произведение искусства. Светло-голубое брюхо и нижняя поверхность плоскостей были покрыты белыми расплывчатыми продольными полосами, которые наверняка должны были символизировать облака и скорость полета, а заодно еще и смазывать силуэт в глазах противника, которому может понадобиться на прицеливание решающие лишние пару секунд. Фюзеляж и верхняя поверхность плоскостей были окрашены в нежно-салатовый цвет, поверх которого были пущены узкие, чуть расплывчатые темно-зеленые поперечные полосы. Чем-то эта раскраска напоминала тигриную шкуру, только выполненную не в желтых, а в зеленых, словно у крокодила, цветовых тонах. Дополняли картину вызывающе ярко-красные капот двигателя и кок винта.

С первого взгляда всем было ясно, что перед ними воздушный суперхищник, крылатый убийца, готовый диктовать противнику в небе свои правила игры. Сделав показательно пологий вираж, истребитель зашел в атаку на ряд наземных мишеней, изображающих колонну грузовиков. Даже на трибуне было слышно, как, перебивая звук двигателя, зарокотали авиапушки. Среди мишеней пронесся ураган снарядных разрывов и во все стороны полетели щепки и обломки.

– Да, – сказал Сталин, из-под ладони разглядывающий маневры истребителя, – правду говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Товарищ Сталин, – негромко сказал президент, вытаскивая из нагрудного кармана небольшую черную коробочку с коротким выступом ферритовой антенны, – сейчас этот самолет пилотирует генерал-майор авиации Захаров. Если у вас есть желание – можете прямо отсюда с ним переговорить...

– Вы поставили на этот самолет свою рацию? – спросил Сталин, беря в руки коробочку и вертя ее в руках. – Замечательно! Скажите, куда тут надо нажимать?

– Нажимать тут ничего не надо, – ответил Путин, – просто держите в руке и говорите...

– Здравствуйте, товарищ Захаров, – сказал Сталин в рацию. – Скажите, как вы оцениваете эту машину? Меня интересует ваше мнение как боевого летчика, воевавшего против японских, германских и итальянских самолетов.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – донеслось из динамика сквозь рокот мотора, – оцениваю очень хорошо – на твердую «четверку с плюсом». Скоростная, маневренная, с мощным мотором и хорошим вооружением. Вооружение, черт возьми, просто отличное! Все, что попадетс ей в прицел, будет разнесено в хлам. Работу по наземным целям вы уже видели. Жаль только, что тут нет поблизости ни одного заваливающего «юнкерса», «хейнкеля» или «дорнье».

– Вы сказали, что оцениваете эту машину на четверку с плюсом, – спросил Сталин, – значит, у нее все же есть недостатки?

– Да, товарищ Сталин, – ответил Захаров. – Как я вам уже говорил вчера, машина с очень чутким управлением и немного капризна при посадке. Но не больше, чем И-16, на который она, кстати, очень похожа при пилотировании. Это расплата за хорошую маневренность. Могу сказать, что летчики, уже освоившие И-16, очень быстро, практически без дополнительной подготовки, освоят и этот истребитель.

– Очень хорошо, товарищ Захаров, – сказал Сталин, – мы помним наш вчерашний разговор и примем ваше мнение во внимание. Сейчас вы можете лететь на аэродром и оттуда немедленно приезжайте сюда к нам. Машину вам обеспечат. И, кстати, «юнкерсы» мы для вас и ваших товарищей еще найдем, об этом вы не беспокойтесь.

Вернув рацию российскому президенту, вождь поинтересовался:

– И много таких штучек вы сможете нам поставить?

– Сколько потребуется, столько и поставим, – ответил Путин, – мы знаем, какие трудности испытывает СССР с развитием радиоэлектронной промышленности, и готовы на первом этапе взять на себя обеспечение РККА и государственных структур системами связи и управления.

– Да, – признал Сталин, – это одно из самых слабых наших мест. Но мы над этим сейчас работаем, и надеюсь, что скоро с вашей помощью мы исправим положение. Но сейчас давайте, наконец, подпишем наш договор и предметно обсудим с приглашенными товарищами детали его выполнения...

– Товарищи, приступим, – сказал Сталин, когда все приглашенные расселись за длинным столом, установленным под растянутой между деревьями маскировочной сетью. – На повестке дня – подготовка к отражению массированной агрессии фашистской Германии, возможной в период с десятого мая по первые числа июля 1941 года. Это будет не обычная война за территории, ресурсы или рынки сбыта, а война на уничтожение всех народов СССР.

После этих слов наступила мертвая тишина. Чуть поодаль рычали моторы и слышалась стрельба. Но это уже были чисто технические вопросы, целиком находящиеся в ведении начальника ГАБТУ генерал-лейтенанта танковых войск Якова Федоренко. Сидящим же за этим столом предстояло разрешать проблемы совсем другого, можно сказать, гамлетовского масштаба. Вопрос стоял – быть или не быть первому в мире государству рабочих и крестьян? А если и быть, то каким?

Сталин, Берия, а теперь еще и Мехлис, фигуры, можно сказать, первой величины, ни на секунду не забывали, что отразить агрессию и отбросить противника к Ла-Маншу – это еще лишь половина дела, причем наименьшая его часть. Главное же было, не меняя самой советской системы, сделать так, чтобы к руководству партией и страной больше никогда не прорвались Хрущевы, Булганины, Маленковы, Горбачевы и Ельцины. Чтобы инженерами человеческих душ и властителями дум были не распространители западного декаданса, а советские люди: бойцы, строители, первопроходцы, чтобы интеллигенция из «говна нации» на деле превратилась в ее мозг.

Напряженную тишину нарушил поднявшийся со своего места маршал Шапошников:

– Товарищи, большинство из вас уже знают, что замысел операции «Барбаросса» заключается в нанесении рассекающих ударов на всю глубину нашего стратегического развертывания, окружении и уничтожении основной части нашей армии западнее Днепра и Западной Двины.

Противостоящая нам германская армия будет разделена следующим образом. Группа армий «Центр», наносящая основной удар на Москву, левым флангом действует против 11-й армии ПрибОВО, а правым флангом и центром – против ЗапОВО. Группа армий «Север», наносящая вспомогательный удар на Ленинград, действует против 8-й армии ПрибОВО. Группа армий «Юг», наносящая вспомогательный удар на Киев в союзе с румынами и венграми, действует против КОВО. На севере горный корпус «Норвегия» генерала Дитля атакует Мурманск, а Финляндия, после захвата немцами Риги, переходит в наступление на Карельском фронте.

Основной тактикой вермахта, как мы уже знаем по Франции, являются рассекающие удары механизированными соединениями на всю глубину нашего стратегического развертывания, расчленение нашего фронта на несколько не связанных между собой котлов и их последующее уничтожение. По всем расчетам общее превосходство вермахта в живой силе и технике над противостоящими им частями РККА составит два с половиной раза, а на направлениях главных ударов механизированных частей превосходство вермахта может достигать и до десяти раз.

При этом план германского наступления учитывает захват наших складов МТО и ГСМ для дальнейшего использования в своих интересах. По австрийской, чешской, польской и французской кампаниям отмечено, что вермахт активно использует трофейную бронетехнику, артиллерию и даже стрелковое вооружение. В случае утраты нами какой-то части складских запасов они тут же будут использованы против нас.

Теперь коротко о плане «Гроза плюс». Основной задачей частей РККА и союзных им Вооруженных сил Российской Федерации, будет: удерживая фронт на вспомогательных направлениях по линии госграницы, упорной обороной остановить ударные немецкие группировки, пропустив их в глубину советской территории не далее чем на пятьдесят-семьдесят километров, образовав узкие, насквозь простреливаемые артиллерией «мешки». Из этих мешков заблаговременно должны быть убраны наши склады МТО и ГСМ, запасы продовольствия, фуража и все местное население. Там не должно остаться ничего, что могло бы поддержать ведение боевых действий противником...

– Очень это как-то все сложно, – проворчал Мехлис. – Почему бы нам не остановить немцев на линии госграницы и сразу не погнать их назад?

– Товарищ Мехлис, – ответил маршал Шапошников, – предложенный вами метод ведения войны имеет несколько недостатков.

Во-первых, немцы будут обороняться, а мы наступать и,

соответственно, наши потери будут втрое или вчетверо больше, чем у них. Народ у нас в СССР тоже не бесконечный, и на Гитлере, как подсказала история того мира, наши враги не кончаются.

Во-вторых, наши войска будут вынуждены оторваться от своих складов и испытывать перебои со снабжением, а у вермахта склады окажутся в первых эшелонах и со снабжением частей будет все в порядке.

В-третьих, наше немедленное наступление даст Гитлеру повод завопить о советской агрессии, не говоря уже о том, что, учитывая разницу в подготовке и боевом опыте, один красноармеец пока далеко не равноценен солдату вермахта.

– Лев, сядь, – жестко сказал Мехлису Сталин, – товарищи военные воспринимают обстановку вполне адекватно. Вопрос только в том, кто будет всем этим руководить, – вождь посмотрел на Шапошникова. – Борис Михайлович, у вас есть подходящие кандидатуры?

– Есть, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – посоветовавшись с российскими товарищами, мы решили, что наилучшим образом нашим целям будет отвечать следующая расстановка командующих: КОВО – Жуков, ПриОВО – Конев, в ЗапОВО до последнего момента, чтобы не спугнуть немцев, держать «свадебным генералом» Павлова. Поскольку российский Экспедиционный корпус, принимая на себя главный удар вермахта, будет действовать целиком и полностью в полосе ЗапОВО, я бы поручил оперативное руководство войсками ЗапОВО товарищу Шаманову, а свадебным генералом, то есть официальным командующим назначил бы... – Борис Михайлович пробежался взглядом по присутствующим, – товарища Ворошилова.

Сталин после этих слов одобрительно кивнул, а у Ворошилова, сидящего за столом с абсолютно непонимающим, но умным видом, стало вдруг такое лицо, будто он спрашивал у всех: «А почему меня?»

Уже давно «первый красный офицер» не рвался к реальному командованию войсками, понимая предел своей компетенции. Но это был вполне лояльный и, более того, лично преданный Сталину человек. Если вождь молчит и не возражает, то лучше тоже с умным видом покачать головой.

Сталин, в свою очередь, насладившись эмоциями, пробежавшими по лицам присутствующих, огладил усы и сказал:

– Товарищ Шапошников, скажите, кого бы вы, с нашей стороны, предложили назначить ответственным за организацию процесса боевой подготовки? Ведь организовать в чистом поле все необходимое для трехсот тысяч человек – это очень ответственное дело.

Шапошников ответил, даже не заглядывая в свои блокноты:

– На эту должность мы предлагаем назначить генерал-лейтенанта инженерных войск Дмитрия Михайловича Карбышева.

– Хороший выбор, – кивнул Сталин, – но, к сожалению, для товарища Карбышева у нас есть несколько иная, не менее важная работа. Подумайте, кто еще может оправдать высокое доверие партии и правительства?

– Тогда я предлагаю товарища Буденного, – сказал Шапошников, – тоже хороший организатор, внимательный как к людям, так и к лошадям.

– Очень хорошо, – кивнул Сталин и добавил: – Также у нас есть мнение, что слово «Ударные» не совсем соответствует миролюбивой политике советского государства. Мы не нападаем сами, мы только отвечаем на агрессию. Пусть же наши новосформированные армии будут называться Армиями ОСНАЗ. Громко, красиво и абсолютно непонятно для непосвященных.

Вождь сделал паузу, как бы задумавшись, потом спросил:

– Борис Михайлович, скажите, какие у вас есть кандидатуры на должности главнокомандующего всей группировкой Армий ОСНАЗ?

Маршал Шапошников кашлянул:

– Командующим всей группировкой в целом мы предлагаем назначить все того же Семена Михайловича Буденного...

– Кхм... – от неожиданности Ворошилов закашлялся, а Сталин, усмехнувшись, постучав по столу своим знаменитым двуцветным карандашом, сказал: – Борис Михайлович, обоснуйте, пожалуйста, товарищам свой выбор?

Но Шапошников не изменил своего мнения.

– Товарищ Буденный имеет высокий авторитет в войсках, он недавно закончил Академию Генштаба, продемонстрировав при этом хорошие способности к обучению. Ну и мы с российскими товарищами, совместно проанализировав все успехи и неудачи товарища Буденного, пришли к выводу, что наибольшего успеха он всегда добивался в составе рейдирующих соединений, когда он, имея свободу маневра, сам назначал противнику место, время и вид боя. Думаю, что Семену Михайловичу вполне по плечу командование фронтом Особого Назначения.

– Понятно, – коротко сказал Сталин, – и пока утвердим ваш выбор. Посмотрим, как товарищ Буденный будет справляться с делами на стадии формирования частей и соединений Особого фронта. Какие у вас есть кандидатуры на должность начальника штаба при товарище Буденном?

– Присутствующий здесь генерал-майор Василевский, товарищ Сталин, – ответил Шапошников, – его не надо вводить в курс дела, а это

очень важно ввиду нашей нехватки времени. Ну и, как нам известно, в прошлом наших потомков у него с Семеном Михайловичем складывались нормальные рабочие отношения.

Сталин отрицательно покачал головой.

– Товарищ Василевский в ближайший год будет занят совсем другими делами, так что, Борис Михайлович, подумайте еще. Свои Гинденбурги у нас, конечно, есть, но нам их все равно остро не хватает. Поэтому кандидатов на должности командующих армиями, механизированными и мотострелковыми корпусами мы обсудим в другой раз. Я только хочу сделать из этого правила одно исключение. Товарищ Путин и его российские коллеги, составляя костяк Особого фронта, совершенно забыли об авиационной составляющей, которая тоже должна быть особой. Сейчас сюда подъедет генерал-майор авиации Захаров. Есть мнение, что он вполне достоин стать командующим Воздушной армией ОСНАЗ и моим референтом по авиационным делам.

Товарищи Шапошников, Василевский и Шаманов. Я прошу вас вместе с генералом Захаровым разобраться – какие самолеты и в каком количестве нам нужны, чтобы гарантированно выполнить все поставленные сегодня задачи. На этом, товарищи, все, вы свободны.

19 августа 1940 года, 09:35. СССР, Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, кабинет вождя

– Товарищ Буденный, – Сталин прохаживался взад и вперед по кабинету, – партия и правительство решили поручить вам выполнение очень важной и ответственной задачи. Легко и просто не будет, это я вам обещаю сразу. Дело настолько секретное, что мы вынуждены спрашивать вашего согласия, предварительно не посвятив в курс дела. Если вы откажетесь, то ничего страшного, никаких неприятных последствий это для вас не принесет, просто мы будем вынуждены искать вместо вас другого человека, – Сталин резко взмахнул рукой. – Например, товарища Жукова?

– Товарищ Сталин, я согласен служить везде, куда бы ни послала меня партия, – отчеканил Буденный.

– Слышу слова настоящего большевика, – кивнул Сталин, – не боящегося никаких трудностей.

– Товарищ Сталин, трудностей я действительно не боюсь. Думаю, что нигде и никогда не будет так же тяжело, как было в девятнадцатом под Орлом.

– Вы в этом уверены? – Сталин посмотрел на своего собеседника тяжелым взглядом. – А если я скажу вам, что всего через год вражеские

полчища могут встать у стен Москвы и Ленинграда, и мы оставим врагу Киев, Одессу, Симферополь. Мы уже знаем, что ставкой в той войне будет не кусок территории или неравноправный торговый договор, а само существование и первого в мире государства рабочих и крестьян, и всех населяющих его народов и национальностей. Теперь вы поняли – какова цена вопроса?

– Да, товарищ Сталин, понял, – кивнул Буденный и тут же спросил: – Немцы?

– Они, – подтвердил Сталин, – а вместе с ними итальянцы, финны, румыны, венгры и даже словаки с испанцами. Антисоветский интернационал, одним словом. Гитлер еще в двадцать третьем году прямо написал, чего он хочет и какими средствами будет этого добиваться. Так что и нам не надо строить никаких иллюзий по поводу его миролюбия. На земле слишком тесно для фашистов и коммунистов. Остаться должен кто-то один – или мы, или они. Нам придется учитывать этот факт в своих планах и драться с врагом насмерть, как в девятнадцатом. Хотя даже в девятнадцатом было не так страшно, потому что Колчак, Юденич, Деникин и Врангель вовсе не собирались истреблять под корень наш народ. Кто знает, если бы не Иудушка с его завиральными идеями... – Сталин махнул рукой. – Ну ладно, сейчас это к делу не относится.

В ответ Буденный поднял голову и тихим голосом задал Сталину только один вопрос:

– Когда?

– По имеющимся у нас сведениям, – ответил Сталин, – война может начаться в период с десятого мая по двадцать девятое июня следующего года. Все зависит от разного рода побочных политических, военных, экономических обстоятельств, каждое из которых может либо ускорить, либо оттянуть начало выполнения немецкого плана нападения на СССР.

Очевидно лишь одно – переноса операции на 1942 год не будет. Гитлер знает, что Красная Армия усиливается с каждым днем, и считает, что на следующий год она может стать ему уже не по зубам. Короче, мы знаем об этом деле достаточно, чтобы вести себя так, как будто война уже началась – то есть без жалости, церемоний или сантиментов. Любой, кто не с нами, тот пособник фашистов и враг народа. Но это уже компетенция совсем других людей. Теперь о ГЛАВНОМ.

Проходящий по кабинету Сталин, остановившись, посмотрел на Буденного своими желтыми тигриными глазами, и тот вздрогнул. Если все сказанное ранее не было ГЛАВНЫМ, то что же должно быть такое еще, что он должен услышать сейчас, чтобы все сказанное ранее стало вопросом

второстепенным? А Сталин тем временем снял трубку телефона и сказал:

– Пригласите ко мне, пожалуйста, товарищей Василевского и Шаманова.

Вошли двое. Генерал-майора Василевского Буденный мельком знал. «Из царских еще офицеров, – подумал он, – белая кость. Но дело свое, кажется, знает, и совсем не спесив, не считает себя Бонапартом, как некоторые покойники».

Второй же невысокий, плотный, с тяжелым взглядом кадрового боевого командира и петлицами генерал-полковника, скорее всего, и был тем самым Шамановым. Этот человек был Буденному незнаком. А ведь незнакомый маршалу генерал-полковник РККА – это даже еще большее диво, чем крылатая лошадь или говорящий медведь. Это и никто из «бывших», пребывающих в генеральских званиях. Они тоже были известны все наперечет. Да к тому же большая их часть давно отправилась в мир иной. Ну, а товарищ Сталин и близко бы не подпустил к себе самозванца.

– Знакомьтесь, товарищ Буденный, – на правах гостеприимного хозяина сказал Сталин, втайне наслаждавшийся сложившейся невольной «комедией положений».

– Генерал-полковник Шаманов Владимир Анатольевич, командующий союзным нам Экспедиционным корпусом Российской Федерации.

– Будущий командующий, будущим корпусом, товарищ Сталин, – смело поправил вождя генерал Шаманов, – мой корпус пока существует лишь на бумаге, и его, так же как и ваши армии ОСНАЗ, еще только предстоит создать и обучить. Но я вижу, что товарищ Буденный пока еще не понимает, о чем здесь идет речь. Пожалуйста, введите его в курс дела.

– Наверное, вы правы, – вздохнул Сталин, – все приходится делать самому... Итак, товарищ Буденный, слушайте и запоминайте. Десять дней назад... Нет, не так. ...Много лет тому вперед, в ХХI веке, в одном секретном институте создали машину, которая делает дыры во времени. Одна из таких дыр и привела товарищей потомков в наш тихий и спокойный 1940 год. Последний спокойный год перед началом такой ужасной войны, что перед ней померкнут Русско-японская, Германская, да и Гражданская война. Я вам о ней уже немного сказал.

Четыре года ужасной бойни, двадцать шесть миллионов погибших... Сначала враг дошел до стен Москвы, до Сталинграда и Кавказа, взял в блокаду Ленинград. Зверства над нашим мирным населением, какие даже невозможно описать языком. Потом мы, конечно, оправились и закончили войну в Вене, Берлине и Праге. Но потери СССР были ужасными, а победа

получилась пирровой. А вот другие... Как там у вас говорилось, товарищ Шаманов: «СССР победил в Великой Отечественной войне, а Вторую мировую войну выиграла США?»

– Так точно, товарищ Сталин, – подтвердил генерал Шаманов, – находящаяся вне зоны боевых действий американская промышленность за счет военных заказов сумела поднять свое производство до половины мирового уровня и стала недостижимой. Их доллар по этой же причине стал мировой валютой и вытеснил из оборота золото. Их главное оружие – не солдаты, танки или самолеты, а бумажный, ничем не обеспеченный доллар, который они печатают в ничем не ограниченных количествах.

– Спасибо за справку, товарищ Шаманов, – кивнул Сталин, – насквозь меркантильная цивилизация Шейлоков может быть столь же опасной, как и откровенно людоедская цивилизация Гитлеров... Так вот, товарищ Буденный, чтобы не допустить у нас такого развития событий, наши потомки из будущего обратились к нам и предложили заключить равноправный всеобъемлющий военный и экономический союз, – Сталин прошелся по кабинету, – скрепленный Договором о дружбе, сотрудничестве, торговле и взаимной помощи. Рассмотрев все аспекты предложенного соглашения, мы приняли план наших потомков и подписали такой договор в полном объеме. Теперь наша с вами задача – до конца использовать предоставленные нам возможности.

– Смотрите, – вождь подошел к стене и, потянув за шнур, отдернул плотную занавеску, прикрывающую две карты. На одной жирные синие стрелы глубоко вонзались в территорию СССР, тянулись к Минску, Смоленску, Москве, Киеву, Риге и Ленинграду.

На другой карте эти же самые стрелы упирались в рубежи обороны, обозначенные в 50–100 километров от границы, вязли в них, и, в свою очередь, окружались другими стрелами поменьше, но уже красного цвета.

И три большие красные стрелы, берущие свое начало в глубине советской территории, пронзали Европу насквозь. Одна стрела упиралась своим концом в город Амстердам, обходя Берлин с севера. Другая красная стрела заканчивалась на городе Париже, обходя Берлин с юга, и третья, изгибаясь через Прагу, Вену и Страсбург, заканчивала свой путь в Марселе.

– Товарищ Василевский, – сказал Сталин, – будьте добры, изложите маршалу Буденному вводные.

– Товарищ Буденный, – начал генерал-майор Василевский, беря в руки указку и указывая ею на карту с синими стрелами, – это германский план «Барбаросса» в той форме, в какой он был задействован в прошлом наших потомков. ...А вот это ответ на него наших потомков, план «Гроза плюс»,

уже принятый нами к исполнению. Необходимо, удерживая фронт на вспомогательных направлениях по линии госграницы, остановить ударные вражеские группировки в упорной обороне, опираясь на укрепления, оборудованные в некоторой глубине нашей территории. Надо заставить их растратить боеприпасы и наступательный порыв, а также понести тяжелые потери в живой силе и технике.

Когда же будет достигнут этот результат и противник ослабнет, в ходе генерального контрнаступления следует отрезать прорвавшиеся части противника от баз снабжения, а затем полностью окружить их и уничтожить.

Но и это еще не все. В плане «Барбаросса» германская авиация участвует на сто процентов своего численного состава, танки и артиллерия – на девяносто пять, пехота – на семьдесят пять процентов. В резерве у немецкого командования только учебные подразделения и полицейские части. То есть ничего. Вот эту пустоту, которой, как известно, не терпит природа, нам с вами и предстоит заполнить, – Василевский по очереди ткнул указкой в три толстые красные стрелы. – Это, товарищ маршал, три армии Особого Назначения, на сто процентов оснащенные техникой и вооружениями, поставленными из будущего. С воздуха их боевые действия будет прикрывать Воздушная армия ОСНАЗ. Все четыре Особых армии вместе, плюс еще некоторые подразделения, составят фронт Особого Назначения.

– Есть мнение, – неожиданно добавил Сталин, – что этим Особым фронтом должны командовать именно вы, товарищ Буденный. А товарищ Василевский, уже вошедший в курс дела, на первом этапе будет вашим начальником штаба. Товарищ Шаманов и его Экспедиционный корпус будет тесно взаимодействовать с вашим Особым фронтом на начальном этапе приграничного сражения. Но вглубь европейской территории они с вами не пойдут. Товарищ Буденный, теперь вам все понятно?

– Так точно, товарищ Сталин, – отчеканил Семен Михайлович, – только хотелось бы узнать обстановку поподробнее. Но это, как я понимаю, уже с товарищами Василевским и Шамановым?

– Вы все правильно понимаете, – сказал Сталин, – тут же прямо на даче для вас троих подготовлена комната, где есть все необходимое для работы. К вечеру сегодняшнего дня вы должны представить списки старших командиров РККА, предлагаемых к заполнению вакансий командующих особыми армиями и входящими в их состав корпусами. Всё, товарищи, время не ждет. Идите.

Буденный, вошедший в кабинет к Сталину одним и вышедший из него

совершенно другим человеком, как будто даже помолодел на двадцать лет, снова вернувшись в эпоху лозунгов: «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». Если тогда не вышло у его конармейцев пронестись по Европе, сметая к чертям собачьим старый мир, то, возможно, в этот раз у них все получится...

Полчаса спустя. Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, комната для гостей

Маршал Буденный внимательно прочитал структуру армий Особого назначения и, отложив в сторону лист бумаги, тихо спросил, глядя на Василевского:

– Скажите, Александр Михайлович, почему в ваших планах совершенно нигде не упомянута кавалерия?

– Потому что, Семен Михайлович, – так же тихо ответил Василевский, – кавалерия, к сожалению, сильно уступает в подвижности механизированным частям нового образца. Кавалерийские дивизии будут отставать на марше, не говоря уже о том, что они не смогут быть для наступающих частей головным дозором и разведкой. Лошадь, в отличие от машины, быстро устает. В ТОТ раз нередко были случаи, когда продвинувшись вперед на двадцать километров, кавалерийская дивизия вместо развития успеха на сутки останавливалась, чтобы дать отдых лошадям. За это время враг подтягивал резервы, и наступление наших войск захлебывалось. Единственное преимущество кавалерии перед бронетехникой – это возможность передвигаться по абсолютному бездорожью, но согласитесь, что и кони при этом будут утомляться значительно быстрее.

– Так что вы предлагаете, Александр Михайлович, – с грустью в голосе спросил Буденный. – Совсем расформировать кавалерийские части?

– Нет, товарищ Буденный, – вместо Василевского ответил генерал Шаманов, – кавалерия как род войск совсем себя не изжила. А для повышения ее подвижности надо попробовать вспомнить хорошо забытые старые времена, когда кавалерийские части комплектовались по принципу: три лошади на одного всадника. Тут надо действовать по ленинскому принципу: «лучше меньше, да лучше». Тогда в штатах мотострелковых корпусов вполне можно будет заменить две мотострелковые дивизии из шести на две, скажем так, мотокавалерийские дивизии. Вооружить всадников нашим автоматическим оружием и гранатометами, в тачанки вместо «максимов» установить тяжелые пулеметы НСВ и автоматические станковые гранатометы «Василек», и марш-марш, вперед...

В первую линию их, конечно, ставить будет нельзя, а вот для флангового и тылового охранения, борьбы с окруженными немецкими частями и АКовскими бандами такая кавалерия вполне годится. Но при этом действовать они должны не в конном строю с шашками наголо, а скорее, как подвижная пехота. Типа драгун, какими они были раньше. Вы ведь, товарищ Буденный, в свое время служили в 18-м драгунском Северском полку? Подумайте об этом.

– Трехкратное комплектование, говорите? – задумался Буденный. – Не слишком ли это дорого в мирное время. Хотя... Шесть усиленных по вашему способу кавалерийских дивизий – это чуть больше двадцати тысяч всадников, для которых нужны шестьдесят тысяч лошадей. Я думаю, что такое количество конского поголовья наши конезаводы обеспечить смогут. Но вот подскажите, товарищ генерал из будущего, что нам делать с остальными кавалерийскими дивизиями?

– Передать в состав войск НКВД для охраны тыла, – отрубил Шаманов. – Вы думаете, европейская сволочь встретит нас хлебом-солью? Кто-то, наверное, и встретит, а кто-то и нож в спину всадит. Вспомните опыт борьбы с басмачеством в Средней Азии.

– Спасибо хоть не на колбасу отправили, – криво усмехнулся Буденный. – Но, может быть, вы и правы, роль кавалерии уже далеко не та. НКВД так НКВД...

– Тут вы, Семен Михайлович, не правы, – ответил Шаманов. – Территорию противника мало занять, ее надо еще удержать под своим контролем и установить на ней порядок. И у НКВД тут первейшая роль. Если они не справятся, то все, что сделала армия, пойдет насмарку.

– Да понимаю я, – махнул рукой Буденный, – по вашему плану у нас в тылу останется Польша, а это язва страшнее Средней Азии со всеми ее басмачами. Давайте лучше посмотрим, что у вас есть по командному составу?

Генерал-майор Василевский открыл большую красную папку.

– Семен Михайлович, в связи с тем, что у нас мало времени на какие-то особые изыски, то, посоветовавшись с товарищами, мы решили предложить назначить командующих армиями и корпусами тех советских генералов, которые один раз уже проявили себя в прошлом наших потомков. По принципу «от добра добра не ищут».

При этом мы учли, что по степени ответственности должность командующего армией Особого Назначения соответствует должности командующего обычным фронтом. Мы решили, что командовать должны: армиями ОСНАЗ – генерал-майоры Рокоссовский и Горбатов, генерал-

лейтенант Ватутин. Мехкорпусами ОСНАЗ – генерал-майоры Рыбалко, Лелюшенко, Лизюков, полковник Катуков, подполковник Черняховский. Мотострелковыми или конно-механизированными корпусами ОСНАЗ – полковник Плиев, генерал-майор Доватор, генерал-лейтенант Белов. Получается некоторый разнобой в званиях. Но это из-за того, что действительно способные командиры росли во время войны с утроенной скоростью.

Товарищ Сталин поставил перед нами задачу укомплектовать соединения ОСНАЗ действительно лучшим комсоставом, невзирая на нынешние звания кандидатов. Вот, можете убедиться сами, – Василевский передал папку Буденному – тут полные биографии и послужные списки всех упомянутых товарищей, а также некоторых резервных кандидатур.

Буденный быстро просмотрел вложенные в папку листы формата А4, с отпечатанным на нем текстом, потом снова посмотрел на Василевского.

– Спасибо, Александр Михайлович, – сказал он. – Это всё?

– Нет, Семен Михайлович, не всё, – вздохнул Василевский. – Дело в том, что части и соединения армий ОСНАЗ должны быть сформированы в самый кратчайший срок. Это необходимо, чтобы как можно больше времени было уделено освоению новой техники, боевой учебе и фактическому слаживанию. Лишнего времени у нас нет буквально ни одной минуты. Поэтому давайте сделаем так – сейчас вы еще раз просмотрите списки основных кандидатов, и если у вас не будет возражений, то оставим их секретарю товарища Сталина, а сами поедем на автобронетанковый полигон в Кубинку. Будем знакомить вас с боевой техникой потомков.

19 августа 1940 года, 18:35. СССР, Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, кабинет вождя

– Товарищи, вы уверены, что правильно усомнились в том, что наши органы справедливо поступили с комбригом Горбатовым? – сказав эту заковыристую фразу, вождь остановился у стола и стал медленно крошить в свою знаменитую трубку табак из папиросы «Герцеговина Флор».

– Совершенно уверены, товарищ Сталин, – ответил генерал Шаманов, – да и сами органы под руководством товарища Берии, всего через полгода проверив дело товарища Горбатова, выпустят его, полностью реабилитировав за отсутствием события преступления. Но, товарищ Сталин, у нас сейчас нет полгода лишнего времени...

– Хорошо, – кивнул вождь, – пусть будет по-вашему, товарищ Шаманов. Мы поручим товарищу Берии немедленно проверить дело

комбрига Горбатова и разобраться – не нарушена ли была социалистическая законность. А поскольку время дорого, то самого Горбатова немедленно доставят к месту формирования армий ОСНАЗ, под вашу, товарищ Шаманов, личную ответственность. Ну как, вы еще не передумали?

– Никак нет, товарищ Сталин, не передумал! – ответил российский генерал.

– Ну, вот и хорошо, – сказал Сталин, чиркнул спичкой и поднес огонь к набитой трубке. Выпустив первый клуб густого белого дыма, он сказал:

– Теперь, товарищи, вернемся к нашим делам. Ваш список кандидатов мы предварительно утвердим. Пусть они приступают к своим обязанностям. Но помните, самое главное в этом деле – всеобъемлющая секретность. О наших планах и, самое главное, о самом факте наших контактов с Российской Федерацией не должны пронюхать ни немцы, ни американцы, ни англичане, ни вообще кто-либо другой, кто не имеет на это права.

Если случится утечка, то положение наше осложнится до чрезвычайности. Поэтому, товарищи, весь командный и рядовой состав, участвующий в операции «Гроза плюс», а также гражданский персонал, не должны покидать территории учебных лагерей, вплоть до вывода их частей на исходные позиции перед началом операции. Это очень хорошо, товарищ Шаманов, что ваше руководство загнало эти учебные лагеря так глубоко в прошлое.

Товарищ Буденный, проработайте, пожалуйста, вопрос размещения в тамошнем Крыму семей задействованных в операции советских командиров и политработников. Надо, чтобы наши люди знали, что с их родными все в порядке, и тогда они до конца смогут выполнять свои обязанности. Да и их близкие не будут беспокоиться за своих мужей и отцов. На этом, товарищи, все, можете быть свободными.

20 августа 1940 года, 10:15. СССР, Москва, Кунцево, Ближняя дача Сталина, кабинет вождя

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – сказал генерал-майор Захаров, входя в кабинет вождя.

– Здравствуйте, товарищ Захаров, – поприветствовал гостя хозяин кабинета, – проходите. Вы, наверное, думаете, зачем мы вас вызвали? – товарищ Сталин сделал паузу и прошелся взад-вперед по кабинету. – Есть мнение поручить вам очень ответственный участок работы. Вы согласны?

– Так точно, товарищ Сталин, – с недоумением ответил генерал

Захаров, – я готов работать там, куда пошлет меня наша партия.

– Очень хорошо, – сказал вождь, – мы планируем назначить вас командующим формирующейся Первой Воздушной армией Особого назначения. Подчиняться вы будете только командующему фронтом Особого Назначения товарищу Буденному Семену Михайловичу. Ваша армия будет состоять из трех смешанных авиакорпусов и корпуса дальнебомбардировочной авиации. Вам все понятно?

– Не совсем, товарищ Сталин, – покачал головой Захаров, – какова будет численность входящих в армию авиакорпусов, какими типами самолетов они будут оснащены и какая перед нами будет поставлена задача?

– Задача перед вами будет стоять простая, – Сталин взял со стола трубку, – загнать хваленые люфтваффе Геринга в землю и бомбоштурмовыми ударами поддерживать наступление наших войск вглубь Европы. Для выполнения этой задачи мы дадим вам не только лучшие в мире самолеты, но и самый бесценный ресурс – минимум семь месяцев – на то, чтобы превратить ваших молодых летчиков из неопытных птенцов в умелых и сильных бойцов, настоящих сталинских соколов.

Для того чтобы вы могли успешно выполнить поставленную перед вами задачу, советская промышленность, получив поддержку от своих российских партнеров, даст вам четыреста высотных истребителей МиГ-3 с пушечным вооружением, тысячу двести уже знакомых вам фронтовых истребителей И-182, шестьсот штурмовиков Ил-2, триста пятьдесят пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и столько же фронтовых бомбардировщиков Ту-2.

В корпусе дальней бомбардировочной авиации вы будете иметь двадцать четыре поставленных из будущего бомбардировщика Ту-95, тридцать тяжелых дальних бомбардировщиков Пе-8, переоборудованных под моторы ВК-2500, и триста средних дальних бомбардировщиков Ер-2. Все самолеты ДБА будут иметь возможность применять поставленные из будущего высокоточные боеприпасы особой мощности.

Душа генерала Захарова возрадовалась. Дело было в том, что он только что вернулся с финальных испытаний И-182, оснащенного всеми дополнительными приспособлениями, вроде лазерного прицельно-дальномера и мини-радара, предупреждающего о появлении чужого самолета на дистанции стрельбы в задней полусфере. Сейчас конструктора изучали вопрос установки на этот истребитель вместо РС-82 от четырех до восьми ракет «воздух-воздух» ближнего радиуса действия «Игла-В».

Если все остальные типы самолетов прошли или пройдут подобную

же модернизацию, то в руках генерала Захарова, после надлежащей подготовки пилотов, появится инструмент огромной силы по завоеванию господства в воздухе.

Одно только «но» – генерал уже знал, как в том варианте истории директора авиазаводов отнеслись к решению о серийном производстве И-180. И товарищ Яковлев, приближенный к товарищу Сталину, вел себя не совсем подобающим образом. Эти свои сомнения генерал и высказал вождю, чтобы между ними не оставалось никаких недомолвок.

Товарищ Сталин задумчиво пососал потухшую трубку, потом, выдерживая паузу, медленно положил ее в пепельницу.

– Все необходимые распоряжения о начале производства НКАПу уже отданы, – тихим голосом начал он. – Но мы понимаем ваши сомнения и уже знаем, что директора авиазаводов из ложно понимаемых узковедомственных интересов могут саботировать выданные им задания. Поэтому мы дали широчайшие полномочия и назначили ответственным за контроль исполнения посуточного графика выпуска самолетов и прочей боевой техники лично товарища Берия. Директора заводов будут докладывать о выполнении графика выпуска военной продукции, как в военное время, каждый день, ровно в 23-00. Вам этого достаточно?

– Так точно, товарищ Сталин, достаточно, – ответил Захаров и добавил: – Если это дело поручено товарищу Берия, то, как говорят потомки, все будет тип-топ, и самолеты поступят в части в полном объеме и вовремя.

– Мы тоже так думаем, – улыбнулся в усы Сталин, – первые партии истребителей придут на полигоны уже на днях. Не стесняйтесь использовать их по полной программе. Только интенсивная эксплуатация способна до конца выявить все недостатки.

Мы направим вам на аэродромы представителей от заводов и КБ. Пусть они, в случае выявления дефектов, на ходу вносят изменения в конструкцию и технологические процессы. При наборе на обучение берите по полтора летчика на одно место и, при малейшей неспособности или халатности, немедленно отчисляйте. Быть пилотом Воздушной армии ОСНАЗ – это высочайшая честь и привилегия, а отнюдь не право. У вас должны быть собраны только лучшие из лучших.

Но вы не беспокойтесь, вам не придется делать всю работу в небе. Мы здесь за оставшееся время постараемся подтянуть уровень подготовки и оснащения линейных частей ВВС РККА. Если вам удастся сломать кость, то они должны суметь съесть мясо. Постараемся избавиться от чисто пулеметных истребителей – товарищи потомки правы – время подобных

самолетов прошло. Даже И-16 и «Чайки», вооруженные пушками, в своей нише способны еще на очень многое. Погодите минуту... – Сталин снял трубку внутреннего телефона: – Позовите ко мне Василия.

Минуты через три вошел невысокий худощавый рыжеватый летчик с тремя кубарями старшего лейтенанта в петлицах.

– Знакомьтесь, товарищ Захаров, – сказал вождь, – мой младший сын Василий. В марте этого года он закончил Качинскую летную школу. Поскольку он, с одной стороны, порядочный шалопай, а с другой – не может жить без авиации, мы думаем, что будет лучше, если он пройдет школу настоящего бойца под вашим руководством. В тот раз я слишком много его оберегал, и после моей смерти все это закончилось для него трагедией. Я надеюсь, что вы сделаете из него не только настоящего боевого пилота, но и примерного советского человека.

Сталин повернулся к сыну.

– Смотри, Василий, там ты будешь на таком же положении, как и все остальные летчики. Забудь, что ты сын товарища Сталина, и попробуй добиться всего самостоятельно. Возвращайся сюда с победой! Тогда я смогу по-настоящему гордиться таким сыном. – Ты понял меня?

– Да, отец, – вспыхнул Василий, – ты будешь мной гордиться!

– Все, Василий, – кивнул Сталин, – иди. Подожди у входа, нам с товарищем Захаровым надо еще кое о чем переговорить.

– Итак, товарищ Захаров, – сказал Сталин, когда Василий вышел, – вы начинаете немедленно. В Крыму, на известном вам аэродроме Кача уже организован пункт перехода на Полигоны. Мы даем вам карт-бланш на то, чтобы отобрать из летных частей и из училищ самых способных пилотов. Лучшие самолеты и лучшие летчики под вашим руководством должны разгромить вражескую авиацию. Каждую неделю я жду от вас письменного рапорта, а через два месяца, когда закончите формирование костяка армии, вы приедете и отчитаетесь мне лично. Успехов вам, товарищ Захаров, мы надеемся, что оправдаете оказанное вам доверие.

31 марта 1680 года, полдень. Полевой лагерь Сталино-5

Семен Михайлович остановил коня на плоской вершине холма. Нещадно палило южное солнце. Только утром сегодня прошел дождь. Но потом облака рассеялись, и земля сильно парила.

Внизу, у подошвы холма, плотной колонной на рысях шел 11-й кавалерийский Саратовский Краснознаменный полк из состава 5-й кавалерийской дивизии 2-го кавкорпуса. Это была одна из первых частей, переброшенная на Полигоны из 1940 года. Еще в пункте постоянной

дислокации был получен дополнительный конский состав, а по прибытии на место бойцы были экипированы надлежащим образом и перевооружены по российским стандартам. Выглядели они сейчас, на взгляд Семена Михайловича, непривычно, хотя даже он не мог не признать, что вид у бойцов грозный и донельзя бравый. Да и на самом Семене Михайловиче в данный момент был не привычный китель и галифе, а такая же командирская экипировка, в удобстве которой ему уже не раз довелось убедиться.

Правда, вид видом, а вот с обучением бойцов еще придется повозиться. Заводные и вьючные лошади путались в колонне, сбивая темп, новая амуниция сидела неловко, как седло на корове. Бойцы то и дело поправляли сползшую набок каску или перекосившийся бронежилет. Но Семен Михайлович понимал, что все это преходяще. Для того чтобы довести навыки до автоматизма, есть еще более полугода. Самое главное, что после доукомплектования и перевооружения возможности полка сравнялись с дивизией, а дивизии – с корпусом.

Ночами, нацепив на нос очки, Семен Михайлович перечитывал все, что историкам удалось найти о дальних походах «железных туменов» Потрясателя Вселенной Чингисхана, гуннских орд Аттилы, и конных дружин русских князей. Этот забытый опыт мог пригодиться и при выработке тактики для конно-механизированных корпусов ОСНАЗ. Хотя какие они, к черту, корпуса! Две кавалерийских и четыре легких мотострелковых дивизии – это как минимум армия. Пусть легкая и подвижная, словно капля ртути, и несравнимая по огневой мощи с формируемыми по соседству механизированными монстрами. Но все равно – армия.

Чтобы поставить на колени ту же Румынию, хватило бы двух-трех подобных соединений. Хотя какой-то смысл во всем этом был. Получит вражеская разведка информацию о «корпусе» и будет думать о двух-трех дивизиях. Фактически же удар будут наносить силы вдвое или втрое больше по численности. А техника и вооружение... А подготовка...

Как старый вояка, маршал Буденный всей душой принял идею «учебной войны», в процессе которой ударные части должны были пройти максимально полную боевую подготовку. Для всей многомиллионной РККА такое мероприятие было бы безумно дорогим удовольствием и могло насторожить всех своих соседей. В конце концов, свою подготовку нападения на Перл-Харбор японцы в той истории тоже проделывали в глубокой тайне. И в результате получили настолько чистую победу, насколько это вообще было возможно...

Семен Михайлович сам лично пострелял из всех видов оружия потомков, от АКМСов со складным прикладом, что было особенно удобно для кавалеристов, станковых пулеметов «Печенег» и тяжелых НСВ, перевозимых во вьюках, до противотанковых гранатометов и реактивных огнеметов «Шмель». А когда бойцы научатся правильно всем этим пользоваться...

Буденный даже не хотел поставить себя на место того немецкого генерала, у которого в тылах появится хотя бы один такой, не связанный дорогами, но мобильный и до зубов вооруженный полк. Мотострелки на легких, не знающих преград бронетранспортерах тоже не будут для противника подарком. Но самой опасной и страшной ударной силой должны стать механизированные корпуса нового типа.

Старый кавалерист не был танкистом, но понимал, что именно танки таких командиров, как Рыбалко, Лелюшенко, Горбатов, Катукон и Черняховский, решат исход войны. Сейчас эти люди еще мало кому известны и находятся в тени «героев Гражданской», к которым, кстати, принадлежит и сам Буденный. Но в той истории именно они стали следующим поколением советских полководцев, навсегда вошедших в историю. Им тоже придется многому учиться, потому что от их знания и умения зависит всё.

Только вчера Семен Михайлович был в лагерях у танкистов Рыбалко. Они были расположены в полусотне километров отсюда. Там, в условиях походно-полевых мастерских, уже начали снимать с консервации первые, поступившие из будущего танки. Глухо стучал где-то за ангарами дизель-генератор, визжали электрические тали, сыпались искры из-под дисков болгарок и электросварки. Перемазанные и чумазные деды и их внуки, в одинаковых черных рабочих комбезах, возились на машинах со вскрытыми МТО. И сразу нельзя было понять, кто из них кто.

Буденный полной грудью вдохнул запах соляра, машинного масла, вслушался в звуки аврала и понял, что люди, которые всем этим занимаются, свое дело знают. Потом, в ходе боев, этот опыт будет использован при восстановлении поврежденной и подбитой техники. Единственное распоряжение, которое им было отдано по итогам этого визита, это чтобы график введенной в строй техники ему докладывался ежедневно. От танкистов Буденный поехал к кавалеристам. А завтра у него по плану были мотострелки.

Генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев, назначенный комендантом района Полигонов, с ходу развернул бурную деятельность. И теперь в чистом поле каждый день появлялись

новые палаточные городки, размечались места для стрельбищ, танкодромов и мишенных полей для артиллерийских стрельб.

Генерал-майор Василевский, взяв на себя все бумажные дела, разворачивал на базе Ставрополь-65 самый настоящий штаб фронта. Семен Михайлович стремился везде побывать лично, все пощупать своими руками и увидеть своими глазами. Сейчас ему предстояло на новом техническом и организационном уровне повторить то, что он уже один раз совершил двадцать лет назад, создавая Первую Конную армию.

Тогда, на том техническом уровне, она стала великолепным инструментом маневренной войны. Теперь же маршалу Буденному предстояло повторить тот опыт в куда более крупном масштабе, только на значительно более высоком техническом уровне. Советским старшим командирам предстояло научиться управлять боевыми действиями на огромном пространстве в реальном режиме времени, применять все виды вооружения, включая тактические ядерные боеприпасы (не дай бог, конечно), и просчитывать все действия противника на три хода вперед.

Для обучения войск в качестве инструкторов были собраны как советские ветераны Финской, Гражданской и войны в Испании, боев на реке Халхин-Гол, так и российские контрактники, прошедшие все – от Второй Чеченской через Пятидневную войну к операциям по принуждению к миру на Украине и в Сирии.

Что самое интересное, специалисты из разных времен сразу же установили тесный контакт и получили у обучаемых старорежимное прозвище «шкуры». Но пройдет время, и повзрослевшие мальчики, ставшие мужчинами, придут и поклонятся в ноги своим сержантам, гонявшим их, неразумных, до изнеможения. Ибо прав был Александр Васильевич Суворов, говоривший, что шансы выжить в бою растут, если в учении будет тяжело. А если помножить подготовку бойцов на качество и мощь полученного из будущего вооружения, то, как сказал товарищ Сталин: «Иногда мне даже жаль немцев – они просто не представляют, во что собираются ввязаться». Но как говорится – это уже их проблемы.